

Айя Субботина

Проклятие для Обреченного

Глава первая

О том, что в Красный шип едут Скорбные девы я узнаю, сидя на балконе, в той части материнского замка, которая теперь безнадежно разрушена войной. Здесь все шатается, камни жмутся друг к другу от каждого сквозняка, а на стенах и полу, если присмотреться, до сих пор остались силуэты выжженных проклятой халларнской магией тел.

Никто не ходит в эту часть Красного шипа.

Только я.

Потому что только здесь меня никто не тронет: даже нанятые отчимом убийцы вряд ли рискнут соваться туда, где их вечной могилой может стать многотонная гора древнего камня. А на тех, кто рискнули бы, у мерзавца просто не хватит денег, потому что он давным давно пустил по ветру все мое наследство. Ту его крохотную часть, что не отошла в казну императора-самозванца.

Они появляются на холме: темная процессия, мрачная даже на фоне выжженной битвами земли. Над их головами реет черное с красным солнцем знамя, и даже ветер, кажется, боится надолго к нему прикасаться. Ткань вспучивается в резких порывах, словно вот-вот сорвется с древка, а потом опадает, словно обезглавленное тело.

Ленивая процессия медленно подбирается к развилке, и я сглатываю, чувствуя знакомый болезненный зуд чуть ниже пупка. Прошло четыре года, но я до сих пор чувствую, как кровотоцит вспоротая кинжалом кожа, как я толчок за толком теряю драгоценные годы жизни. Так всегда, стоит появиться угрозе. То, что чуть меня не убило, теперь предупреждает обо всех напастях.

Знамя вскидывается на ветру, и я пристально вглядываюсь во всадниц, все еще надеясь, что они повернут направо или налево, но все шестеро упрямо тянутся в мою сторону.

Нет.

У меня дрожат колени. Я спускаюсь с широких перилл, но едва могу стоять на ногах, практически ползком добираясь до укромного места за колоннами. Здесь холодно, темно и сыро, но я бы с удовольствием провела так всю отведенную богами жизнь, только бы не стать избранной.

Но проклятый шрам никогда не болит просто так.

Пальцы взмываются вверх, отчаянно, ломая и срывая ногти, рвут с шеи каменное кольцо.

Это бесполезно. Сколько раз я пыталась снять с себя цепь? Ученые мужи еще не придумали таких цифр.

Отчим позаботился о том, чтобы я не сбежала, не выскочила замуж и не добавила ему «хлопот» с наследством. Которого, впрочем, уже и так нет.

Страх сковывает меня, на минуту разум окунается в туман - и все, о чем я могу думать: они меня не получат. Ни за что. Я не стану жертвенной овцой. Я лучше...

Бегу. Просто бегу: по длинному полуразрушенному коридору, битому разноцветному стеклу. Из пурпурного осколка на меня смотрит нарисованный черный глаз, перевернутая статуя воина валяется на полу без обеих рук, и я поздно замечаю словно нарочно брошенный под ноги каменный топор. Понимаю, что упаду, и в самый последний момент прикрываю ладонями лицо. По крайней мере, я не буду слепой и безобразной, когда меня, обернутую в белый ритуальный саван, поведут к жертвеннику.

— Госпожа. - Верная кормилица всегда рядом: подает руку, отряхивает с моего потрепанного домашнего платья битое стекло, пыль и паутину. - Госпожа, ты в порядке? К лекарю может?

«Лекарь спасет меня от смерти?»

Я проглатываю горькие слова, отодвигаю заботливые руки и, прихрамывая, иду к лестнице.

Когда халларны спустились с небес на своих стальных драконах и воздушных кораблях, государства Малдарии одно за другим, словно спелые сливы, пали к ногам императора и его кровожадной армии. Год назад тиран пришел на Север - и гордый непокорный народ, сотни лет мечом и топором отстаивающий свою свободу, оказался абсолютно беспомощен перед неизведанным, перед воинами, которых не брал ни клинок, ни стрела. Они принимали огонь, словно божью благодать, а заслоны и обереги северных колдунов разбили вдребезги, словно хрупкое стекло.

Север встал на колени.

И платит дань вместе с другими покоренными землями.

Человеческими жизнями, пролитой на алтарь нового бога кровью.

Император называет это «чистыми жертвами».

Лицемер.

— Госпожа, может быть... - Кормилица бежит за мной, пытается что-то вытащить из волос, но я отмахиваюсь от ее зудящей заботы.

Всегда есть маленькая надежда, что они возьмут не меня.

В этом замке есть еще одна подходящая жертва.

Но проклятый шрам никогда не болит просто так.

Намара, дочь отчима от первого брака, младше меня на четыре года: ей всего восемнадцать, и она в самом соку. Красивая, сочная, с золотистой кожей и длинными темными волосами, переплетенными золотыми шнурами по последней халларнской моде.

Я замираю на ступенях, разглядывая свое отражение в отполированном до блеска трофейном щите. Провожу ладонью по лицу, закрываю глаза и прошу Заступницу послать мне каплю чуда.

Намара открывает рот, чтобы встретить меня какой-то заранее приготовленной мерзостью, но знакомый и до дрожи пугающий звук колокольчика заставляет ее выпучить глаза.

Когда приходят Скорбные девы, даже сквозняки в страхе расплзаются по щелям.

Слуги распахивают двери, отчим почтено кланяется, чуть не ломаясь в поясице, Намара падает на колени и начинает иступлено молиться Трехголовому. Хоть на что-то сгодились ее вечно забитая платьями и подлостями голова: она разучила молитву богу узурпаторов и даже я едва слышу в резкой, как искры из-под кузнечного молота, халларнской речи отголоски северного наречия.

— Бог, что все видит, пусть хранит обитель смиренных, - говорит Старшая жрица, переступая порог.

На ее груди - обсидиановый медальон в форме глаза. Такой же тяжелый, как и взгляд, которым жрица скользит по всем обитателям замка.

Еще четверо заходят следом, рассредоточиваются вдоль стен бесшумными призраками.

Последней, шестой, на вид не больше десяти лет. На круглой, как шар, бритой голове совсем свежая вязь из плохо зарубцевавшихся шрамов. Она звонит в колокольчик, и с каждым ударом Намара едва ли не впадает в праведный экстаз, а заплывшее жиром тело отчима ходит ходуном, словно студень.

— Смиренные покорны и возносят хвалу Видящему, - лепечет он, припадая губами к одеянию Старшей жрицы.

Мне не кажется, когда она брезгливо одергивает подол и пристальнее вглядывается в лицо Намары.

«Забери ее! - мысленно кричу я. - Ваш Трехглавый бог будет рад, выпив кровь такой красотки!»

Жрица идет дальше, и девочка с колокольчиком следует за ней.

День-дон. День-дон.

Жрица берет мое лицо за подбородок, вздергивает, вынуждая посмотреть ей в глаза.

— Ты не возносишь хвалу, - говорит без тени удивления. - Не прославляешь отца всего живого и мертвого.

— Я молюсь своим богам, - говорю в ответ.

Какой смысл врать? На мне ошейник, я некрасива, и мой отчим найдет пару веских аргументов, чтобы убедить Скорбных забрать падчерицу вместо родной кровинушки. Толстяк умеет договариваться даже со смертью, раз она трижды отпускала его из своей пасти.

— Твои Боги мертвы, - снисходительно говорит жрица.

— Можно уничтожить храм, можно уничтожить идолов, но нельзя сжечь веру, - сквозь зубы

отвечаю я.

Она усмехается, подает знак девочке, и та выуживает из складок хламиды каменную печать в форме пылающего глаза.

Я сглатываю горечь и мольбу о пощаде.

— Протяни ладони, дитя, - приказывает жрица.

Руки предательски дрожат, когда я выставляю их перед собой.

Я не хочу умирать.

Я не хочу.

Не хочу!

Лязг, скрежет металла и низкий звериный рык заставляют жрицу вскинуть голову.

А я трусливо прячу руки за спиной, сцепляя пальцы в замок.

Если она снова прикажет протянуть ладони, ей придется отрезать их кухонным ножом.

Глава вторая

У тех, что летают выше облаков, стальные тела и огонь внутри бронированных животов.

Мы называем их драконами, хоть эти твари не очень похожи на гравюры вымерших древних существ, некогда обитавших на ледяных просторах Севера.

Облегчение от избавления быстро проходит, когда я понимаю, что это лишь задержка перед бурей, потому что на порог Красного шипа явно пожаловал если не сам император, то один из его цепных псов-генералов. Возможно, кровожадному Трехглавому не понравилась моя дерзость и вместо того, чтобы довольствоваться одной костлявой еретичкой, он решил сожрать все нерадивое семейство.

Халларны не приходят просто так, чтобы пожелать благ и мирных снов.

Они несут огонь, разрушение и смерть.

Когда тяжелая ленивая поступь достигает порога, даже Старшая жрица опускает взгляд в пол, и замолкает вечно воющий в башнях и дымоходах западный ветер.

Я чувствую запах крови, отчаяния, и осевшие на голову проклятого убийцы стоны заживо сожженных, повешенных и обезглавленных. Он носит их гордо, словно корону.

Правая рука императора.

Потрошитель Тьёрд.

А тени за окнами – Сыновья резни, три десятка лучших вымуштрованных воинов, всюду следующих за своим генералом. Говорят, они умерли задолго до того, как родился этот мир, и что Тьёрд вырвал их из чрева Трехглавого, когда тот подавился собственным безобразным порождением и с проклятиями изрыгнул его обратно.

— Я проведу здесь ночь, - не глядя ни на кого конкретно, озвучивает свое решение Тьёрд. - Накорми моих воинов, кхет[1], пока они не обглодали твои кости.

Отчим иступлено поколачивает лбом пол, а моя сводная сестра, внезапно, словно Огненная птица восстает из пепла: она все еще на коленях, но уже расправила плечи и откровенно привлекает внимание попытками заговорить и выразить радушие на халларнском.

Боги, надеюсь, она делает много ошибок в словах.

Но генералу нет дела ни до кого из нас: они со Старшей жрицей явно играют в одну им понятную игру, сражаясь взглядами не на жизнь, а на смерть. Личные псы тирана-императора не балуют почтением никого, кроме своего воинственного бога и хозяйской руки. Что им какие-то жрицы с их жертвами, когда они мечами «жертвуют» Трехглавому куда более щедро и днем, и ночью.

— Разве верному воину императора не полагается быть на поле битвы? - первой разрушает напряженную тишину жрица. У нее бледные, как будто нарочно обескровленные губы и гневный взгляд.

— Разве я обязан отвечать на глупые бабские вопросы? - спокойно, не утруждая ни одну лицевую мышцу, в свою очередь интересуется Тьёрд. - Ты и твои сестры уже собрали кровавую жатву, Алигара. Видящий остался глух к вашим унылым мольбам?

Любого из нас, кто посмел бы высказать хоть толику неуважения к Трехглавому, уже давно предали бы скорому железному суду - отсекли язык вместе с головой. Но этому монстру можно все, потому что он - сам себе бог, сам себе указ и исполнитель. Потому что его боится даже смерть.

— Императору следует почаще пороть своих псов, - низко шипит Старшая жрица и снова тянет ко мне сухую костлявую руку. - Твоя ладонь, дитя.

Я молча, словно полоумная, мотаю головой и пячусь к лестнице.

Я не хочу лежать на каменном алтаре со связанными лодыжками и запястьями и смотреть, как кинжал, которым мне перережут горло, натирают специальными маслами и омывают благословенным огнем. Лучше пусть этот монстр оборвет мою жизни прямо сейчас. По крайней мере, мне не придется долго и мучительно вглядываться в лицо смерти.

— Ты знаешь, что за непослушание Видящий жестоко накажет всю твою семью? - Жрица продолжает наступать на меня, и девочка с лысой головой снова ритмично бьет в колокольчик. - И что я могу...

Жрица не успевает закончить, спотыкается о мое выражение лица, потому что я вижу то, чего она видеть не может: огромную мощную фигуру генерала за ее спиной, и руку в стальной перчатке, которая опускается ей на плечо.

Металлические, с глубокими царапинами пальцы сжимаются вокруг выпирающей плечевой кости, женщина издает болезненный вскрик, пытается скинуть с себя руку, но Тьёрд запросто отодвигает ее куда-то подальше с глаз и скупой отдачей распоряжение:

— Я собираюсь провести ночь под крышей этого дома, Алигара, и до тех пор ты не тронешь ни одного из них. Или, - в его голосе появляется намек на иронию, - можешь попробовать взять эту кхати[2] и через несколько мгновений будешь лично разговаривать с Трехглавым. С удовольствием отправлю ему в подарок свой меч, воткнувший в твою сердце.

Происходящее кажется невозможным сном. Пес императора спасает недостойную кхати?

Я не позволяю своему сердцу слишком быстро радоваться, хоть оно буквально скачет галопом. Только что выжженная отчаянием пустошь покрывается зеленой сочной травой, а голова кружится от острой потребности жить. Не когда-то потом, а прямо сейчас.

— Император узнает о тебе, - злой собакой огрызается жрица и, глядя на меня через плечо, бросает странно похожее на пророчество: - Лучше умереть на алтаре, чем оказаться должницей Отшельника Тьёрда.

Даже когда безмолвные тени во главе со своей жрицей растворяются за порогом, я продолжаю слышать звон колокольчика, только теперь его голос изменился до злого шепота: «Лучше смерть, лучше смерть...».

Тьёрд поворачивается в мою сторону, но у меня не хватает сил смотреть ему в глаза. И язык намертво прилипает к нёбу, превращая мои попытки благодарности в бестолковое мычание.

— Как тебя зовут? - Его голос бессердечен, скуп и абсолютно холоден.

— Дэми, аз'рим[3]. - Зубы стучат до противного громко, и я без всякой надежды проваливаю попытки обуздать страх.

Железные пальцы крепко обхватывают мой подбородок, прожигая будто до самой кости, оставляя под кожей вмятины, осколки и мертвую плоть. Я боюсь открывать глаза, я даже перестаю дышать, вдруг остро осознавая, что жрица с ее пророчеством могла быть права.

Пальцы сжимаются сильнее.

Мне придется взглянуть в лицо своему ужасу, иначе он просто раздавит мой череп, словно яичную скорлупу.

Красный взгляд сжигает меня на месте. Я чувствую себя пеплом на сапогах этого человека, придорожной пылью, которую стирают плевком. Беспощадная аура силы, власти, ужаса обрушивается на то немногое, что от меня осталось, и прямо сейчас я готова броситься вслед за жрицей и умолять забрать меня в жертву своему кровожадному богу, лишь бы больше никогда не видеть эти глаза.

Теперь я знаю, почему о генерале говорят так, будто он не смертный человек.

Он не сделал ничего, но полноводная река моей жизни только что высохла, а там, где она протекала, теперь вековые трещины, кости и прах.

Его нельзя назвать красивым. Разве что считать за красоту зарубцевавшийся исцарапанный клинок после тяжелого боя. Слишком крупные губы, слишком крупный острый нос, слишком выразительный росчерк шрама поперек всего лица. Длинные темные волосы с одной единственной белой прядью, но это не седина. Отшельнику немногим больше тридцати, если представить, что его можно обмерять годами моего мира. Там, откуда пришли халлары, не стареют и живут веками.

Я хорошо вижу алую паутину под его кожей, на правой щеке: тонкие нити пульсируют и вскоре гаснут.

Халлары - кто угодно, но уже давно не люди.

— Будешь прислуживать мне за столом, - решает Тьёрд и поворачивается спиной, как будто увидел достаточно, чтобы больше не утруждать свое чувство прекрасного попытками разглядеть красоту в безобразии. Подает руку Намаре - и сестра виснет на ней, словно это ее, а не меня он спас от смерти. - А ты будешь развлекать меня беседой.

Сестра благоухает, как цветок, зовущий пчел.

Улыбается, хлопает ресницами и, конечно, уже строит планы. Она всегда так делает, стоит на горизонте появится подходящей партии. А лучше Правой руки императора может быть лишь его Советник и он сам.

Еще немного - и Намара выскочит из платья, раскинет ноги, как потаскуха, и покажет захватчикам, каким «горячим» может быть северное радушие.

Меня от нее тошнит.

Наверное, поэтому, вопреки всякой воли, мой рот открывается, и я слышу собственный голос:

— Я не служанка, аз'рим.

Он даже не утруждает себя поворотом головы, бросая будто бы совсем и не мне:

— Я знаю, кхати, но сегодня ты ею будешь.

[1] Кхет - на халларнском буквально «низкий человек», ничтожество.

[2] Кхати - женская форма слова «кхет»

[3] Аз'рим (сев.) - уважительное обращение к людям из высшей касты.

Глава третья

Мой страшный сон наяву: в доме, где жили поколения моих предков, где в любви и ласке родилась я, где отец читал мне о великих героях Севера, а мать расчесывала волосы золотым гребнем, за главным столом сидят люди, недостойные быть даже грязью на моих сапогах.

А я стою за стеной, глотаю слезы и жду, когда чаша проклятого убийцы опустеет - и он окликнет меня, словно служку в дешевой таверне.

Если бы только у меня был яд, все трое давно были бы мертвы, а я - свободна.

— Гляди, что я припрятала. - Кухарка, Старая Ши, украдкой тычет мне в руку горсть засахаренных фруктов и орехов. - Ешь, пока злыдень не видит.

Я думала, их уже не осталось. Богатые кладовые, в которых чего только ни было, давно опустели и стали мрачной обителью пауков и сколопендр. Почти все ушло на нужды нового правящего порядка, остальное отчим непрерывно запихивал в свое ненасытное брюхо. Кое-что растащили слуги, подавшиеся в бега после того, как Красный шип едва не сгорел.

Я с горечью смотрю на горку сладостей и, чтобы не заплакать, втягиваю губы в рот, прикусывая до острой отрезвляющей боли. Этого не хватит даже чтобы утолить голод, но достаточно, чтобы воскресить в памяти времена, когда я была счастлива.

— Спасибо, Старая Ши, - ссыпаю угощение обратно в морщинистую ладонь и для верности сжимаю ее в кулак. - Мне правда не нужно.

В замке почти не осталось слуг, лишь те, которым не было куда идти, и несколько тех, кто сохранил веру памяти моих родителей. А Старая Ши, кажется, была всегда: я не помню кухню без ее круглой пухлой фигуры и вечно испачканного пряностями передника.

В ту ночь, когда по стене моей спальни поползла тень убийцы, сын Старой Ши прикрыл меня собой. Я должна этой женщине больше, чем уважение, потому что обязана жизнью.

Ужин тянется до поздней ночи: мы трижды меняем блюда и в конце подаем сладости с подогретым терновым вином, конфетами и медовыми кексами.

И когда Тьёрд, наконец, встает из-за стола, я молча радуюсь, что пытка унижением, наконец, закончится.

Но убийца снова подзывает меня, заставляя стоять столбом и ждать, пока он закончит выслушивать бредни моей сестры. Радует лишь то, что за весь вечер я ни разу так и не заметила интереса в его страшном взгляде. Что бы Намара о себе ни возомнила, она зря трудила рот, который, возможно, скоро снова пустит в дело, но уже по иному назначению.

— Я могу провести тебя в комнату, аз'рим, - воркует сестра, но Тьёрд уже берет мой локоть и, развернув, словно куклу, ведет за собой.

— Дэми поможет мне принять ванну, - нарочно громко озвучивает свои намерения. - И до тех пор я отрублю ноги любому, кто посмеет переступить порог моей комнаты.

Жрица была права: лучше смерть, чем быть в долгу.

Но теперь это уже неважно.

Когда-то Красный шип был лучшим замком в округе. Наследство моего деда по материнской линии, обитель воителей Севера, в чьих жилах текла королевская кровь. Когда-то здесь были шумные застолья, а рев героических песен разносился по всей округе. Звенели, сталкиваясь, серебряные кубки, вино лилось рекой. А я любила украдкой забираться к отцу на колени и засыпать под песни скальдов, прославляющие богов и былинных героев.

Теперь от былого величия не осталось ничего.

Несколько комнат в полуразрушенной башне и разноцветные мхи из всех щелей.

Но именно сюда, вверх по выщербленным ступеням, ведет меня Тьёрд. Он словно слишком радушный хозяин: собирается устроить меня на ночлег, а не наоборот. А я даже рта раскрыть не могу, потому что он запросто может просто швырнуть меня вниз, и тогда где-то там, у подножия лестницы, моя голова лопнет, словно перезревшая тыква.

Потому что я для него - ничтожество, паршивая кхати, даром что в моих жилах течет кровь прародителей Севера.

Генерал останавливается лишь раз: когда мы поднимаемся на несколько этажей и оказываемся в полутемной сырой галерее, заполненной злыми сквозняками и вороньем. Наше появление вызывает возмущенное хлопанье крыльев, карканье - и я вскрикиваю, когда прямо над моей головой пронесится огромная черная тень.

Нельзя показывать свою слабость перед тем, кто топчет могилы моих предков железным сапогом, и я изо всех сил стараюсь держать голову ровно. Но когда где-то под куполообразным потолком раздается возмущенное карканье - и на наши с Тьёрдом головы валит настоящий шквал птиц, я абсолютно бесконтрольно, повинуясь инстинктам, прижимаюсь к Тьёрду плечом.

Потому что испуганная женщина во мне кричит: он - сильный мужчина, он знает, как управляться с мечом, рядом с ним безопасно.

А другая часть меня, которая помнит огненный дождь, падавший градинами на мой дом, и воинов, которые вырезали всех, кто был в силах поднять оружие, требует прямо сейчас обхватить его за шею и вместе с ним кинуться с башни через дыру в стене. Избавить Север хотя бы от одного тирана.

Тьёрд даже не шевелится. Он абсолютно спокоен - и сердце в его груди стучит ровно и медленно, как у крепко спящего. Он не отталкивает меня, но и не похоже, чтобы хотел воспользоваться шансом грязно облапать недостойную кхетку. Ему как будто все равно до происходящего, даже если вместо птиц на наши головы обрушится камнепад.

Но потом Тьёрд резко вскидывает руку - и сдавленный вороний крик заставляет меня еще сильнее вжать голову в плечи. Я стыжусь своего страха так сильно, что идея шагнуть за стену и уснуть вечным сном больше не кажется такой уж безумной.

— Посмотрит на меня, кхати, - приказывает тиран, и я тут же широко распахиваю глаза.

Стальные пальцы с какой-то особой смертельной осторожностью стискивают черное трепыхающееся тело. Я еще не знаю, что он хочет показать, но мне уже жаль ворона. В чем-то мы с ним похоже: он тоже просто хотел защитить место, которое считал своим домом.

— На что мне нужно смотреть, аэ'рим? - спрашиваю я, когда первая волна паники сходит и ко мне возвращается способность говорить.

— На урок, - говорит он, лишь на самую малость сжимая пальцы.

Ворон успевает издать лишь один короткий крик - и на моих глазах превращается в пепел. За мгновение короче, чем выдох между двумя ударами сердца. Перья, кровь и плоть, даже кости - все перемешивается в сизый прах, и Тьёрд лениво цедит его сквозь пальцы.

Это урок послушания? Угроза?

Но я и так боюсь его до смерти, какой бы храброй ни пыталась казаться самой себе.

— Я хочу поговорить с тобой о твоей сестре, - наконец говорит генерал. - Без свидетелей. Поэтому, - он еще раз с ног до головы окидывает меня оценивающим взглядом и не трудится показать хотя бы тень интереса, - увел нас обоих подальше от лишних ушей.

— Значит, мне не нужно прислуживать тебе во время купания?

Впервые он выглядит искренне удивленным, даже слегка приподнимает густую черную бровь, такую же неидеальную, как и все его лицо.

— Ты будешь прислуживать, кхати, потому что я так хочу.

Глава четвертая

Комната, в которой проведет ночь генерал, когда-то была спальней моих родителей. Она единственная из всех в этой башне, которая практически не пострадала во время нападения армии халларнов. Но, несмотря на это, пустует, потому что здесь стоит зверский холод. Большая часть труб, по которым шел теплый пар, пришла в негодность, и теперь они торчат из стен и пола обезглавленными ржавыми змеями. Комната родителей слишком велика, чтобы хоть немного в ней натопить, нужно потратить столько дров, сколько хватит на добрую треть месяца. Непозволительное расточительство. Не то что новое платье и шелковые ленты для Намары.

Тьёрд входит первым и бегло осматривается, а я мнусь у порога, не решаясь пройти дальше, потому что здесь еще слишком живы болезненные воспоминания последних лет. Сперва на той огромной кровати в муках скончался мой отец, а несколько лет назад, тихо и спокойно, проведя три дня в горячке, мать. Перед смертью ее разум затуманился, и она отошла в иной мир, даже не вспомнив, кто я и как меня зовут.

Словно и не было этих лет, словно ее тело только что завернули в саван и вынесли в усыпальницу, а в пыльном воздухе до сих пор стоит тонкий аромат можжевелевого масла.

Слуги развели огонь в камине и расставили жаровни с лавовым камнем, но в комнате все равно холоднее, чем в могиле. Я потираю озябшие плечи, пока Тьёрд медленно обходит комнату, бросает взгляд на заваленную шкурными покрывалами постель и скрывает за пологом, откуда вырывается облачко пара.

Что он хочет узнать о Намаре?

Или, может быть, я неверно задаю себе этот вопрос, и следует спросить себя: что я готова о ней рассказать? И будет ли это правда и только правда?

— Я жду, кхати, - доносится голос Тьёрда. - Или мне следует повторить урок на ком-то из твоих слуг? Может быть, на кухарке?

Как я могла думать, хоть бы самый краткий миг, что рядом с ним может быть безопасно?

Боги, покажите меня слепотой и глухотой, если я еще раз так опрометчиво забудусь.

Генерал стоит около до краев наполненной мраморной ванной, в которой места хватит даже для двоих. На стенах купальни, под толстым слоем плесени и трещин, еще можно рассмотреть красивую вязь мозаики, но разруха неумолимо добралась и сюда.

— Сними, - отдает следующий приказ мой личный тиран на этот вечер.

Протягивает левую руку, и я долго вожусь со шнуровкой на стальном наруче с гравировкой в виде обломков меча. Вместо правой руки, оторванной от самого плеча, у него механический протез, который каким-то абсолютно непостижимым мне образом словно растет из его плоти, является естественным продолжением костей, суставов, мышц и сухожилий. Непонятная ни одному смертному природ халларнов, способность их тел сливаться с черным железом и алхимической сталью.

Однажды я видела воина, у которого была лишь одна нога из плоти и крови, а вместо половины лица стояла железная выпуклая пластина, начищенная, словно парадный щит. Однажды, я видела маленькую девочку с металлическим глазом. Однажды я видела такое, что лишь тень воспоминания вызывает острый приступ тошноты.

Я одергиваю руки, когда наруч с лязгом падает на пол.

— И это тоже, - Тьёрд поднимает руки и терпеливо ждет пока я, наконец, пойму, что от меня требуется.

Он хочет, чтобы я раздела его всего? Чтобы осталась наедине с обнаженным мужчиной?

Мои руки дрожат от смеси отчаяния и злости, когда я, стараясь не касаться его кожи, цепляю края рубашки и тяну ее вверх. Ткань нехотя обнажает необычно бледную для халларна кожу, покрытую россыпью крупных родинок, впалый живот, усыпанную шрамами крепкую безволосую грудь с маленькими темными сосками.

Я случайно задеваю один из них пальцем. Замираю, потому что Тьёрд издает тихий странный звук. Как будто на пиру мимо него пронесли самое вкусное блюдо.

— Это правда? - вдруг спрашивает он, когда рубашка падает на пол, а я испытываю желание заткнуть нос, чтобы не впитывать в себя запах своего врага. Так пахнет поле битвы и одинокий

костер, и мужчина, который превращает кости в прах.

— Какую правду ты хочешь услышать о моей сестре, аз'рим?

— Сейчас я хочу услышать правду о тебе. Ту, где одну маленькую глупую северянку поймали двое воинов, надругались над ней, а после решили проткнуть мечом и отправить во мрак. Но она каким-то чудом уцелела.

Мне нужен воздух, я задыхаюсь здесь, тону, словно в болоте.

Наощупь пытаюсь добраться до полога, за которым мой путь на свободу, но Тьёрд успевает дернуть меня обратно. Спина с болью врезается в его грудь, в глазах темнеет от тупой боли где-то между лопатками.

— Эти слухи правдивы, кхати? - на ухо спрашивает он.

Это не заигрывания и не флирт. Не попытка произвести впечатление или запугать.

Это исповедь палачу перед казнью.

— Нет, аз'рим, - говорю я. - Это ложь.

И, словно скорая расправа за вранье, случайно прикусываю язык до крови.

Как только слова срываются с губ, ложь становится такой очевидной, что даже стены как будто вот-вот распахнут каменные рты и начнут высмеивать мою глупость. Но то, о чем он спрашивает - это хуже, чем остаться наедине с голым мужчиной. Это все равно, что стащить с себя кожу вместе со старым платьем. Вывернуть наружу старыми шрамами и смотреть, как он вытрет моей болью свои грязные сапоги.

Лучше уж смерть.

Но вкус крови во рту заставляет вспомнить, что еще совсем недавно я была готова упасть в ноги своему спасителю, потому что боялась расстаться с жизнью во имя ненавистного чужого бога.

Тьёрд может запросто разоблачить меня. Достаточно просто расстегнуть платье до самого низа и увидеть тот шрам: шириной в ладонь, ниже пупка, ровный и четкий, потому что тот меч был из алхимического серебра, убийственно острый и смертоносный. Я выжила только благодаря заботам и молитвам матери, но, когда пришел мой черед отдать ей долг, богам было угодно закрыть глаза и заткнуть уши.

— Я верю тебе, - говорит генерал, отпуская меня из хватки своей железной руки.

Хоть и живая у него такая же крепкая и сильная. Если бы захотел - мог просто смять меня в тряпичный ворох. И от этой мысли меня снова тянет сбежать. Но теперь держусь, стою, не шелохнувшись, чтобы не напороться на новые вопросы.

Только медленно и густо краснею, когда он стаскивает высокие сапоги, возится со шнуровкой потертых кожаных штанов и стаскивает их, абсолютно не стесняясь полной наготы.

Хорошо, что поворачивается спиной - и я могу держать глаза закрытыми, пока не раздастся всплеск и звук льющейся на пол воды. Может хоть теперь он меня отпустит? В Шипе нет молодых служанок, но, если генералу приглянулась Намара, она не будет против потерять ему спину. Или потереться о него промежностью.

— Итак, - Тьёрд откидывает голову на край ванны, прикрывает глаза как от большой усталости. - Расскажи мне о Намаре.

Глава пятая: Тьёрд

О том, что у меня есть сердце, я понял не когда умирал на столе под ножом мясника, по живому отсекающего мне то небольшое, на чем еще держалась моя рука. И не когда привыкал к боли, пока железо вращалось в мою изувеченную плоть.

Я узнал о нем, когда почувствовал тоску по родному Акриму. По громадным замкам, высеченных из цельных каменных столпов, по затянутому тучами небу, по стальным птицам на фоне тяжелых облаков. По воздуху, без которого я начинал сходить с ума.

Я ненавижу Север и дикарей, которые живут здесь в черной неграмотности и серости, думают, что мир существует только до тех пор, пока успели придумать их предки, а все, что за гранью их безумных сказок и легенд – это проказа и чума. Халларны для них – поветрие, затяжная болезнь, против которой у них нет иммунитета. Но вместо того, чтобы принять лекарство и покорно склонить головы, эти неграмотные люди продолжают бросаться на мечи. Они находят геройской смерть в бою с неравным противником. Не используют логику, потому что живут импульсами и порывами.

Император был прав – мы не подчиним Север, пока не начнем говорить на понятном им языке. Так мы придумали целую религию и кровавые жертвоприношения, так наши стальные птицы превратились в драконов, а медицина стала даром богов.

Чтобы заставить себя слушать, нужно сперва выучить своему языку.

Мы сделали с точностью до наоборот: перевели свою историю в плоскость понятных им явлений.

И теперь Эр собирает сделать следующий шаг: женить меня и Киллана, чтобы мы узнали повадки северян, влезли в их жизнь и расположили к себе. Война не может длиться вечно, потому что она истощает даже таких, как мы. А Север – это нескончаемый источник энергии, на котором сидят дикари и понятия не имеют, что топчут ногами собственное величие.

Как раз сейчас я лежу в ванной старого разбитого замка, под фундаментом которого целые залежи синалума, и вскоре они будут моими. С симпатичной тупой женой в придачу.

Я знаю о них все, что нужно: формально, мой будущий жирный родич не владел ни куском этой земли, потому что счастье свалилось ему в руки после смерти жены. Эти земли, все, что на них стоит и растет – принадлежат старшей. Той, которая как раз бормочет что-то за моей спиной.

Нужно было отдать ее жрице. Пусть бы подавилась. Я говорил Эру, что старуха слишком вжилась в роль и начала резать всех без разбору, но император считает ее бдение полезным кровопусканием, после которого «больной» будет скорее мертв, чем жив. Ему достаточно стольного количества людей, сколько сможет обрабатывать землю и вести непрерывную добычу синалума. И для этого у него, как у опытного хирурга, есть все необходимые инструменты: скальпель, пила и маленький молоточек с долотом, которым вышибают мозги раненым солдатам, чтобы бедолаги не мучились в агонии.

Нужно было отдать ее жрице – все-таки девица не только безобразна, но еще и скучна.

— Где твои родственники? – интересуюсь я, наслаждаясь теплой лаской воды. – Дяди, тетуски?

— Они все умерли, аз’рим, – после небольших раздумий отвечает она.

Лжет. Ее дядя владеет обширными землями к западу отсюда, и его территории вплотную прилегают к моему будущим владениям. Это можно использовать. Даже нужно.

Но от девчонки придется избавиться, потому что пока она будет жива, обязательно найдется какой-то полоумный родственник, мечтающий вытащить девицу из беды. Хотя...

— Я могу идти? – спрашивает кхати, и я слышу, как она топчется на месте.

Мне невыносимо скучно.

И у меня давно не было женщины. Будь она хоть каплю красивее, я бы просто взял это тело и использовал по назначению, потому что именно так халларны поступают с женщинами покоренных народов.

Как ни странно, эта мысль немного будоражит мое воображение.

Позволяю себе минутную слабость, отпуская фантазию в ту сторону, где я затаскиваю кхати в воду, разводу ей ноги и усаживаю на себя грубо и сильно. У нее будут так же гневно сверкать глаза в тот момент? Или она будет плакать от унижения?

Морщусь и провожу по лицу мокрой ладонью.

— Иди. И скажи сестре и отцу, что завтра утром я хочу говорить с ними обоими.

Она делает несколько шагов, останавливается, мнется. Песок и каменная крошка противно хрустят под подошвами ее домашних башмаков.

— Эта земля принадлежит мне, аз'рим, - внезапно говорит эта безобразная северянка. - Земля, Красный шип, все что в округе, в небе и под землей.

Я удивлен ее догадливости, хоть и не считал девчонку глупой. Возможно, недалекой и слишком строптивой, но не такой набитой дурой как младшая. Ту мне хотелось выгнать из-за стола после нескольких минут непрерывной чепухи, которая выпрыгивала из ее рта, словно вши с дохлой собаки.

— И? - лениво интересуюсь подтекстом.

Будет торговаться? Скажет, что я нарушаю право наследования? Попросит передать слезную мольбу императору и защитить ее от произвола жирного урода?

— Ты можешь взять в жены меня... Тьёрд.

Ей все-таки удастся меня удивить.

Даже жаль, что в этот момент не вижу ее лицо - наверняка оно было бы умоляющим, просящим, испуганным. Я прикрываю глаза, мысленно примеряя кхати все эти маски. Больше всего она нравится мне с мольбой. Если представить, что ее волосы высоко собраны, она стоит передо мной на коленях, и ошейник на тонкой длинной шее кажется почти что частью сексуальной игры. Я не большой поклонник такого развлечения, но дома у меня осталась пара рабынь, которые любили «быть в покорности», и иногда мы неплохо развлекались втроем. Впрочем, все это быстро приедается.

— Чем ты лучше сестры? - я немного поворачиваю голову, надеюсь, что девчонка поймет немой сигнал подойти, но, судя по тишине за спиной, она вросла в пол и по доброй воле не сдвинется с места.

— Я умнее ее, - после небольшой заминки отвечает девчонка.

Долго думала, выбирала, приценивалась.

И выбрала самый беспроегрешный аргумент. Если бы не одно «но»: мне не нужна умная жена, мне вообще не нужна женщина, с которой я буду строить семью и играть в любовь до гроба. Тем более - варварка, которая смотрит на меня с ужасом и отвращением, как будто у меня гремучая змея вместо руки.

В голове крутятся варианты, при которых я мог бы получить двух сестер вместо одной: младшую взял бы в жены, раз уж Эр сам ткнул в нее пальцем, а старшую держал возле себя. Кажется, она может стать интересным собеседником, а из страха снова попасть в лапы жрицы поумерила бы свой пыл.

Но куда же без вездесущего «но».

Мне не нужна наследница с законными правами на кусок земли, который в самое ближайшее время я собираюсь превратить в прибыльный рудник.

— Я буду хорошей женой... Тьёрд.

Очень стараюсь подавить ироничный смешок, но потом вспоминаю, кто она, и не тружусь расшаркиваться.

— Ты даже имя мое произнести не можешь, как будто язык боишься порезать. Ты знаешь, что жена должна разделить ложе с мужем?

Она медленно и возмущенно цедит воздух сквозь зубы, и я со вздохом выбираюсь из ванны, не трудясь прикрыть наготу. Северянка так крепко закрывает глаза, как будто увидела не голого мужчину, а жрицу с печатью. Я сокращаю расстояние между нами, не без интереса наблюдая, как она буквально сжимается от попыток не уступить моему напору. Даже когда я стою так близко, что могу запросто повалить ее на пол, задрать юбку и проверить, наврала ли она. И мое тело оживает, но не от предвкушения наказания за вранье, а от мысли о том, какая она под одеждой. Хоть и старше той набитой дуры, и выше нее, но куда более тонкая. Грудь меньше, и сзади все как я люблю. Член чувствует, что без одежды она понравится мне куда больше.

— Так ты знаешь, кхати? - чуть более жестко повторяю свой вопрос. - Посмотри на меня, если не хочешь, чтобы я подыскал более негуманный способ вынудить тебя открыть глаза.

Она быстро повинуется, но в светло-янтарных глазах нет ни капли покорности.

Там лишь вызов, провокация. Она дрожит, боится и знает, что, если я прямо сейчас сверну ей шею, мне совершенно ничего за это не будет. Потому что за мной право сильного, а она просто одна их тысяч дикарей, которых я без жалости предал огню и мечу.

— Я знаю, Тьёрд.

— И что я, вероятно, сперва захочу попробовать блюдо до того, как соглашаться остаток жизни есть его на ужин.

Оставим в стороне, что ни в каком из законов - божьих и халларнских - нет ни намека на то, что я обязуюсь хранить верность своей жене. Эр более чем непрозрачно намекнул, что вся эта показуха только для формальной законности моего права на владение землей. Война со слабым и никчемным противником, если она затягивается на годы, может вымотать и обескровить даже непобедимую армию.

— Это безбожно, - сглатывает северянка, но продолжает упрямо стоять на месте.

Все же кровь Черных тварей, которую в меня закачивают литрами, делает свое дело.

Мне хочется поохотиться на эту маленькую безобразную дурочку.

Я наклоняюсь к ее уху и мысленно отмечаю, что кхати даже не шелохнулась, когда мои губы «случайно» коснулись ее кожи. Она хорошо пахнет: морозом, льдом. И жаждой жизни.

— Бога здесь нет, глупая северянка, - говорю шепотом. - Только бессердечный Тьёрд, которого он изрыгнул из себя, потому что подавился и чуть не сдох. Хочешь стать моей маленькой послушной женошкой? Становись на колени и убеди меня. Я готов рассмотреть все аргументы.

Надеюсь, она понимает, что речь идет не о разговорах?

Северянка задирает голову, и гнев в ее глазах красноречивее всех слов говорит, что она все понимает. Только цена слишком высока.

— Ты мне противен, - шарахается к пологу, который обхватывает ее за плечи рваным плащом. Задирает нос, сжимает челюсти, подготавливая прощальные слова, и бросает прямо мне в лицо: - В конце концов, какая рука - такая и рукавица. Ты выбрал свою, Тьёрд.

Она сбегает, даже не осознавая, что я убивал людей и за меньшую дерзость.

Глава шестая

Я потихоньку выбираюсь из своего убежища в разрушенной башне, кутаюсь в плащ из медвежьих шкур и смотрю, как стальной дракон на своей спине уносит проклятого генерала выше облаков, а его маленький смертельный отряд растворяется в густом утреннем тумане.

Отшельник выбрал Намару.

Я пряталась на лестнице и все слышала: его сухое уведомление о том, что император пожелал, чтобы он взял в жены северянку из достойного рода, и лично будет проводить обряд Единения по всем законам халларнского народа. Когда Намара залилась счастливыми слезами, я не выдержала и сбежала, лишь бы не слышать, как она же потом будет визжать от триумфа.

До сих пор не могу поверить, как могла забыть и поверить, что он передумает.

В конце концов, Намара правда красивее меня. А формальности с наследованием... Тиран-император довольствуется формальностями – это так же очевидно, как и то, что после рассвета наступит полдень, а потом вечер и закат. Кроме того...

Я испытываю отвращение от одних лишь воспоминаний, но после того, как я сбежала из купальни, генерал недолго проводил время в одиночестве. Сестра развлекала его. Видимо, достаточно «постояв на коленях», раз провела с Тьёрдом всю ночь.

Но гнев, в котором я сжигаю собственное унижение, моментально гаснет, когда утром следующего дня в Красный шип снова являются Скорбные девы. И на этот раз никто не становится между мной и печатью, никто не говорит Старшей жрице, что она слишком усердно режет северный народ и перекармливает своего кровожадного бога.

Никто не заступает за меня, когда она прижигает мои ладони печатью.

И, глядя на меня с высоты своего роста и положения, выносит приговор:

— У тебя есть три дня, чтобы очистить душу молитвами и подготовиться ко встрече с Видящим. Не бойся, дитя, - говорит снисходительно, но это триумф собаки, которая дождалась, пока хищник отвернется, и стащила у него обглоданную кость. - Скоро ты встретишься с богом.

Но я боюсь.

Очень боюсь.

И мысль о том, чтобы встать на колени ради спасения собственной жизни, больше не кажется такой уж порочной. Только теперь это уже не имеет значения, потому что генерал мог бы отвоевать Избранную жертву своим правом взять ее в жены. Но он уже выбрал жену, и это – не я.

— Я так рада за тебя, - на все том же безупречном халларнском говорит Намара, обнимая меня за плечи и фальшиво расцеловывая в щеки. А когда никто не видит, уже на родном языке, шипя довольной гадиной, добавляет: - Мы с мужем обязательно забудем помолиться о тебе. Надеюсь, ты будешь думать об этом, когда тебя выпотрошат словно рыбу.

У отчаяния вкус пепла и могильной пыли. Я пытаюсь запить его жадным глотком вина, но становится только хуже. Старая Ши с горем пополам уводит меня подальше с глаз отчима и сестры, которые слишком заняты возведением планов на счастливое будущее в качестве родственников одного из самых влиятельных людей в нашем новом порядке.

На кухне, где я, согнувшись и сгорбившись под гнетом безысходности, сижу на маленькой колченогой скамейке, кухарка начинает хлопотать над моими ладонями. Пытается смазать жиром с какими-то целебными травами, причитает, что теперь мои руки похожи на брошенное на жаровню сырое мясо.

— Не стоит, - я слишком резко и грубо вырываю ладони из ее пухлых рук, грубо, забыв о боли, вытираю мази о домашнее платье. - Это уже неважно. Все равно через три дня эта боль уже не будет иметь значения. Какая разница, обожженные ли у меня руки, если я все равно сгорю?

Старая Ши прикрывает лицо передником, очень стараясь сделать вид, что не плачет, но ее объемное тело слишком выразительно трясется. Сейчас мне меньше всего на свете хочется утешать других, потому что моя собственная участь предрешена, и что бы я ни делала в отведенные дни – это уже не имеет никакого смысла. Но она... Она была рядом, ее сын отдал жизнь, чтобы спасти меня, и последние годы мы стали друг для друга кем-то вроде утешения. Поэтому, собрав волю в кулак, приобнимаю ее за плечи и говорю, что все обязательно будет хорошо, и что скоро я увижусь с ее сыном, и обязательно буду присматривать за ним так, как он присматривал за мной.

— Вот, - Старая Ши немного пугливо озирается по сторонам, внезапно перестав плакать, когда понимает, что в святая святых кастрюль и поварешек остались только мы. - Спрячь куда-нибудь.

Я успеваю глянуть лишь мельком: маленький тонкий пузырек с парой капель вязкой черной жидкости, закупоренный простой пробкой. Выглядит как капли от бессонницы, которые наш домашний лекарь готовил матушке в ее последние дни, чтобы унять боль и смягчить ее снами и забвением.

Не расспрашивая, прячу склянку за отворот пояса домашнего платья, но все равно вопросительно жду хоть какие-то пояснения.

— Это... совсем немного, - говорит кухарка, - но тебе будет не страшно. Совсем не страшно и не больно. Твоей отец будет гордиться, что его дочь не рыдает и не просит пощады у мерзких кровопийц.

Как будто мне должно стать легче от этого.

Я знаю, что в крови, что течет по моим венам, есть кровь великих воинов и даже королей, отважных и бесстрашных людей, смелых мужей севера, которые смеялись в лицо смерти и шли с ней, как с равной. Но стоит подумать о том, как жертвенный кинжал прикоснется к моей шее, и от страха начинают трястись колени и стучать зубы.

Может быть, я не дочь своих родителей?

Почему мне не все равно, буду я жить или умру?

Глава седьмая

Остаток этого дня и весь следующий я провожу без сна и покоя, скитаясь по замку, словно призрак, пугая воронье и летучих мышей. Обрываю ногти, пытаюсь сорвать ошейник, в последнем приступе отчаяния начинаю ковырять ножом замочную скважину и за этим занятием меня застаёт отчим. Просто так, как всегда, не трудясь даже постучать, вламывается в мою комнату. Буквально перекатываясь через порог всем своим огромным весом и короткими косопальными ногами.

Смотрит на нож в моей руке, который я даже не пытаюсь спрятать за спину.

Ухмыляется и медленно закрывает за собой дверь.

Я знаю, что сейчас будет.

И хвала богам и предкам, которые присматривают за мной с того света, что в этот раз я хотя бы вооружена - и он десять раз подумает, прежде чем совать ко мне свои толстые вечно потные ладони.

— Снова пытаешься послушаться? - спрашивает Геарат, переваливаясь с ноги на ногу, как жирный гусь. - Откуда в тебе столько глупости?

— Это моя комната, - пытаюсь оттянуть время, чтобы осмотреться и выбрать удобную для защиты позицию.

Он толстый и неуклюжий, но по какой-то совершенно непонятно мне причине богам было угодно одарить его даром повелевать эфиром. Тем немногим, что от него осталось в наши смутные времена. И даже если мне повезет достать толстяка ножом и сквозь слои жира найти уязвимое место, он успеет испепелить меня заживо.

В прошлые разы я всегда успевала позвать на помощь и устроить переполох, а Геарат побаивался огласки. Мой дядя - младший брат матери - хоть и не большой ценитель родной крови, все же с удовольствием бы воспользовался этой причиной, чтобы заполучить законный повод пойти на отчима войной.

Но теперь, когда я живо взбираюсь ногами на кровать и изо всех сил сжимаю рукоять ножа обожженными ладонями, Геарат продолжает усмехаться.

— Я буду кричать, - слабо, уже почти ни во что не веря, предупреждаю я.

— Кричи, моя милая маленькая Дэми. - Жирный боров растягивает рот в сальной улыбочке. - Меня это искушает.

Успеваю только вскинуть руку, когда он скрещивает пальцы в тройной знак и вычерчивает прямо перед собой невидимые символы, от которых воздух вокруг меня начинает звенеть. Я еще пытаюсь сопротивляться, пытаюсь бросить нож в ненавистного отчима, но уши немилосердно закладывает, а рот наполняется тяжелым колючим воздухом, как будто я наглоталась воды с битым стеклом. Горло режет и кровоточит, я беспомощно царапаю кожу над ошейником, пытаюсь украсть еще хоть несколько мгновений жизни. Но это абсолютно бессмысленно.

Геарат скоро станет названным отцом самого Отшельника, бессердечного халларнского генерала, чье слово весит лишь немного меньше, чем воля самого тирана-императора. Даже если толстяк потехи ради вырежет всех нас, ему за это уже ничего не будет.

В этом новом мире со всеми его странными правилами и порядками есть люди, чьи имена дают право творить все, что заблагорассудится.

Отчим делает лишь одно движение пальцами - и мое тело повисает в воздухе, словно тряпичная кукла. Странно, что я до сих пор жива, потому что уже давно не чувствую пальцев на руках и ногах, и губы охладели до немоты.

Эта жирная свинья стоит прямо передо мной, задрав лоснящуюся лысую с редкими волосками голову. Черты его лица уже плывут перед моим затуманенным взглядом, но в последний момент что-то щелкает в голове и я, собрав остатки сил, все-таки плюю ему в лицо. Прямо между крохотных пороссячьих глазок.

Пусть убьет, если пожелает.

И тогда даже воля Тьёрда не спасет их от гнева жрицы, у которой отобрали Избранную жертву. Тот, кто забирает у Трехглавого предназначенную ему кровь, должен заплатить своей.

— Ну... - сквозь зубы хриплю я на последних вдохах. - Убей меня.

Геарат багровеет от злости, сжимает кулак – и я закрываю глаза.

Умирать, оказывается, не так уж и страшно, если альтернатива смерти – потные липкие руки старого хряка.

— Отец! – Дверь в комнату трясется под настырными попытками Намары попасть внутрь. – Император пригласил нас на Зимний костер.

Он словно и не слышит: продолжает выжимать из меня последние крохи жизни, даже не скрывая наслаждения. Противно, что его красное, покрытое пятнами и злобой лицо – последнее, что я увижу перед тем, как перейти в мир праотцов.

— Отец! И эту нищенку тоже!

Геарат морщится, словно получил еще один плевков, мгновение медлит... и разжимает пальцы, позволяя мне кулем упасть на пол.

Зимний костер – единственный праздник, который захватчики решили оставить в своей вере. И этот праздник уже завтра, в самую длинную ночь в году.

Я мотаю головой, как лошадь, которая учуяла неприятный запах, но не может сдвинуться с места, чтобы уйти подальше от его источника. Жадно глотаю воздух, хоть каждый вдох стоит невероятной боли в горле, как будто я протискиваюсь сквозь терновые заросли.

Пока пытаюсь собраться с мыслями, на лестнице уже слышен топот шагов, кулаки яростно градом колотят в дверь моей комнаты.

Когда отчим, поправляя на себе одежду, проворачивает ключ в замке – и сестра с удивлением взирает на него и меня, тряпкой валяющуюся на полу, она сперва недоумевает, а потом... Меня мутит от того, каким мерзким становится ее взгляд. Даже ее не слишком отягощенным умом мозг способен понять, что мужчина не станет закрываться с девушкой, чтобы обсудить с ней богословие или помолиться. И ей плевать, что это против моей воли.

«Когда-нибудь, – мысленно отвечаю я, пока отчим изучает бумагу с болтающей на шелковой ленте императорской печатью, – я верну тебе этот взгляд, любимая сестрица».

Но когда лоб отчима начинает покрываться крупной испариной, я, наконец, начинаю верить, что все это – и письмо, и личное приглашение «нищенке» – происходит на самом деле. До последнего думала, что от горя и страха у меня помутился рассудок – и я принимаю желаемое за действительное. Потому что, каким бы тираном ни был самопровозглашенный император из далеких чужих земель, даже он вряд ли будет игнорировать коленопреклонению просительницу. А я собираюсь упасть ему в ноги, умолять и плакать – и пусть предки покарают меня за позор крови! – но вернуть обратно то, что принадлежит мне по праву крови: титул, имя и земли.

Поэтому моя «семейка» так всполошилась: они знают, что не смогут заткнуть мне рот.

И Геарату придется снять проклятый ошейник.

Значит...

Я боюсь дышать слишком громко, чтобы не выдать волнение от вспыхнувшей как никогда ярко надежды. Но, видимо, все помыслы слишком очевидно написаны на моем лице, потому что Намара стискивает кулаки и несется на меня, как будто собирается убить прямо на месте.

У меня есть одно мгновение, чтобы вскочить на ноги, и от слишком резкого подъема сильно, до тошноты, кружится голова.

Намара заносит кулак.

Но застывает с ним, отрезвленная моей звонкой пощечиной.

Я зло ухмыляюсь, даже не скрывая, что ничем в жизни не наслаждалась так очевидно сильно, как болью в ладони.

Сестра еще несколько мгновений стоит словно вкопанная, а потом начинает истошно выть. Громко, противно, хуже, чем неуспокоенные призраки в безлунную ночь.

Геарат пытается ее утихомирить, трясет за плечи, но она заходит все сильнее и громче, и в конце концов ему приходится отвесить ей еще одну оплеуху, чтобы привести в чувство. И глядя, как эта парочка начинает собачиться, я мысленно поименно благодарю каждого из богов, которые подарили мне наслаждение для глаз, души и тела.

Если ничего не получится и мне все-таки пустят кровь, последнее, о чем я буду думать перед смертью – их перекошенные лица, когда одна сброшенная со счетов девица одной пощечиной уложила двух подонков.

Глава восьмая: Тьёрд

— Я все еще не понимаю, зачем сделал это, - говорит император, когда я протягиваю ему меч для церемоний.

Смотрит на него с таким очевидным отвращением, что я, выждав паузу, бросаю красивую безделушку на каменный стол, а взамен протягиваю простой меч из черного серебра. На некогда красивом клинке уже есть зазубрины и еще остались следы крови, потому что я не успел привести его в порядок после утренней стычки с бунтовщиками. Хотя, чего кривить душой, хотел, чтобы сборище северных баранов, которые сегодня будут отбивать фальшивые поклоны, видели, что никто не верит их лживым мольбам о мире и такой же насквозь лживой покорности.

Эр разглядывает короткий меч, улыбается и с охотой прячет его в петлю у пояса.

Там, откуда мы пришли, ножны для меня все равно, что печать на лоне замужней женщины.

— Не очень-то ты церемонишься с моими подарками, - ухмыляется Эр.

— Лишь делаю то, что пообещал своему императору, - чуть склонив голову, отвечаю я. - Не даю клинку ржаветь и полощу его в крови тех, кто желает тебе смерти.

Эр крепко пожимает мое плечо, улыбкой дает понять, что все моим попытки выдержать церемонии не имеют никакого значения.

— Не императору, а старому другу, - поправляет он. - И как старому другу, Тьёрд, я сделал тебе щедрый подарок, всучив бестолковую девицу с горой минералов под ногами, которые сделают тебя еще и богатым.

Эр выразительно вскидывает бровь, давая понять, что все так же хочет услышать ответ на вопрос, зачем я попросил добавить в письмо имя падчерицы жирного хряка.

— Хочешь взять ее наложницей? Учти, друг, здесь так не принято, и эти северянки скорее бросятся с башни и расшибут башку, чем раздвинут ноги для мужского удовольствия.

Мы позволяем себе одну на двоих мысль, обмениваясь понимающими улыбками, но с позволения Эра я озвучиваю ее вслух:

— Видимо, эти дикари не умеют трахать своих женщина так, чтобы им этого хотелось.

Хотя, судя по ночи, которую я провел с бестолковой Намарой, их женщины так же ни черта не смыслят в том, что нужно мужчинам. И не очень-то переживают о том, чтобы сохранить невинность для мужа.

— Ну так что? Хочешь, чтобы император пожаловал тебе двух диких кошек вместо одной? - Эр находит это забавным.

— Скорее уж овцу и рысь, - поправляю я.

Идея взять безобразную Дэми своей наложницей не так уж лишена смысла.

Но...

Только если она не соврала и сможет выносить мне пару крепких мальчишек. Потому что у меня нет никакого желания возделывать бесплодную пустыню.

Эр приподнимает бровь, как будто я признался, что собираюсь приютить на своей земле выводок северных юродивых, но дает мне право высказаться первым.

— Я хочу посмотреть, что она предложит, мой император.

Нарочно выбираю именно официальное обращение, потому что, хоть мы и бились плечом к плечу в множестве сражений, сейчас наш разговор - не дружеская болтовня двух закаленных в крови вояк. Сейчас он - мой император, а я - всего лишь один из винтиков в его огромном механизме устрашения и укрощения непокорных, но необходимых для процветания всех халларнов земель.

— А что она может предложить? - еще больше удивляется император. - Насколько я знаю, Алигара уже пометила ее - и срок должен вот-вот истечь.

— Не без твоего участия, мой император? - Вопрос-данность. Эр расчищает мне территорию, избавляет от нежелательного «биомусора», чтобы мне не пришлось делать всю грязную работу. Дань нашей старой дружбе и тому, что я дважды спас ему жизнь, а он мне - лишь раз. Да и то,

превратив меня в... оружие своего величия.

— Никто не заставляет тебя хранить северянке верность, Тьёрд, - фыркает император и отмахивается от камердинера, который уже минуту топчется на пороге, привлекая его внимание. Ясно, что гости прибыли - и все ждут появления самого сильного и самого проклинаемого человека в этих выстуженных землях, но Эр был бы не Эр, если бы не заставил себя ждать. - Если она так уж некрасива, просто сделай ей наследника, а когда она родит - избавься. Имеешь на это мое высочайшее дозволение.

Конечно, имею.

Но все равно немного склоняю голову в поклоне, прежде чем ответить:

— Если ты позволишь, мой император, я бы хотел дать шанс и старшей. Она кажется мне... забавной. И достаточно испуганной, чтобы согласиться играть на моих условиях.

Эр хмыкает и все-таки идет к распахнутым дверям, жестом приглашая следовать за ним.

— Если ты возьмешь ее наложницей, я буду считать, что сломал еще одну плотину в бестолковых ледяных головах, и заведу новое правило.

Я почти уверен, что этому не бывать, но почему бы не попробовать? С тех пор, как мы прибыли сюда, в моей жизни было лишь одно развлечение - резня. После того, как моя жизнь и сила стали зависеть от крови тварей, которую в меня вливают, словно в свиную тушу, я почти утратил вкус ко всему живому. Разучился любить вина и музыку, почти перестал спать, а дни между военными походами коротал на отшибе, в маленьком разрушенном замке, который облюбовал еще в первые месяцы нашего похода. Отчасти поэтому и стал Отшельником.

Но в тот вечер что-то зашевелилось во мне. Любопытство, вероятно.

Так или иначе, но если безобразная девчонка хоть сколько-нибудь умна, она не станет пренебрегать шансом спасти свою жизнь. Даже если для этого придется смириться с участью наложницы. Рабыни, если точнее.

Церемониальная часть - самое мерзкое и скучное, что только может случиться в жизни воина, привыкшего отмерять минуты ударами меча. Но от нее, увы, не отвертеться.

Пока император сидит на простом каменном троне, покрытом белыми медвежьим шкурами, и делает вид, что рад видеть каждого северного болвана, которые по очереди подходят, чтобы преклонить колена, я стою справа и откровенно скучаю. Я не Эр, мне можно обойтись без клоунады - пусть и показательной - и занимать себя пересчетом трещин на потолке.

И от этого занятия я отвлекаюсь лишь когда церемониймейстер называет знакомое имя - и к трону Эра буквально выкатывает толстяк Геарат и его бестолковая дочь. Сейчас она разодета, как подобает случаю, причесана и не скрывая призывного взгляда, присаживается, чтобы поцеловать протянутую императором руку.

— Намара, - растягивает ее имя Эр. - Мой верный генерал очень... хвалил твое гостеприимство.

Засранец даже не скрывает, что имеет ввиду не хлеб и разносолы, поэтому по залу ползет недовольный ропот северных наседок. Но все они утихают, стоит Эру вскинуть голову и повести взглядом над головами в поисках жертвы.

— Я хотела, чтобы твоему лучшему воину было хорошо в обители людей, которые почитают тебя своим императором и господином, - кудахчет Намара.

Она просто открывает рот, а я слышу «ко-ко-ко» и с трудом сдерживаю потребность взять ее под локоть и вытолкать подальше с глаз. Мне придется жениться на ней раз так пожелал Эр, но терпеть ее бестолковую ложь - уволь, старый друг.

Однако, я ищу взглядом Дэми.

Ее нет.

— Ну и где твоя рысь? - шепотом интересуется император, пока церемониймейстер называет следующее семейство.

— Очевидно, что одно северное семейство рискнуло послушаться твоего приказа, - озвучиваю ровно то, что думаю.

Дэми, пусть она и строптивая, не показалась мне глупой. Скорее, способной к холодному и трезвому расчету. Она не могла не знать, что Зимний костер - ее последний шанс поговорить с императором.

И мной. И выторговать себе жизнь.

— Погоди, - Эр отмахивается от тетки с тремя девицами и кивком позволяет мне сцапать добычу - Геарата.

Я с удовольствием сжимаю стальные пальцы на локте толстяка и буквально волоком тяну обратно, брезгливо бросая под ноги императору.

— Император желает узнать, почему ты не исполняешь его волю, - говорю громко и выразительно, привлекая внимание всех собравшихся. Сейчас будет показательная порка, и хорошо бы, чтобы северяне не пропустили ни мгновения. - Почему ты не привез старшую дочь?

— У нее проказа! - визжит боров. - Вчера слегла, вся пятнами покрылась!

Не верю ни единому слову.

— Ты знаешь, что твоя дочь выбрана в жертвы Трехголовому? - напоминает Эр. - И что ты несешь ответственность за ее жизнь до тех пор, пока она не возляжет на алтарь? И что если с ее головы упадет хоть один волос, то кто-то из вас двоих - ты или твоя дочь - займет ее место?

— Она очень плоха, но лекарь сделает все, чтобы Избранная жертва выполнила свое предназначение!

Император находит мой взгляд - и я отрицательно машу головой. Не бывает таких совпадений. Не в этом семействе и не с девчонкой, которая, совершенно очевидно, этой парочке словно кость в горле.

— Тьёрд, проверь, все ли в порядке с Избранной, - приказывает Эр, и я благодарю его быстрой улыбкой. - Если ее болезнь... отступила, то потрудишься лично сопроводить на Зимний костер. Целой и невредимой.

Я отвечаю поклон и быстрым шагом сбегая с этого скучного представления.

Что ж, самое время проверить, как дела у рыси.

Хоть прямо сейчас я абсолютно уверен, что не увижу ничего хорошо.

Глава девятая

— Девочка моя, да что же это такое... - сквозь пелену боли слышу голос няньки, которая пытается напоить меня молоком из миски, словно котенка.

Я пытаюсь улыбнуться, но любое усилие стоит адской боли во всем теле, словно меня подвесили на тонкой острой патине между ледяными иглами, и каждая уже наполовину вошла в мое тело и теперь медленно уничтожает плоть.

Проклятый Геарат.

От досады и собственной беспомощности хочется кричать, но я даже на это не способна, потому что после его «урока послушания» на моем теле практически нет живого места. Я покрыта синяками от шеи до пяток. Но их не видно, потому что он бил не кулаками и даже не палкой.

Все доказательство «науки» - разбитая нижняя губа и сильный кровоподтек на ней.

Когда я уже не могла стоять на ногах, но еще была способна обозвать Геарата жирной скотиной, он не сдержался и двинул меня ногой. После этого я уже ничего и не помнила.

— Все... хорошо, - пытаюсь успокоить хлопчущую надо мной Старую Ши и кое-как делаю один глоток, потом отворачиваю голову от миски.

Если проглочу еще хоть каплю - меня просто вывернет наружу.

Кажется, даже мой желудок кровоточит.

— Послушай, - я прошу кухарку наклониться ближе, к самым моим губам. - Я кое-что сохранила от матери. Брошь и кольцо. Это немного, но тебе хватит, чтобы уйти от этого садиста к хорошим людям. Тем более, у Красного пика скоро будет новый, еще более бессердечный хозяин. Продай драгоценности, садись на корабль и отправляйся туда, где тепло девять месяцев в году. Боги, кажется, покинули наши земли.

Пока Старая Ши осеняет себя знаками и на чем свет стоит ругает меня за глупости, я непроизвольно прислушиваюсь к постороннему шуму. Через минуту и кухарка перестает причитать и слушает вместе со мной. Шум постепенно становится громче, в нем отчетливо звучит металл и рык, от которого кровь во мне превращается в лед, а кожа покрывается инеем.

Я уже слышала эти звуки.

Их слышали почти все северяне, кто хоть раз скрещивал клинки с Халларнским Отшельником. Потому что только он летает на твори из железа и магмы, которая одним своим дыханием сжигает заживо целые армии.

Что ему здесь нужно?

Приехал избавиться от неугодного приданного Намары?

— Мне нужно переодеться, - говорю Старой Ши, хоть все, что лучше моих старых штопаных домашних платьев - еще одно старое штопаное домашнее платье.

Но это все равно бессмысленно, потому что за время, которое мне нужно, чтобы доковылять до шкафа, опираясь на плечо моей единственной помощницы, на лестнице уже раздаются торопливые шаги. Гром ударов в дверь - и пожилой слуга громко тараторит:

— Прибыл генерал Тьёрд, и он...

Договорить старик не успевает - дверь распахивается, ударяет о стену с грохотом и противным скрипом ржавых петель.

— Желаю увидеть проказу, - говорит халларнец как всегда сухо и жестко. - Ту, что помешала тебе прибыть на зов императора.

Я пытаюсь держать голову ровно, пытаюсь распрямить плечи, чтобы не выглядеть еще более жалко, чем есть, но силы почти оставляют меня, и только поддержка кухарки не дает кулем свалиться на пол.

Тьёрд в два чеканных шага оказывается рядом, сжимает мой подбородок своей увечной рукой и задирает голову. Я жмурюсь от боли, прикусываю губу, но все равно плачу. От унижения, от того, что мое тело превратили в хорошо рубленый кусок мяса, но у меня нет ни единого доказательства этому зверству.

Халларнец медленно проводит металлическим пальцем по опухшей ране на губе, молчит какое-то время, а когда начинает говорить, его голос вызывает во мне первобытный ужас. Если бы Геарат был сейчас рядом, я бы предпочла умереть от еще парочки ударов, чем слушать сухие с треском слова:

— Эта жирная тварь ударила тебя?

Мне так стыдно, что даже рот не могу открыть.

— Он ее всю избил, господин! - Старая Ши отпускает меня, валится на колени и начинает спешно пересказывать, как Геарат использовал эфир, чтобы я не могла ходить, и чтобы никто не видел, что он со мной сделал.

«Зачем ты все это говоришь существу без сердца и чувства жалости?» - мысленно спрашиваю я, уже понимая, что без поддержки начинаю заваливаться набок.

Но падаю не на холодные каменные плиты, а на руки убийцы и императорского палача.

— Я забираю ее, - говорит очень тихо, еще раз пинком открывая дверь, и теперь она просто рвется с петель, отлетая куда-то вниз на лестницу.

— Куда? - всплескивает руками Старая Ши.

— Отдаст Скорбным девам, - с горечью пытаюсь посмеяться в лицо звериному оскалу смерти. - Чтобы Избранная жертва не окоцурилась раньше времени.

— Ты можешь держать рот закрытым, женщина, или тебе непременно нужно говорить глупости? - спрашивает Тьёрд, каким-то образом умудряясь на ходу завернуть меня в свой теплых меховой плащ. - Или, может быть, предпочитаешь общество Старшей жрицы вместо моей компании?

Его лицо так близко, что я снова вижу под кожей скулы тонкие красные всполохи в сосудах, и глаза, обычно темные до проклятой черноты, наполняются красным огнем.

Он не такой, как северные мужчины.

Он большой, сильный и беспощадный. Может свернуть мне шею, словно канарейке, двумя пальцами. Или превратить в прах, словно ворона. Но вместо этого взбирается на спину своей стальной огнедышащей твари и усаживает меня на колени... почти с осторожностью.

— Откроешь рот - сброшу, - предупреждает Тьёрд, уверенно перехватывая повод стальной пятерней.

Вряд ли у меня есть на это силы.

И жаль, что их не хватит даже на то, чтобы любоваться видом заснеженных просторов с высоты птичьего полета.

— Мне нужно... - Я чувствую, как железная петля на шее начинает медленно сжиматься, парализуя моя горло, лишая возможности дышать. Скребу по нему изувеченными пальцами и с трудом добавляю: - Ошейник... Он не дает мне...

Тьёрд сжимает пятерню на моем личном пыточном приспособлении - и древняя зачарованная вещь просто разваливается на две половины, как спелая черная слива. Вот так, без всяких усилий, халларнец показывает, почему они запросто разрушили все то, что северяне пестовали многие годы мира. Они без труда, как фокусники, крушат то, что стоило нам годов и столетий труда.

Хорошо, что сейчас умения Тьёрда играют мне на руку. Возможно, у меня появится шанс сбежать?..

Если бы во мне была хоть капля мужества моих предков, я бы не цеплялась в генерала изо всех сил. Я бы обязательно сказала что-то дерзкое или нарочно прочитала бы молитву северным богам, чтобы палач, наконец, выполнил свою угрозу и сбросил меня вниз. Наверное, я упала бы в озеро - и ледяные воды похоронным саваном сомкнулись бы над моей головой. Лучшее уж так, чем покорно лежать на холодном алтаре и ждать, пока чужой ненавистный бог потешит немощную плоть, испив крови иноверки.

Но прямо сейчас мне очень страшно.

По множеству причин, но в первую очередь из-за того, что теперь я в полной власти Тьёрда, а он точно не из тех людей, которые делают что-то из сердечной доброты и без умысла. Зачем-то он приехал за мной, зачем-то забрал - и я даже не понимаю, куда мы летим.

И, несмотря на все это, я крепко, до боли в костяшках, цепляюсь в его плотную верхнюю куртку, из распахнутого ворота которой выглядывает неестественно светлая, как у мертвеца, кожа. Северные

мужчины тоже не избалованы солнцем, но их кожа темнее и обветрена в долгих походах. А Тьёрд... Он слишком бледный, даже среди собственных воинов.

Мы летим, кажется, совсем недолго, но где-то в шуме стальных крыльев напрочь теряется моя сонливость. Я даже отваживаюсь немного выставить нос и опустить взгляд, о чем успеваю тут же пожалеть, потому что от осознания высоты полета начинает кружиться голова. Мы выше облаков, потому что прямо «под ногами» - вспененные, набитые снегом поля, по которым совсем не тянет прогуляться. И в груди сдавливает от недостатка воздуха, тянет выкашлять несуществующий ком.

— Не дергайся, - грубо бросает генерал, крепче обхватывая меня второй рукой.

Кажется, задевает сразу по всем невидимым синякам, но, чтобы не закричать, я снова отчаянно жую губы. В прошлый раз я унизилась сильнее, чем когда-либо, и сегодня, даже если он лично бросит меня на алтарь Трехглавого, ни одна живая душа не увидит моих слез.

Позже, когда существо делает крутое пике, я мысленно радуюсь его пятерне на талии, потому что именно она не дает мне свалиться головой вниз прямо на острые камни разрушенного замка.

Тьёрд спрыгивает на землю, тянет меня, словно куль с пшеницей. Держит небрежно, как будто успел забыть, что забрал меня из дома едва живую.

— Чего ты от меня хочешь? - спрашиваю, преодолевая страх и желание сбежать за тридевять земель, пока за моей спиной нет обожженных стен.

— Я от тебя? - Генерал не смотрит на меня, но я замечаю приподнятую в искреннем удивлении бровь. - Кажется, это ты чего-то от меня хотела, кхати, но остановилась как раз в момент, когда умные торговцы переходят к условиям сделки.

— Потому что к тому времени покупатель уже присмотрел другой товар, - подыгрывая его сравнению, отвечаю я.

— Ты никогда не разбогатеешь если будешь все время отступать, - бросает он.

— В моем случае «никогда» - все время до завтрашней полуночи.

Часть меня, которая до сих пор верит, что нянькины сказки когда-то были настоящими историями, напряженно ждет, сжав руки в немой мольбе. Вдруг бессердечный генерал скажет, что раздумал жениться на Намаре и собирается взять в жены меня?

Но Тьёрд все так же молчит.

Лучше бы скинул со своего проклятого дракона, чем вот так - снова в неизвестность.

Глава десятая

Лишь когда мы попадаем внутрь замка, и огромные опаленные двери под натиском сквозняков захлопываются за нашими спинами, я понимаю, где мы.

Гнездо Отшельника, старый замок брата убитого короля – Зуб дракона.

Именно здесь халларнский Потрошитель одержал свою первую победу. Говорят, что его небольшая армия прошла сквозь плотный строй опытных разъяренных воинов, словно стрела через паутину. Что убийца играючи отсекал головы всем, кто не успел встать на колени. И что с тех пор вода в соседних реках и озерах до сих пор кровотоцит от пролитой в снег жизни тысяч северян.

Внутри холодно и тихо, сыро и тоскливо, как в склепе, куда так и не принесли покойника.

Я вижу лишь одну живую душу – сухонького горбатого мужчину, который ковыляет нам навстречу и что-то быстро бормочет на иноземной речи. Я едва ли разбираю пару фраз: «Какие приказания?», «Кто с девушкой?». Тьёрд просит позвать кого-то по имени «Иараха», и горбун исчезает, словно его и не было.

Тихо, нелюдимо. Только ветер где-то над головами и эхо тяжелой генеральской поступи, пока он со мной на руках идет по закопченному факелами коридору, где в старом кирпиче хорошо видны новые каменные заплатки. Когда за поворотом света становится больше, я случайно замечаю тень на стене: ноги, раскинутые руки, запрокинутая голова, как будто человек пытался прикрыть лицо от слишком яркого света. Оглядываюсь – но кроме нас больше никого нет. А когда Тьёрд пронесит меня совсем близко, вдруг понимаю, что никакая это не тень, а намертво впечатанный в камень отпечаток человеческого тела. Как будто несчастный истлел за мгновения, и ужасный художник в память о нем оставил на старых камнях его оттиск из праха.

Я судорожно сжимаюсь и быстро выпускаю из кулаков одежду генерала, потому что именно он убил их всех. И каждая пылинка, каждая кость в глубоком рве вокруг – его рук дело.

Тьёрд все так же, не сбавляя шаг, словно его тело не знает усталости, поднимается вверх, на этажи под самой крышей. Заносит меня в комнату – и я слишком быстро вздыхаю с видимым облегчением, потому что здесь, наконец, долгожданное тепло. Ярко горит камин, в треногах – полные жаровни тлеющего лавового камня, и блики от огненных всполохов пугливо бегают по стенам.

Генерал укладывает меня в кровать, отворачивается, как мне кажется, для того, чтобы выйти, и я успеваю юркнуть под ворох одеял, почти сразу ощущая благодатное влияние тепла. И тяжелую от бессонной ночи голову.

Но Тьёрд никуда не уходит: открывает сундук, достает оттуда пару шкурных покрывал и небрежно набрасывает их на меня.

— Тобой займется лекарь, кхати, а потом...

Он разглядывает меня так же, как и раньше: без интереса, словно заранее решил мою участь и остальное уже скорее утомляет, чем вносит разнообразие в рутину его военных будней. Но его следующая фраза разбивает мою теорию наголову.

— Потом я дам тебе еще один шанс убедить меня пойти против воли Старшей жрицы – второй раз! – Тьёрд довольно хмыкает – и тут же снова становится непроницаемым железным человеком. – На этот раз сделай себе одолжение – торгуйся до конца.

Генерал выходит – и почти сразу его место занимает высокая крепкая молодая женщина, немногим старше меня. Она одета в простое черное платье с меховой оторочкой, которое носит с видом невесты самого императора. Ее волосы – та небольшая часть, которую пощадила бритвы – завязаны в косички и хвостики с разными деревянными и каменными бусинами.

Ни слова не говоря, женщина сбрасывает одеяла на пол и жестом предлагает мне сесть. Даже недовольно морщится, когда я неуклюжим жуком долго барахтаюсь на спине. Но не делает ничего, чтобы помочь, а лишь нетерпеливо выстукивает пальцами одной ей понятный ритм.

Она ощупывает мои руки и ноги, прикладывает к груди плоский кусок железа с длинной трубкой, слушает, морщится и перекладывает его к животу. Когда пытается расстегнуть платье, я цепляюсь в полы мертвой хваткой и отчаянно мотаю головой.

— Ты беременна? – вдруг спрашивает женщина.

Я удивленно округляю глаза и, кажется, слишком резко мотаю головой, чтобы это не вызвало подозрения.

Как я могу быть беременна, если нанятые Геаратом убийцы позаботились о том, чтобы у истинной хозяйки Красного пика не было законных наследников, и никто не пришел отстаивать их право на землю, титул и замок?

Лекарка - она ведет себя так, хоть я понятия не имею, что делает и для чего нужны все те странные инструменты в маленьком дорожном сундучке - достает какие-то мази и отвары, знаками дает понять, чтобы я выставила запястья, и наносит на них странно пахнущую мазь.

Через минуту боль как будто засыпает: она никуда не делась, все так же внутри, в моих костях и плоти, но уже почти не беспокоит.

— Спасибо, - бормочу в спину уходящей халларке, но она даже не утруждает себя кивком.

Для нее я просто дикое животное, которое хозяин за каким-то лихом притащил домой. С куда большим удовольствием она бы перерезала мне горло и, если я снова буду не так торговаться, вполне возможно, что Тьёрд позволит это сделать. В конце концов, он уже показал, что плевать хотел на Жрицу и Скорбных дев.

Генерал возвращается спустя какое-то время. Уже без плаща, сменив парадный мундир на потертую кожаную куртку с металлическими кольцами. На нем все те же брюки из темной замши; высокие, до самых колен, грубые сапоги на шнуровке, и меч у пояса подмигивает мне кровавым отблеском огня в камине.

Он подтягивает кресло к камину, усаживается в него, устало протягивая длинные ноги, минуту ждет, а потом раздраженно бросает:

— Долго ты собираешься прятаться в моей постели, кхати? Нет, если ты предпочитаешь перейти к самым веским аргументам, то я готов, хоть и устал до печенок...

Я выпрыгиваю из кровати под его нарочитый хохот, переминаюсь с ноги на ногу, боком, как краб, сокращая расстояние между нами.

Тьёрд мола позволяет мне подойти на расстояние касания. Молчит. Даже почти не шевелится, только удобно укладывает руки на подлокотники и собирает ладони, словно собирается помолиться. На фоне живой руки, стальная кажется просто огромной, и в ярком свете огня хорошо видна мелкая россыпь царапин.

Я тоже молчу. Моя решимость внезапно скончалась.

— Кхати, - Тьёрд не поднимает голову, - я не буду трудить шею, чтобы посмотреть в твои глаза. А торговаться привык только лицо в лицо.

И слабоумному понятно, куда он клонит.

Предки наверняка оплюют мою голову, проклянут прах и лично выпросят у богов кару для той, что посрамила их честь, но это будет когда-нибудь потом.

А пока...

Я делаю еще шаг, становясь прямо перед генералом, и медленно, ненавидя себя сразу за все беды Севера, опускаюсь перед ним на колени, низко склонив голову, чтобы только не видеть триумфа на бледном лице Тьёрда.

— Глаза в глаза, - раздраженно рявкает генерала, и я быстро вскидываюсь.

У него глаза зверя, который почуял кровь и прекрасно знает, что добыча не уйдет далеко. Поэтому можно расслабленно идти по следу крови и дожидаться, пока природа сделает остальное. Он знает, что теперь я обречена, и что лишь ему под силу вырвать меня из лап смерти. Знает - и откровенно наслаждается своей позицией сильного.

Ненавижу его.

Сильнее, чем когда-либо.

— Очень хорошо, кхати. Такой ты кажешься почти... милой.

Я знаю, что женская покорность всегда тешит мужское самолюбие, и даже гордые северные женщины охотно признают своего мужчину за главного во всех вопросах, кроме тех, которые касаются ведения хозяйства. Но то - мужья, которые заслужили это право любовью и подвигами во имя своей жены. Генерал же нарочно унижает меня, снова и снова показывает, что в его власти согнуть мне спину, поставить на колени и, богам одним ведомо, что еще он планирует у меня вытребовать, пользуясь тем, что я слишком сильно хочу жить.

Ужасно стыдно от собственных помыслов, но я, кажется, готова пойти на многое, если это спасет меня от участи истечь кровью под жертвенным кинжалом жрицы, и навсегда избавит от опасности снова стать Избранной.

— Император желает, чтобы я взяла в жены твою сестру, - немного устало потягивая слова, словно крепкую сливовую настойку, говорит Тьёрд. - И этот вариант кажется мне разумным, потому что Надира обладает кротким нравом и не корчит недотрогу. А размер ее бедер и возраст позволяют думать, что она так же сможет стать матерью двух-трех крепких мальчишек.

Пытаюсь спрятать взгляд, но генерал так выразительно сжимает подлокотник стальной пятерней, что я тут же отказываюсь от этой затеи, даже если мои бледные от негодования щеки выдают истинные помыслы.

Ему было мало поставить меня на колени.

Он решил унижить меня показательной поркой, не обойдя вниманием ни мой возраст, ни мое глупое упрямство. О том, что моя фигура тоже играет против меня, я знала давно, еще когда была жива мать и часто с сочувствием говорила, что я унаследовала ее узкие бедра и маленькую грудь, которые передались ей от бабки. И что я, как и все женщины в нашем роду, буду обречена на единственного, рожденного в муках ребенка.

Но отчим позаботился о том, чтобы лишить меня даже этого шанса.

— Тогда зачем я здесь? - открыто спрашиваю я.

Не очень похоже, чтобы Тьёрду хотелось вмешиваться в планы императора ради одной обреченной северянки.

— Хочу дать тебе еще один шанс убедить меня в том, что у тебя есть характер и воля к жизни, а не только бессмысленное упрямство и заплесневелые принципы о том, что женщине следует хранить себя до брака.

— Ты хочешь, чтобы я легла с тобой в постель? - ошарашенная таким откровенным издевательством и унижением, переспрашиваю я и, наплевав на предосторожности, взвинчиваюсь на ноги.

На этот раз генерал почти не хмурится, как будто заранее знал, что сломить мое сопротивление будет совсем непросто. Надеюсь, он так же готов к тому, что я не собираюсь доказывать что-то таким низким способом.

— Я хочу знать, стоишь ли ты моих хлопот. - Он разводит руками и снова собирает ладони клином, задумчиво почесывая указательными пальцами выразительный свежий шрам на подбородке. - Разве у вас на Севере принято покупать лошадь с закрытыми глазами?

— Я не лошадь, аз'рим, и мы не на базарной площади.

— Поверь, - Тьёрд ухмыляется, - я очень хорошо понимаю, что ты не лошадь, иначе уже давно поучил бы тебя покорности плеткой. И не все ли равно, где мы, если только я готов купить то, что ты так неумело продаешь?

— Я не...

— Ну хватит.

Генерал так внезапно оказывается на ногах, что я даже не понимаю, как это произошло. И он не дает мне долго над этим думать, потому что грубым толчком прижимает к стене, чуть не раскатывая по камням слою тонкого теста. Я пытаюсь вырваться, но ровно до того момента, пока он не сдавливает мою шею железной рукой. Не душит и не причиняет боли, но я понимаю, что любой моей неверный ответ может стать последним, и Тьёрду не придется прикладывать для этого никаких усилий. Потому что я - та несчастная ворона из башни, и он с таким же безразличием превратит меня в прах.

Глава одиннадцатая

— Ты утомляешь своим нарочитым безрассудством, женщина, - со вздохом говорит Тьёрд, и запросто, пользуясь беззащитностью жертвы, коленом раздвигает мои ноги. - Что не так с твоим непонятным мозгом, что ты не можешь принять тот факт, что я не собираюсь делать красивый жест и спасти тебя просто так, ради какого-то сказочного благородства? Что мне все равно, будешь ли ты дышать в ближайшие пару десятков лет или умрешь завтра, освободив мое будущее семейство от целой кучи хлопот и лишнего рта. Прямо сейчас единственный человек, который может тебя спасти - только ты сама. Так в чем же дело?

У всего есть предел.

У боли, после которой тело словно немеет и перестает чувствовать, даже если заживо сдирать кожу.

У надежды, после которой мир надолго становится черно-белым.

И у страха.

Я только что переступила свою черту, за которой огромная выжженная пустыня моей веры в людей, в то, что добро и справедливость всегда сильнее зла. Пропасть, по которой генерал гонит меня плеткой.

— Ладно, - он смотрит на меня с таким пренебрежением, что после нашего разговора, если буду жива, потрачу ночь на то, чтобы соскрести с себя грязь этого взгляда. - Там, откуда я пришел, мужчина может иметь столько жен, сколько сможет прокормить и еще столько же наложниц.

— Это законы гнилого мира, - кое-как бормочу я, лишь спустя мгновение понимая, что за одно это меня можно выпотрошить.

— Это законы разумного и рационального мира, - без видимой злости отвечает Тьёрд. - На случай, если у жен не будет детей, подойдет один из бастардов.

— Разве не важнее законный наследник?

— Здесь у вас вся эта чушь с кровью, законами... - Генерал брезгливо морщит нос и тут же продолжает: - Как бы там ни было, я готов взять тебя наложницей и сделать так, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Ты будешь под моей защитой и даже безумцу не придет в голову тронуть хоть волос на твоей голове. Взамен на это я рассчитываю на твое послушание, принятие своего положения и довольство тем, что, как бы там ни было, я дам нашим совместным детям все и даже больше, чем все.

— Но они все равно будут... - Пытаюсь сглотнуть, но воздух перекрывает дыхание. Я отчаянно, на исходе сил, пытаюсь не унизиться еще больше, но потом просто сдаюсь и хриплю: - Они все равно будут бастардами, а я не буду законной женой.

Тьёрда искренне удивляет мое недовольство. Настолько, что он даже разжимает ладонь - и мой подбородок обессиленно упирается в грудь. Если бы не колено генерала, бесстыже втиснутое между моими ногами, я бы попросту сползла на пол, еще раз потешив его самолюбие своим беспомощным видом.

— Даже твоя сестра, которой было что предложить, не торговалась так рьяно - насмехается бессердечный монстр.

— Она мне не сестра.

— Мне плевать, - отмахивается он.

Оценивает меня взглядом, без особого интереса пропускает шею, грудь, талию.

Задерживается на животе.

Слишком долго, чтобы я не начала подрагивать от плохо предчувствия.

— Пожалуй, я забыл о самом важном условии, - не глядя мне в глаза, Тьёрд запросто петляет пальцами в хитрой шнуровке корсажа, которая предательски подается его намерениям. - Честность. Всегда и во всем.

Пытаюсь вырваться, пытаюсь сделать хоть что-нибудь, чтобы избавить себя от чего-то гораздо более страшного, чем позор наготы перед не-мужем.

В конце концов, последние сантиметры ткани он просто рвет.

Слезы унижения хлещут из моих глаз, когда участь навсегда испорченного платья постигает и нижнюю сорочку.

Холодные стальные пальцы жестко очерчивают линию шрама внизу моего живота, и бесчувственный голос выстуживает очевидными выводами:

— Я надеялся, ты умнее, кхати.

Тьёрд убирает ногу, позволяя мне упасть. И когда я, судорожно сжимая на груди рваные края ткани, даже не трудится потешить себя моим окончательным падением.

— Мне не нужна бесплодная потасканная дикарка, - совершенно спокойно озвучивает мой «приговор».

Я же, собирая остатки гордости, со злостью бросаю ему в спину:

— А мне слишком мало быть просто твоей игрушкой и племенной кобылой, убийца.

— Одевайся, - как будто и не слышит моих слов он. - Я обещал императору, что привезу тебя к нему.

Я снова остаюсь одна в комнате и, хоть времени совсем нет, позволяю себе слезы.

Я думала, что пик моей боли случился в тот день, когда в Красном пике появился Геарат - через год после смерти отца. Я не могла понять, почему мама, которая плакала и умоляла положить ее к нему в гроб, уже через год допустила до себя другого мужчину, еще и такого мерзкого.

Потом, когда в один из вечеров, когда мы вместе сидели за обеденным столом - и Геарат ударил меня за то, что я отказалась ему прислуживать, а мать промолчала в ответ, я поняла, что мне больнее, чем в прошлый раз.

Потом мать умерла, и я осталась совсем одна. Мне хотелось умереть следом, потому что тогда я просто не знала, как пережить одиночество.

Через несколько лет, когда отчим решил обезопасить свои право владеть землей, я три месяца ходила по тонкой грани между жизнью и смертью, надеясь, что богам будет угодно прекратить мои страдания и позволить мне воссоединиться с родителями. Но они сохранили мне жизнь, за цену ежедневной боли от унижения, от осознания, что каждый пень на Севере знает о моем позоре, и ни один мужчина не захочет взять меня женой.

Когда Геарат избил меня вчера, физическое унижение ничего не значило против унижения морального.

Но то, что сделал Тьёрд.

Я плачу, пытаюсь как-то соединить разорванную ткань на груди. Слезы оставляют мокрые пятна, но я все равно не могу остановиться.

Я - потасканная дикарка.

Мой народ давно отказался от меня, даже моя мать не смогла защитить меня в доме, который по праву принадлежал мне. А для халларнского чудовища я просто ничто, грязь из-под ногтей.

Но прямо сейчас как никогда сильно мне хочется жить.

Инстинкт, тот же самый, что заставляет зверя идти вперед даже со смертельной раной, почти физически толкает меня в спину, шепчет на ухо: «Еще не поздно повиниться, согласиться на роль... запасной игрушки и быть в безопасности».

Дверь снова распахивается, я испуганно отползаю в сторону и вижу перед собой ту же лекарку, которая занималась моими ранами, но теперь вместо мазей и склянок в ее руках большой сверток. Она смотрит на меня сверху-внизу, явно не скрывая пренебрежения, и говорит:

— Господин сказал, чтобы я помогла тебе переодеться.

Я моргаю, думая, что на этот раз от горя у меня все-таки помутился рассудок, поэтому женщина нетерпеливо топает ногой - и я все-таки поднимаюсь, придерживаясь рукой за стену. Пока ковыляю к креслу, где минуту назад сидел Тьёрд, женщина разворачивает сверток, доставая оттуда что-то темно-красное, мягкое, абсолютно нереальное. Потом, не очень осторожничая, помогает раздеться и надевает на меня то, что передал Тьёрд.

Я закрываю глаза, когда ткань мягко скользит по коже, молча сношу резкие движения, пока женщина возится со шнуровкой, с нижними юбками, укладывает мои волосы. Здесь нет зеркала,

чтобы я видела, как выгляжу, но даже просто взгляд вниз заставляет сердце замереть.

Дорогая тонкая шерсть из-за моря, бархат, тонкой работы меховая оторочка по квадратному вырезу. И поверх него – меховая накидка ручной работы.

Это слишком щедрая замена моему порванному тряпью, которое халларнка брезгливо сгребает в куль.

Мы спускаемся по лестнице, и Тьёрд даже не пытается скрыть, что разглядывает меня словно ненужный трофей. В его глазах я все равно проигравшая сторона, дурочка, заплатившая гордостью за право жить. И все сразу становится на свои места: это не красивый щедрый жест, это еще одна пощечина. Даже оплеуха. Если бы я согласилась, все это было бы моим.

— Не стоило, - говорю я, становясь рядом с Тьёрдом, уже без страха глядя ему в лицо, глаза в глаза.

Теперь я знаю, что и у унижения есть конечная точка. И я давно оставила ее позади, смирившись с тем, что счет моей жизни пошел на часы. По крайней мере, я пыталась. Но в некоторых вещах рождение звучит громче инстинкта. Видимо, хоть я и стала позором предков, их кровь все еще сильна во мне.

— Я сам решаю, что и чего стоило, - отчеканивает генерал и жестом приказывает следовать за ним.

Наверное, это слабое утешение перед смертью, но уже сейчас я зло улыбаюсь, представляя лицо Намары, когда она увидит меня в этом. Ни одно ее платье, да и все они, не стоят этого роскошного наряда. По крайней мере, я хотя бы что-то у нее украдала, пусть это всего лишь одно из множества платьев, которые Тьёрд приготовил будущей жене.

Правда, учитывая нашу с ней разницу в росте и сложении, остальными «сестра» тоже не сможет насладиться, потому что попросту в них не влезет.

Глава двенадцатая

Я никогда не видела императора своими глазами. В моей голове он был ужасным, огромным и безобразным, противным и мерзким. Потому что воины, которые сталкивались с ним в бою, говорили, будто у него горб, изувеченное лицо и выгнутые внутрь локти. А еще что он слеп от рождения, но эта особенность нисколько ему не мешает рубить головы направо и налево, а, кажется, даже помогает.

Но сейчас, когда Тьёрд ведет меня через притихший зал к своему господину, я вижу перед собой не безобразное чудовище, а высокого широкоплечего мужчину с длинными светлыми волосами и глазами слишком серебристо-голубыми, чтобы в них угадывался цвет. Вот откуда разговоры о его слепоте и рассказни, будто родная мать боялась брать сына на руки, и он рос в темноте подземной клетки, где и утратил способность видеть.

Ничего ужасного в халларнце нет.

Кроме, пожалуй, одного.

Он вселяет ужас. Такой же абсолютный, как и его преданный генерал.

Я слышу шепот в спину: кто-то из северян молится за мою душу, сожалеет незавидной участи, потому что по законам пришлых богов я должна показывать ладони с отметинами Избранной жертвы, как будто это величайшее благо, а не старое, как мир, жертвоприношение.

Кто-то зло плюет в спину, потому что со стороны это выглядит так, будто я уже продалась убийце, на чьем клинке кровь многих славных воинов.

Ну и что?

Позор ничего не стоит, если жить с ним осталось лишь до следующего заката.

— Преклони колени перед императором, кхати, - говорит генерал, когда до того остается десяток шагов. - Прояви благоразумие хотя бы сейчас, не усложняй свою участь, потому что если Эр пожелает твоей крови, ты не протянешь и того небольшого времени, что тебе осталось.

Мне все равно.

Я останавливаюсь перед императором, на манер северного гостеприимства прикладываю руки к груди и склоняю голову в поклоне. У меня нет для него ни пожеланий здоровья, ни надежд на благосостояние и хорошую судьбу для всех его будущих отпрысков.

— Это она? - глядя как будто сквозь меня, спрашивает император. Я думала, он будет злиться, но на его лице не дрогнул ни один мускул. Как будто тиран знал, что именно так все и будет.

— Да, мой император.

Мужчина скашивает взгляд на мои заклеимённые руки, выкраивает странную улыбку и делает жест, вслед за которым зал наполняется музыкой. Стальная рука укладывается мне на плечо, и ледяной голос шепчет прямо в ухо:

— Там, откуда я родом, строптивую женщину учат покорности плеткой, как дикую кобылу.

— Поэтому ваши женщины становятся рабынями, - отвечаю я.

— Поэтому наши воины перебили северян, словно безбородых мальчишек, - тут же вторит Тьёрд. - Мы знаем, что за победу получим все, что пожелаем, в том числе столько женщин, сколько захотим, потому что каждая халларнка мечтает быть за спиной сильного мужчины.

— Полагаю, нам пора кое-что обсудить, - останавливает нашу сухую перепалку император. - Тьёрд, где твоя будущая жена и тесть? Приведи ко мне всех троих.

Будущая жена.

Намара.

Я не видела ее среди приглашенных, но чувствовала взгляд в спину, как будто меня погоняли ядовитым батоном. Жаль, что мой триумф оказался недолгим - и уже скоро она будет смотреть на меня, словно на дыру в старом платье, зная, что больше никто и никогда не станет между ней и титулом, который они с Геаратом присвоили себе, минуя законы Севера и законы совести. Когда идет война и каждый сам за себя, тираны не будут заниматься восстановлением справедливости в пользу сирот. Если бы я поняла это чуточку раньше, то никогда бы не упала в ноги Тьёрду в тот

день, когда он появился в Красном пике.

Генерал ведет нас по холодной галерее, наполненной странными шорохами и сквозняками. Здесь очень холодно, и я с удовольствием плотнее кутаюсь в меховую накидку, вдруг наткнувшись на злой взгляд Намары. Она бесится, и только присутствие Тьёрда не дает ей наброситься на меня с кулаками.

— Ты все равно уже мертва, - улучив момент, шипит эта змея.

Я смотрю на нее с сухой улыбкой.

— Так чего же ты боишься, будущая жена Потрошителя?

— Лишь одного - что не смогу увидеть, как тебе пустят кровь.

Тогда я умирала бы долго и мучительно, и чтобы не думать об этом, позволяю пальцам утонуть в меху, последний раз в жизни наслаждаясь простыми человеческими радостями.

Тьёрд приводит нас в темный зал с куполом, по своду которого тянется звездная россыпь. Эту часть замка северного короля халларны достраивали сами, и расположение звезд мне совершенно незнакомо, как незнакомы и созвездия, которые они образуют. Все здесь слишком чужое, не похожее на наш привычный уклад, и в этом есть какой-то тайный смысл. Чтобы покорить врага недостаточно убить его жену и увести в рабство детей. Его нужно лишить веры. Показать, что богов можно попрасть грязными сапогами - и они все равно останутся глухи и слепы к мольбам своих детей.

— Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга? - спрашивает император, поворачиваясь ко мне и Намаре, пока Геарат трясется за нашими спинами и влажно причмокивает губами. - Одна из вас удостоилась чести стать женой моего лучшего воина, человека, которого я почитаю за брата. Другая послужит во славу Трехглавому богу, и ее кровь укрепит узы, которые накрепко связали два народа.

— Смерть - это просто смерть, - говорю я. Даже без злости, а просто, чтобы он знал, что я лягу на камень с мыслями о своих богах, молясь им, а не чужому кровожадному идолу.

— Прости ее, император, - выступает вперед Тьёрд. Оглядывается на меня, снова убивая жестким светом алых, будто кровь, глаз. Я с трудом выдерживаю мысленный приказ покориться. Держу спину ровно, хоть уже сейчас чувствую, как кровь медленно вытекает из меня сквоз несуществующие порезы.

— Обещаю, что позабочусь о том, чтобы моя будущая жена научилась покорности.

Он не смотрит на Намару, когда говорит это.

Он смотрит на меня.

Мне кажется, что происходящее сейчас просто не может меня касаться. Почему Тьёрд смотрит не на Намару? Почему говорит так, будто это меня он собирается воспитывать, как свою жену, если собирался жениться на «более покорной»? Намара и без плетки будет смотреть ему в рот.

Я же испорченная, негодная.

Я же бесплодная потасканная дикарка.

Что за игры ведет этот монстр?

— Тьёрд? - По голосу императора непохоже, что у них был сговор. - Я правильно понимаю, что ты...

Он задерживается на паузе, как будто не хочет продолжать то, что звучит как абсурд.

Генерал почтительно склоняет голову, а потом грубо, без намека на почтительность и нежность к будущей жене, обвивает ладонь вокруг моего запястья, и это все равно, что еще один ошейник, потому что парализует не только тело, но и волю. Я даже дышать боюсь без его разрешения, пока эти красные глаза смотрят на меня, словно на жертву. Как будто у меня вдруг забрали последние часы жизни и только что, на глазах у избранной публики, раскроили на жертвеннике.

— Я выбрал жену, мой император, - уверенно и спокойно отвечает монстр. - Могу тебя заверить, что делаю этот выбор осознанно, в полном здравии и без принуждения.

Халларнцы всегда говорят так, когда собираются взять женщину своей женой. Я слышала, как Намара повторяла, словно заговоренная, и следом то, что нужно сказать в ответ.

И прямо сейчас, пока слова Тьёрда еще висят в воздухе, я повторяю то, что слышала от сестры:

— А я беру этого мужчину своим мужем, без принуждения и по доброй воле.

Генерал смотрит на меня, впервые выходя искренне удивленным. И хоть это длится всего пару мгновений, я чувствую себя намного лучше, чем до того, как переступила порог этого замка.

Император мерит нас взглядом, как мне кажется, не очень радостным, но я не успеваю толком на этом сосредоточиться, потому что идеальный момент рушит громкий крик Намары.

— Ты сказал, что я буду твоей женой! – кричит она и в порыве гнева делает то, на что даже у меня не хватило бы глупости: бросается на генерала с кулаками.

Один даже успевает попасть в цель, но, судя по виду Тьёрда, он ждал этого и позволил этому случиться. Потому что в следующее мгновение резко выбрасывает руку вперед, сжимает в стальном кулаке волосы Намары и, притягивая к себе ее перекошенное лицо, чеканит словами:

— Я разве сказал, что беру тебя в жены? Ты слышала от меня эти слова? Готова поклясться перед образом Трехглавого?

Намара беспомощно открывает рот, но так оцепенела от ужаса, что не может проронит ни звука. Тьёрд довольно кивает, но вместо того, чтобы отпустить жертву, тянет ее голову выше. Еще немного – и сестра повиснет в его кулаке, словно кукла. Она уже едва стоит на цыпочках.

— Впредь знай свое место. Любому, кто притронулся ко мне хоть пальцем, я отсекал обе руки, а за вранье обо мне отсекал язык. Вместе с головой. В следующий раз, если тебе в голову придет глупая мысль сделать то или другое, помни этот разговор и мое великодушие. Считай, что ты исчерпала мое терпение.

Я знаю, что все происходящее – демонстрация, показательная порка, чтобы и я понимала, какой может быть моя участь строптивой женщины. Но вместо того, чтобы прилежно внимать уроку, позволяю себе то, чего не чувствовала уже очень давно: ядовитое, огромное, как солнце в полдень, злорадство. Мне приятно видеть в глазах Намары боль и ужас, приятно осознавать, что сейчас она впервые чувствует то, с чем я прожила половину жизни.

И когда холодная улыбка касается моих губ, я ловлю на себе пристальное внимание алых глаз генерала. Выдерживаю его взгляд и к своему ужасу понимаю, что хочу улыбаться именно ему. Вот только его лицо всегда холодно и непроницаемо.

— Поздравляю с удачным приобретением, Тьёрд, – сдержано говорит император, как будто тут был не смотр невест, а лошадиная ярмарка.

Я до боли стискиваю зубы и мысленно напоминаю себе, что сейчас во мне говорит радость избавления от страшной участи. Не знаю почему монстр выбрал меня. Я не легла с ним по доброй воле, я соврала и нарывалась на плетку, но он все равно выбрал меня вместо послушной и на все согласной Намары, которая может дать ему наследников.

Завтра... я все это увижу совсем в ином свете.

— Хочу поговорить с тобой. – Император смотрит на генерала. – Наедине.

Прежде, чем нас выводят из зала, я еще раз успеваю заглянуть в лицо Тьёрда. Наверное, там должен быть страх, потому что император точно не выглядит довольным от выбора своего вассала.

Но у моего будущего мужа действительно нет сердца.

Потому что на его лице снова лишь полное безразличие.

Глава тринадцатая: Тьёрд

Я знал, что Эр не будет доволен моим выбором, поэтому его злость – не новость для меня.

Когда женщин и толстяка выводят, мы еще какое-то время молчим. Император стоит перед вытесанной прямо в стене картины нашей высадки на берегу Острого моря. Мастер так старался, что даже завитки ветра под полами императорского плаща кажутся настоящими, случайно приютившимся в сколах мшистого гранита.

— Помнишь, как мы прибыли в эти земли, друг? – не поворачивая головы, спрашивает Эр. – Как вместе, плечом к плечу, покоряли варваров?

— Помню, друг.

Сейчас мы действительно старые друзья, люди, которые мечами прорубили путь к славе.

Только он получил за это корону, а я... стал обреченным на скорую и ужасную смерть монстром. Впрочем, если бы судьбе было угодно спросить меня, хочу ли переиграть все заново, я бы предложил ей поцеловать меня в зад, потому что ни об одном своем решении я никогда не сожалел.

В том числе и о том, которое принял сегодня.

— Я всегда знал, что могу доверять тебе свою жизнь. Что мой верный друг рядом и, если нужно, спасет меня ценой собственной жизни. Так и случилось. И я благодарен тебе за эту жертву, Тьёрд. Но сейчас я чувствую себя преданным. Я дал тебе все, а ты позарился на кость.

— Ты не отнимал у меня права выбора, Эр. И я им воспользовался.

— Ты собираешься взять в жены не ту девушку.

— Именно ту, друг.

Эр, наконец, поворачивается ко мне, вопросительно вскидывает брови.

Он слишком хорошо меня знает.

— Ты не стал бы делать это мне назло, - вслух размышляет император. – И любить ты тоже не можешь. Значит... мой старый друг и верный меч знает что-то такое, чему я не придал значения.

Я пожимаю плечами, оставляя его домыслы висеть над нашими головами предзнаменованием начала новой Большой игры.

— Так и будешь отмалчиваться? – не терпится ему.

— Предпочитаю сперва разыграть всю партию. Если что-то пойдет не так, не хочу оказаться посмешищем.

Мы снова понимаем друг друга без слов.

У меня никогда ничего не идет «не так». Эр знает, что если я не хочу о чем-то говорить - он не узнает этого даже под пытками. И ему снова, как на поле боя, придется доверить мне не только свою жизнь, но и то, ради чего мы прибыли в мерзлые земли – залежи минерала, которые сделает нас богами.

— Ладно, Тьёрд, ты в своем праве. Ну а с младшей что будешь делать? И кто, ради богов, ляжет на жертвенный стол? Жрица мне плешь проела своими указками, что я связал ее по рукам и ногам.

— Младшую тоже не могу отдать, - пожимаю плечами. – У нее тоже есть роль.

— Собираешься насаждать халларнские обычаи личным примером?

— Бог с тобой, старый друг. Мне и первый-то раз было с ней скучно, словно в гробу.

Эр жестом отпускает меня, но уже у самой двери задерживает последним вопросом, которого я тоже ждал.

— Я слышал, что твоя будущая жена не может дать детей. Это правда?

— Да, Эр. Я сам видел шрам. С таким не выживают даже крепкие воины, так что кто-то на том свете положил за эту дикарку свою бессмертную душу.

— Ну и что же ты собираешься делать?

Я немного поворачиваю голову, чтобы Эр видел, как кровь Темных горит в моем теле, жжется под кожей огненными нитками. Она спасла мне жизнь, но она же медленно меня убивает, день за днем, час за часом. Если бы я был рожден таким, моя сила была бы куда больше, а возможности – безграничны. И я собираюсь дать все это моему наследнику, даже если до меня этого не делал никто.

— Я собираюсь вырастить своего сына в чреве Темной, Эр. Нашего с дикаркой сына.

— Да помогут тебе боги, Тьёрд.

— Боги давно меня прокляли.

Все трое ждут меня в коридоре: моя будущая жена, ее убогая сестра и толстый отчим Дэми, который с первого дня нашего знакомства буквально выпрашивает, чтобы я всадил в него меч и проверил, что польется из раны – кровь или жир. Не такая уж плохая идея, и чтобы не привести ее в исполнение прямо сейчас, я на пару секунд задерживаю шаг и напоминаю себе, что мне предстоит большая игра, в которой каждая пешка имеет свое предназначение, вес и цену. А я слишком хороший генерал, с кучей выигранных битв, чтобы не знать, что половина победы всегда лежит на плечах простой пехоты.

И самое главное – сейчас во мне говорит совсем не праведный гнев и желание наказать тех, кто недостойно обращался с моей будущей женой. Я слишком чёртовая и бездушная скотина для подобных сантиментов. Я не умею любить, потому что тьмы в моей крови больше, чем того, что осталось от некогда живого человека. Я скорее животное, подчиненное инстинктам, которое изредка вспоминает, что живет не в своей стае и обязано подчиняться другим законам.

К счастью, в этот раз я хорошо справляюсь с демонами внутри меня, и когда подхожу к троице, мой разум чист и ясен, как погожий день после дождя. Что делать, как делать и когда – я вижу четко, без пятен сомнения.

— Вы возвращаетесь в замок, – говорю всем троим, но смотрю только на свою будущую жену. С ней у нас еще будет время поговорить, но не при посторонних. А пока... пока нужно просто сделать первый ход. Сделать то, что я люблю больше всего, и от предвкушения моя темная кровь мгновенно вспучивается, чуть не разрывая вены. Человеческие слабости – лучший инструмент в руках хитрого игрока. – Я должен быть возле своего императора, Дэми. Надеюсь, мать рассказывала тебе, как готовиться к свадьбе?

Она медлит с ответом, но потом кивает и тут же добавляет:

— Я не знаю, желает ли мой будущий муж провести обряд по халларнским обычаям, но если да, то мне потребуется помощь, потому что я ничего в этом не смыслю.

Я не могу удержаться от делано удивленного смешка. Несколько часов назад она бы недогнувшей рукой перерезала мне горло, потеряй я бдительность хоть на мгновение, а сейчас просто сама кротость и послушание.

Если моя строптивая жена ведет свою собственную игру, то я еще более не ошибся в выборе, чем раньше.

— Пусть будет обряд по обычаям твоего народа, – соглашаюсь я, и теперь черед северянки удивляться. Я уверен, что она скажет, как благодарна и ценит мое желание не принуждать ее изменять своей вере, но Дэми молчит. Хорошо. Молчаливая жена – залог семейного счастья. Хоть в нашем случае я бы поостерегся упоминать это слово. – Сестра поможет тебе с приготовлениями. Она очень хорошо выучила наши традиции. Да, Намара?

Младшая смотрит на меня с такой ненавистью, что мне хочется рассмеяться ей в лицо. Да, она ценная пешка, но отнюдь не незаменимая. Незаменимых вообще нет, любой болтик, любую шестерню, даже самую уникальную, можно повторить и заменить. Главное, умелая рука мастера и немного сноровки. А я абсолютно точно хороший игрок.

— Потому что, если эта ноша тебя тяготит, я могу не рисковать испортить свои отношения со Старшей жрицей и сказать, что моя будущая семья желает пожертвовать Трехглавому другую сестру взамен той, которая будет принесена в жертву другому монстру.

Я нарочно иронизирую, чтобы никто из присутствующих не подумал, будто что-то из сказанного меня тяготит или беспокоит, или что я стану мучаться угрызениями совести.

— Я с радостью помогу сестре организовать бракосочетание, мой господин, – торопливо склоняет голову Намара. Куда ниже, чем обычно кланяется ее сестра.

Дэми, нужно отдать ей должное, даже, стоя передо мной на коленях, была куда больше

преисполнена гордости, чем ее сестра.

— Вот и славно. Завтра я пришлю слуг вам в помощь и кое-какие вещи на первое время. Все остальное прибудет в течение недели. А теперь ступайте. Я хочу побыть со своей невестой наедине.

Дэми вздрагивает, как будто я признался в том, что хочу поставить ее на колени и поиметь, как это любят смуглые жрицы из Хасса, в задницу, к нашему взаимному удовольствию.

Кстати, почему нет?

Давно я не играл в игры с болью с невинными душами.

Глава четырнадцатая

Когда Геарат и сестра уходит, чуть не обгоняя друг друга, я внезапно чувствую себя совершенно беззащитной, потому что в полутемном огромном коридоре кроме меня и Тьёрда больше никого, и он может сделать абсолютно все, что взбредет ему в голову, потому что я сама согласилась взять его мужем и теперь, по обычаям его народа, всецело принадлежу ему. Даже если чудовищу захочется вскрыть меня от пупка до горла – он будет в своем праве, потому что так у них заведено.

Солдат всегда ценнее женщины.

А не знающий поражения генерал ценнее целой тысячи девственниц.

Понятия не имею, о чем он желает поговорить, но прежде, чем Тьёрд откроет рот, рискую задать вопрос первой. Потому что какая-то еле живая часть меня до сих пор верит в чудеса и сказки, хоть рядом с человеком, на чьих руках тысячи невинных жизней, ей давно следовало задохнуться в муках.

— Почему... я? – Мне так страшно смотреть ему в глаза, что хочется заплакать. Нет, хочется закричать и убежать так далеко, где он не будет смотреть на меня, словно на добычу.

— Потому что драконы не женятся на овцах. – Тьёрд подходит почти вплотную, прикладывает два пальца к моему подбородку и делает ленивый толчок вверх, отчего я вытягиваюсь в струну и приподнимаюсь на носочки. Он словно активизировал во мне один из тех дьявольских механизмов, который халларны принесли из своего проклятого богами мрачного мира. – Потому что я так решил. Потому что ничего не должен тебе объяснять. Но если я все-таки ошибся, то очень быстро овдовею.

Наверное, в эту минуту он желает, чтобы я больше не открывала рта без его разрешения, но я не могу молчать.

— Кто же я, если не овца? Потасканная дикарка?

Он даже бровью не ведет. Ему как будто все равно, что я нарочно вытаскиваю то, что желаю услышать больше всего на свете.

Я хочу знать, что в этой жизни нашелся хотя бы один мужчина, способный оценить меня в мою истинную цену. Даже если о смерти этого мужчины денно и ночно молится весь Север, даже беззубые младенцы.

— Ты теперь моя вещь. – Генерал одним махом рушит все мои надежды. Его пальцы все так же удерживают мой подбородок, и я благоразумно не пытаюсь вырваться. – Я никогда не беру того, что мне не нужно, а с тем, что ценю, обращаюсь бережно и аккуратно. Например, с мечом.

Тьёрд все-таки убирает руку, но лишь для того, чтобы снова перехватить меня за горло стальной пятерней. Я схожу с ума, потому что на секунду испытываю облегчение от происходящего. Он уже делал так, уже «успокаивал» меня этим жестом. То, что знакомо, даже если причиняет боль, не пугает так сильно, как неизвестность. По крайней мере в прошлые разы я сохранила свою жизнь.

— Я ценю свой меч, Дэми, – спокойно, чуть тише, чем обычно, говорит Тьёрд. Его пальцы сжимаются сильнее, вынуждают идти к нему навстречу, сокращая пространство между нами до слабого вдоха. Если мне захочется глотнуть воздуха полной грудью – мы обязательно прикоснемся, а это – последнее, чего я хочу. – Меч спасал мне жизнь множество раз, он был со мной в те дни, когда от смертельных ран я едва не отдал богу душу. Он был рядом, когда я стал тем, кем стал. И я, поверь, ценю этот кусок черной стали куда сильнее, чем одну строптивую дикую кошку. Потому что она пока не сделала ничего, чтобы заслужить мое расположение.

Вторая рука проскальзывает между нами, укладывается мне на живот и надавливает, заставляя меня подняться на носочки. Он слишком высокий, чтобы наша заметная разница в росте сильно сократилась, но я делаю это просто потому, что монстр как будто знает, как вынудить меня повиноваться каждому его движению.

— Ты понимаешь, о чем я, Дэми? – Красные глаза темнеют, становятся насыщенно багряными, почти теплыми, но я не даю себя обмануть этой переменной. Огонь, даже если над ним можно согреть ладони, все равно сожрет плоть, если забыть.

— Мне двадцать лет, господин, я знаю, чем жена обязана услаждать мужа.

В этот момент его лицо меняется. Не смягчается и не становится довольным, хоть я только что практически пообещала выполнять все его прихоти. Он просто смотрит... как будто куда-то внутрь меня, глубже, чем смотрели все другие люди. Может быть, я снова сделала что-то не то? Может

быть, он снова думает, что я – лгунья, и стоит повернуться ко мне спиной, как в ней тут же окажется припасенный для «любимого мужа» кинжал?

Мысль о кинжале и об избавлении, которое сделало бы меня вечно свободной, приятно греет душу. На окраине сознания проносится приятная картина, от которой кончики пальцев стремительно теплеют, и даже тлеющий взгляд генерала не в состоянии украсть каплю разгорающегося во мне огня. Я могла бы быть счастлива, избавившись от отчима и Намары... и от мужа, который только что определил всю суть нашего брака – я буду его вещью до тех пор, пока буду податлива и полезна.

— Не знаю, о чем ты думаешь, Дэми, - голос Тьёрда опускается до подобного далекому камнепаду низкого гула, - но будь я чуть слабее духом, предпочел бы не стоять к тебе так близко. Возможно, я раздумаю давать тебе слишком много свободы, потому что, хоть моя жизнь до безобразия скучна и однообразна, я не готов расстаться с ней таким постыдным образом.

— Умереть в постели? – непроизвольно вырывается у меня, и я тут же прикусываю язык, пока соль крови намертво не склеивает рот.

— Умереть от руки женщины, - хмыкает он.

И, наконец, отступает, разом избавив меня от своих рук.

На мгновение мне кажется, что я просто упаду без его поддержки, что мое тело хочет быть скованным, потому что иной плен безопаснее свободы, но помутнение быстро проходит, стоит вдохнуть полной грудью и почувствовать на губах обветренный морозом воздух.

Тьёрд все еще чего-то ждет. Не уходит, хотя в нашем коротком разговоре поставлена правильная пауза. Он просто выжидает.

И если я хоть сколько-нибудь его знаю, то прямо сейчас он ждет доказательств того, что сделал правильный выбор. Это унижительно, но только так, подчиняясь правилам пока не очень понятной мне игры, я могу выжить. И, возможно, тот образ спокойного одиночества в собственном замке станет реальностью.

Пока же я просто кланяюсь ему, не забывая, что невесте дракона следует не очень-то усердно гнуть спину, и с холодным почтением интересуюсь:

— Когда я увижу тебя в следующий раз, господин?

Что ж, судя по дернувшемуся вверх правому уголку его рта, я угадала и дала монстру его порцию раболепия. Пусть так. И великие войны выигрываются малыми победами.

— Мой меч нужен императору, как надолго – зависит от количества пролитой крови, которой окажется достаточным для прищучивания дикарей. Но я напишу тебе. И буду ждать, что ты ответишь.

Он нарочно использует эти слова: дикари, кровь, прищучивание. Все то же самое можно сказать и обо мне: если я буду слишком строптивой, он тоже, не задумываясь, пустит мне кровь, потому что именно так халларны и поступают с дикарями.

— Я буду ждать вестей, мой господин.

Он кивком отпускает меня, и я из последних сил сдерживаюсь, чтобы не броситься наутек. У всего есть предел, тем более у исполосованных страхом нервов, и мне ни капли не стыдно, что у меня пока нет сил гордо нести голову.

— Дэми, - окрикивает генерал, и я, остановившись, поворачиваюсь к нему всем корпусом. – Иногда, если у меня будет подходящее настроение, я хочу, чтобы ты звала меня Тьёрд.

Я снова кланяюсь.

Слова не нужны, ему нет дела до того, смогу ли я, не встанет ли проклятое имя поперек горла, не отсохнет ли мой язык. Но я тешусь хотя бы тем, что мысленно могу пожелать «Тьёрду» провалиться прямо в бездну.

Глава пятнадцатая

— Там обозы приехали, - громким шепотом говорит Старая Ши, пока я помогаю ей готовить тесто для пирогов с олениной.

В Красном пике не хватает рук, а мне, как невесте генерала, следует выказывать знаки любви к императору и его солдатам. Поэтому, засучив рукава, приходится готовить провиант для стоящего неподалеку небольшого гарнизона. Я бы с радостью запекла в каждом куске теста ржавый гвоздь, но тогда бы пришлось проглотить точно такой же и надеяться, что он убьет меня до того, как это сделает разгневанный император.

Со дня нашего с Тьёрдом «обета» прошла почти неделя. Как и обещал, он прислал мне в помощь расторопную бойкую смуглую девицу, чей разрез глаз до сих пор меня удивляет, как и ее рассказы о странах далеко за Острым морем и Дымными островами, которые лежат у самого края мира, где всегда дуют пустыне ветра, а земля под ногами цвета ржавой латуни. И вместе с ней еще пару рулонов ткани с короткой припиской, что ему необходимо время, чтобы преподнести мне, как заведено у халларнов, достойные дары.

И вот, пока я раскатываю тесто маленькими кругляшами, Старая Ши быстро вытирает руки о передник и решительно оттаскивает меня от кухонных забот. Осматривает с ног до головы, смахивает муку со щек и поправляет волосы.

— Чудовище тоже пожаловало? - устало интересуюсь я.

Последних два дня я почти не сплю и не выхожу из кухни, и мысль о том, чтобы корчить перед Тьёрдом счастье и радость, вызывает болезненную изжогу.

— Нет, но прибыли его люди, и если я хоть что-то смыслю в этих играх, то генералу обязательно донесут, что его невеста выглядела как неупокоенный дух.

В главном зале, куда мы выходим спустя пару минут, уже царит хаос: что-то несут, складывают, кланяются. Тюки, мотки, шкатулки, отрезки кожи. Запустение быстро наполняется дарами, от количества которых начинает кружиться голова.

Впрочем, куда больше всего этого меня радует кислое выражение лица Намары, которая нарочно сказалась больной, чтобы не помогать мне на кухне. Да я и не настаивала, зная, что она запросто может подсыпать в еду какую-то дрянь, лишь бы накликать на мою голову гнев императора и будущего мужа.

— Это тебе, госпожа, - без поклона говорит какой-то халларнский вояка, протягивая свернутый в тубу пергамент под надежной защитой сургучной печати.

На багряном оттиске хорошо виден костяной кулак, сжимающий обломок меча - герб моего будущего мужа. Послание всем: «Даже мертвый и безоружный я все равно буду сражаться».

— Завтра я заеду за ответом. И на словах мой господин просил передать, чтобы ты не стеснялась и дала знать, если нуждаешься в чем-то кроме этого.

Он обводит взглядом буквально заваленный дарами зал, на халларнский манер желает нам хорошего дня и уходит, оставив после себя долгое молчание, в котором ярко и звонко, словно горный тростник, звучит мой триумф.

Когда был жив отец, мы с матерью ни в чем не нуждались. Платья, украшения, меха, безделушки и даже редкие книги, которые он скупал для библиотеки - у нас было все. Но то, что преподнес Тьёрд - это просто во сто крат больше, чем «все». И хоть я прекрасно понимаю, что за эти подарки мне придется заложить монстру собственную душу, на какое-то время разрешаю себя насладиться бешенством Намары.

Ведь все это, как она до сих пор спит и видит, должно бы принадлежать ей.

Я беру первый же попавшийся на глаза сверток из тонкой кожи, внутри которого сокрыто, кажется, само великолепие. Белоснежная накидка из экзотической белой лисицы. Мех настолько мягкий, что пальцы после первого касания испытывают зависимость. Я не решаюсь надеть ее, пока моя расторопная служанка не оказывается рядом, чтобы помочь с этим.

— Бриллиантовая застежка, госпожа, - восхищенно щурится она, и я невольно прикасаюсь пальцами к серебряному, выложенную камнями экзотическом цветку. - Тебе к лицу. Клянусь, на всем Севере ни у кого нет такой роскоши!

Когда я снова поглаживаю драгоценный мех, мои пальцы дрожат, но стоит взглянуть на позеленевшую Намару, как в душе появляется знакомое приятное тепло.

Я никогда не была славной и доброй, не верила во всепрощение, хоть мать журила меня за это.

Но хотя бы глядя на корчащееся и подыхающее в муках тщеславие сестры, я не испытываю угрызений совести.

Я рада, что Потрошитель выбрал меня.

А цена...

Подумаю о ней потом, когда медленно и с наслаждением рассмотрю каждый подарок.

До самого вечера я медленно, как дорогое можжевеловое вино со специями и острыми ягодами, смакую свой триумф. Осторожно, чтобы не помять ленты, вскрываю каждый подарок, извлекаю наружу отрезки дорогой ткани, меха, украшения. Мой будущий муж позаботился обо всем: от одежды и обуви, до серебряных, украшенных осколками темного льда кубков. Только когда солнце убегает за горизонт, и за окнами начинается гулять злая вьюга, я вскрываю последний сверток, в котором на отрезе из бархата лежит гребень для волос в виде странного цветка.

— Это Черная лилия, - с каким-то странным восторженным придыханием говорит моя служанка. Несмело протягивает руки, и когда я вкладываю украшение в ее ладонь, на мгновение закатывает глаза и жадно втягивает воздух носом. - Я почти слышу ее аромат.

— Такие растут там, откуда ты родом?

Она отрицательно вертит головой, продолжая поглаживать странный, по виду хищный, бутон дрожащими кончиками пальцев.

— Я видела такие однажды. В доме, куда меня взял мой бывший хозяин, в саду. Это очень капризные и смертоносные цветы, госпожа. Их аромат пьянит и убивает.

— Ты была рабыней... Тьёрда? - осторожно спрашиваю я.

Не знаю почему, но мне хочется, чтобы она сказала «нет». Я не люблю этого чужестранца, я по-прежнему молюсь Северным богам, чтобы они погубили его на одной из тех войн, которые халларны ведут каждый день и каждый час, но я не хочу, чтобы ко мне прикасалась женщина, которую он использовал, как свою шлюху.

— Нет, госпожа, нет! - Она густо краснеет и прикусывает губу. - Но...

Я не сведуща в любовных делах, потому что мое сердце до сих пор закрыто для чувств, и я рада этому, но при взгляде на ее прикушенную губу и розовые щеки даже такой неопытной, как я, без слов ясно, что она хотела бы принадлежать Тьёрду.

Некоторые люди рождаются рабами и быть чьей-то обласканной вещью для них - настоящее счастье.

— Я принадлежала человеку, который предал своего короля, - с отвращением продолжает служанка. - Он был мерзким поганым стариком. Он привез Черные лилии из Темного края, не спросив на то разрешения. Любовно выращивал их и кормил человеческой кровью, чтобы растения набирали силу, а потом собирал их «утренние слезы» и поил своих рабынь, чтобы мы ни о чем не думали, когда с нами забавлялись его друзья. Жаль, что мы не могли так же ничего не помнить. - Она вздыхает, на мгновение сжимает гребень в руках, а потом вздыхает с облегчением, как будто прощается с незваными гостями. - Ты должна ее примерить, госпожа. Генерал будет рад, что ты носишь его дары.

Я поворачиваюсь спиной, приподнимаю волосы - и девица, распрощавшись со своей меланхолией, ловко укладывает локоны, пристраивая серебряный цветок так, чтобы он располагался у меня над правым ухом. Протягивает зеркало, чтобы я полюбовалась ее работой и, поправляя выпавший локон, говорит:

— Любая женщина была бы рада оказаться на твоём месте, госпожа. Не забывай об этом, когда будешь благодарить генерала за его щедрость.

«Щедрый подарок» вдруг становится очень тяжелым и немилосердно оттягивает голову. Я вырываю гребень, кажется, вместе с пучком волос и с отвращением швыряю не глядя, подальше, потому что вдруг начинаю чувствовать тот сводящий с ума аромат, о котором говорила служанка.

Тьёрд тоже чуть не опоил меня отравой из «утренних слез», имя которой - тщеславие.

— Забирай ее себе, если найдешь, - говорю через плечо уже на середине лестницы. - И если твой обожаемый генерал вдруг захочет раздвинуть тебе ноги - не стесняйся, пользуйся тем, что ему зачесется попользоваться тобой.

Глава шестнадцатая: Тьёрд

— Господин, тебе нужно к другому лекарю, - трясется надо мной молодой хирургант, приплясывая вокруг чуть ли не впрысядку, потому что с разодранного бестией плеча свисает рванный лоскут кожи, обнажая темную сталь и хитросплетения механизмов. - Я не сведущ...

— Ты можешь просто зашить это? - Поднимаю на него взгляд и морщусь, когда что-то внутри замыкает - и тело до самого зада прошибает колючий разряд. - Это всего лишь кожа, я не потеряю сознание, как не траханная девица, если ты возьмешь иглу и поработаешь швеей.

Пареньку на вид около двадцати. Какой-то долговязый, с непропорционально тонкими конечностями. Как будто ему на роду было написано родиться мелкой птицей, но в последний момент кому-то наверху захотелось сделать из него человека, и получилось то, что получилось: нескладная конструкция, непонятно каким образом дожившая до своих лет. Но раз его приставили хирургантом в мою армию, значит, у парня должны быть какие-то выдающиеся таланты. Эр не лишил бы меня возможности латать солдат после очередного подавления бунта проклятых северян.

Но мямля продолжает перебирать ногами на одном месте, как будто мысленно уже давно дал деру.

Ничего не поделаешь - придется поторопить его самым эффективным способом.

— Либо ты приведешь в порядок мою руку, либо я выпотрошу тебя твоими же инструментами. И, поверь, ты будешь еще жив, когда я закончу.

Парень меняется в лице, хочет сглотнуть, но не успевает, потому что я всегда быстрее. Мои стальные пальцы сжимают тонкое птичье горло, перекрывая поток воздуха в эту определенно светлую, пусть и трусливую башку. Прилагаю еще одно усилие, чтобы добиться того самого синюшного цвета, который появляется на губах за пару мгновений до смерти. Будь у меня выбор, я бы с удовольствием свернул мальчишке шею, но пока мы на чертовой окраине заснеженных земель, эта недоросль - все, что у меня есть.

Руку снова перетягивает боль. На этот раз я слышу шипение короткого фейерверка искр и запах паленой плоти.

— Ну так что? - Поднимаю парня над землей и без интереса наблюдаю, как жизнь постепенно гаснет в его перепуганном взгляде. Смотрю ниже, на подрагивающие ступни, и разжимаю хватку. Хирургант падает к моим ногам, заливаясь кашлем и кое-как поднимается, хватаясь за стол с медицинскими принадлежностями. - Молодец.

Пока он, продолжая кашлять, приводит в порядок кожу, полог палатки приподнимается, и внутрь вместе с морозом и снегом проскальзывает Тиар - мой помощник, которого я отправлял к Дэми с подарками. Он как обычно немногословен: коротко кланяется и протягивает свернутый в тубус пергамент.

— Ей понравились подарки? - спрашиваю я, неуклюже поддевая сургучную печать ногтем. Северяне так примитивны, что даже странно, как до сих пор сопротивляются нашей армии. Видимо, все дело в том, что каждый из нас воюет за свою правду, и пока что их желание отстоять свою землю перевешивает наше желание обильно напоить ее их же кровью. - Она была счастлива? Улыбалась?

— Она улыбалась, потому что не улыбалась ее сестра, - криво ухмыляется Тиар, и мы переглядываемся, прекрасно понимая друг друга без слов.

Соперничество нелюбимых сводных сестер - одна из причин, почему я сохранил Намаре жизнь. И в конечном итоге эта северянка выполнит свое предназначение, прежде чем я отдам ее жрице.

Первое, что я отмечаю, разворачивая пергамент - у моей будущей жены красивый почерк. Она старательно выводила буквы, но кое-где нажим был сильнее, чем следовало, и чернильные пятна растеклись колючими кляксами. Особенно это заметно в тех местах, где Дэми называет меня «господином». Так и вижу, как она держала руку, вынуждая себя обратиться ко мне именно так, хоть предпочла бы пожелать мне сдохнуть от руки ее северных братьев.

Не знаю почему это так меня радует. Никогда не любил женщин с непокорным характером. Напротив, предпочитал тех, которые знали свое предназначение, охотно отдавались и позволяли делать с ними все, что мне хотелось. А потом, не скрывая своих женских потребностей, использовали меня до приятного опустошения и усталости.

С Дэми так не будет. Эту гордячку придется загонять в постель плеткой - не меньше. Я даже закрываю глаза, чтобы представить нашу первую ночь вместе. Пока хирургант накладывает стежки, я «вижу», как шипит и брыкается моя молодая жена, как пытается запахнуть на груди разорванную

нижнюю сорочку, как я бросаю ее в постель и без жалости развожу стройные ноги.

Жаль, что она – выжженная сухая равнина, иначе я бы трахал ее каждую ночь, пока не понесет моим сыном.

Приходится поднапрячься, чтобы вытурить из головы приятные мысли, потому что, несмотря на боль и усталость после затяжной битвы, мой член готов хоть сейчас долбить упругую расщелину упрямой строптивой северянки.

Нужно прочесть, что за вежливую ерунду она написала. Хотя бы ради того, чтобы еще раз убедиться, что сделал правильный выбор.

Дэми вежливо и холодно благодарит за подарки и украшения. Делает «фривольную» приписку о том, что столько одежды ей все равно не нужно, и что она чувствует себя польщенной моим вниманием и заботой. Пишет, что больше ей ничего не нужно. Задает вежливый вопрос о моем здоровье и нарочито игнорирует тему войны. Не желает ни успехов, ни побед.

«Что бы сдох!» - явно читается между строками о том, что она молится богам за всех нас.

Пожалуй, я сохраню письмо до наступления темноты. Перечитаю перед сном, прежде чем сжечь. Вряд ли эта дикарка понимает, что доставила мне удовольствие своими попытками укусить.

Дьявол все дерит, может быть, нарушить устав, оседлать свою металлическую птицу и устроить моей невесте демонстрацию того, что я привык делать с непослушными женщинами?

Жаль, что даже предвкушение сладости этой науки не глушит голос разума, который нашептывает, что через пару часов северяне снова нападут на лагерь. Слишком уж резво улепетывали с поля боя эти никогда не отступающие «храбрые воины».

— Ступай, Тиар, спасибо за службу.

Он минуту мешкает, а потом достает кое-что из внутреннего кармана куртки и с поклоном вкладывает мне в ладонь.

— Это от младшей, - скалится он, прежде чем выйти.

Я верчу в руках обрывок пергамента, кое-как перевязанный ниткой.

Даже не интересно, что там, так что оставляю чтение до конца «шторки».

— Я... сделал все, что мог, - говорит парень, глядя на меня огромными испуганными глазами через круглые стекла увеличительных линз.

— Убирайся, - выпроваживаю его вон, потому что запах страха начинает раздражать.

Иногда среди халларнов рождаются и вот такие экземпляры: слишком хилые и слабые, чтобы держать меч и отнимать им жизни, но достаточно умные, чтобы занять место винтика в системе.

В послании Намары мед с сахаром. Даже зад слипается, пока читаю бесконечный поток признаний в любви и заверений в верности. Она как будто стоит передо мной на коленях, заглатывает по самые яйца и при этом пытается улыбаться, даже не представляя, как глупо выглядит в этот момент. Наверное, если бы я вдруг раздумал брать в жены ее сестру, Намара собственной рукой перерезала бы Дэми горло. И не факт, что она не попытается это сделать даже сейчас. Интересно, если бы Дэми пришлось отбиваться от занесенного кинжала, ей стало бы смелости убить в ответ? Или дикая северная кошка умеет только шипеть и выпускать когти?

Впрочем, не это самое главное в послании Намары.

«Дэми получила письмо от брата ее покойной матери, Торильда» - приписано в конце, у самого края, где уже нет места некрасивым палочкам северных письменных рун.

Как будто Намара в последний момент вспомнила об этом.

Хоть на самом деле именно поэтому и затеяла тайную переписку.

Женщины так предсказуемы, когда пытаются играть в мужские игры.

Значит, дядя вспомнил о своей опальной племяннице?

Я комкаю писульку и бросаю ее в жаровню, где огонь быстро сжигает поганый вонючий донос.

Очень хорошо.

Глава семнадцатая

— Хочу проехать верхом, - говорю я, спускаясь по лестнице в большой гостиный зал.

Служанка послушно склоняет голову и нервно тербит край платья, потому что я оделась без ее помощи и сама подобрала волосы. Понимаю, что она боится остаться не у дел и перекочевать в другой дом, к другой хозяйке, которая не будет такой же терпеливой, как я. А рядом, скорее всего, не будет ее обожаемого Потрошителя, о здравии которого она молится и днем, и ночью.

Не знаю почему меня это задевает.

Не хочу думать, что кроме сестры, которую Тьёрд уже «попробовал», под крышей нашего дома может быть еще одна его игрушка, которая точно так же, как и Намара, не прочь улечься перед ним на спину. И обе будут спать и видеть, как бы получить ребенка от его семени, потому что жена их обожаемого генерала никогда не сможет родить ему наследника.

— Ты куда? - Я оглядываюсь на смуглую девушку, которая живо накидывает на плечи теплый медвежий плащ и плетется следом за мной.

— Я должна сопровождать тебя всегда и везде, - невозмутимо отвечает она.

— Мне не нужна спутница.

— Это приказ генерала, госпожа. Я не могу ослушаться.

Злость червем проедает брешь в моем терпении, но я все равно держу себя в руках, лишь на секунду шурясь, как от внезапной горечи во рту. Даже не сомневалась, что Тьёрд приставил ко мне своего соглядата. И бог знает, кто еще в Красном пике выслуживается перед будущим хозяином, лоя каждый мой вздох и даже подслушивая мои сны.

Но сегодня мне нужно отделаться от девчонки во что бы то ни стало.

Несколько дней назад прилетел ворон с запиской от Торурльда, где он назначил время и место встречи, приписав, что мне обязательно нужно приехать одной.

Я хорошо знаю своего дядю. Он всегда был рад воспользоваться возможностью, чтобы отвоевать себе землю, которую, как он считает, должен был получить по праву крови и родства сразу после смерти моей матери. Несколько раз он пытался обставить Геарата, но каждый раз отчиму удавалось предугадать его действия и избежать не только гибели, но и потери власти.

Если я хоть что-нибудь понимаю в интригах и заговорах, до Торурльда дошли вести о том, что скоро между ним и его мечтой прибрать к рукам мою землю будет стоять не старый жирный северянин, а беспощадный генерал-потрошитель.

Поэтому мне во что бы то ни стало нужно переговорить с дядей с глазу на глаз, чтобы узнать, что он собирается предпринять. И помочь ему добиться успеха.

— Мне связать тебя? - спрашиваю свою служанку, надеясь, что она в состоянии различить решимость в моем голосе. Но на всякий случай разьясняю: - Я не шучу, Баса. И, поверь, с веревкой обращаться умею. Подумай, прежде чем перечить мне, потому что твой господин за тридцать земель, а я - прямо здесь, напротив тебя. На твоём месте я бы боялась не грядущей бури, а той, что может пройтись по тебе без жалости прямо сейчас.

Служанка начинает тербить край платья, опускает голову и что-то невнятно бормочет. Не хочу даже прислушиваться. Я согласилась быть Потрошителю женой, но не подписывалась быть собакой на привязи.

— Решать тебе, Баса. Я не скажу твоему господину, что ты нарушила его приказ, и ты, если будешь держать рот на замке, не нарвешься на порку.

— Нашему, - тихо поправляет она. - Нашему господину.

Была бы моя воля, я бы навсегда вырвала это слово из всех существующих языков или под страхом смерти запретила называть кого-то моим господином. Но пока у меня нет выхода - и если я хочу выжить, то должна мириться с тем, что есть. Именно поэтому так важно встретиться с дядей. Он единственный человек, кто так же не хочет, чтобы эти земли попали в руки проклятого захватчика, как и я.

Чтобы не попасться на глаза домашним, а в особенности Намаре, которая спит и видит, как бы занять мое место, как воришка крадусь потайными коридорами и ходами, чтобы, в конце концов, оказаться на конюшне. Седлаю коня, накидываю на плечи забытую кем-то из рабочих меховую

накидку.

Отец всегда хотел сына. Даже когда говорил, что гордится тем, какой я стала, он потихоньку вздыхал, что его род не суждено продолжить мужчине. Поэтому он обучил меня всему, что должен знать мужчина. А мать, когда на нашу землю ступила нога захватчиков, взяла за руку и показала дорожку из замка, прямо в соседний лесок. На всякий случай.

Я, не спеша, чтобы не привлекать внимание, веду коня по скрытой дорожке между развалинами башни. В вечерних сумерках моя фигура не привлекает внимания, и я без всяких препятствий добираюсь до густой поросли сосен, между которыми можно легко затеряться. Оттуда – петляющей тропой через замерзшее озеро к сгоревшему в прошлом году храму. Его сжег мой «будущий муж». Возможно, у богов есть своя справедливость даже на этот счет, и мне суждено стать его погибелью в том месте, которое он уничтожил просто так, потому что посчитал «уродливым».

На свежем снегу хорошо видны следы копыт, но лошадь и ее одинокого всадника нахожу внутри, под тем немногим, что когда-то было главной галереей. Дядя, заложив руки за спину, разглядывает остатки фрески, на которой один из легендарных героев Севера принимает от богини дар бессмертия. Следующую фреску, где он выбирает жизнь смертного, съел огонь – и под черной копотью едва-едва видна ладонь, помеченная лучами лунного света.

Мои шаги заставляют Торурльда обернуться. Секунду он вглядывается в темноту, и его лицо напрягается, а потом сдержанно кивает и снова упирается взглядом в старые обугленные стены.

Дядя никогда меня не любил. Говорил, что мать проявила слабость, когда вышла замуж во второй раз, а я... Я была просто девочкой, а не мальчиком.

— Думал, ты струсил, – говорит Торурльд, когда тишина начинает въедаться мне в уши.

— Если я такая бесхребетная – зачем тогда писал? – интересуюсь я, не очень стараясь спрятать иронию.

Дядя никогда не любил меня, и я охотно отвечала ему взаимностью. Не самое распространенное явление на Севере, но иногда мы тоже всего лишь люди, которые так же подвержены порокам, как и те, кому не посчастливилось родиться со льдом в крови. Одно для нас неизменно: мы не договариваемся с чужаками и никогда не отдадим им даже пригоршню нашей земли. Ради этого семейные дразги нужно похоронить на дне самого глубокого колодца.

— Потому что ты лучший союзник, чем жирная свинья, которая опоила мою сестру дурманом. Нет иной причины, почему она вдруг полюбила самого недостойного из северян.

Мне есть, что ему ответить. Есть, что рассказать и о чем напомнить, но я прикусываю губы.

— Мы здесь не для того, чтобы вспоминать прошлые обиды. Или я ошиблась?

Торурльд, наконец, поворачивается ко мне всем корпусом, смотрит сверху вниз, как будто подозревает, что я – это не я, а еще одна шпионка халларнов. Говорят, в их армии есть люди, способные перевоплощаться не только в животных, но и красть обличия других людей. Говорят, именно так, обманом проникнув в хорошо защищенные крепости, которые захватчики не могли взять осадой, шпионы убивали в спину тех, кого не сумели сразить в открытом бою.

— Он правда хочет взять тебя женой? Этот халларнский Потрошитель?

— Правда.

— И что ты собираешься делать?

Дядя смотрит на меня так, будто ждет, что у меня готов план, как я, вооружившись ложкой и мешочком с солью, истреблю всю халларнскую армию.

— Собираюсь выжить, для начала.

Дядя фыркает и пинает ногой обломок камня, который катится прямо к моим ногам, словно это должно иметь какое-то сакральное значение.

— Ты знаешь, он делает это потому что ему нужна твоя земля. И потому что в тебе течет кровь нашего погибшего правителя, хоть ее явно слишком мало, чтобы сопротивляться, как того требуют наши боги.

Это означает, что мне нужно было броситься с кулаками на хорошо вооруженных бессердечных убийц и сдохнуть примерно через мгновение после этой бестолковой выходки. Вероятно, тогда бы я была героиней, жаль, что лишь очень короткое время. Гораздо более короткое, чем я могу прожить, используя ум и хитрость.

— Я знаю, что такие, как он, не влюбляются в тех, кого считают достойными разве что смахивать пыль с солдатских сапог, и этого достаточно, чтобы уберечься от опасных иллюзий.

«Было бы неплохо, если бы и ты, горячо любимый дядя, тоже иногда думал головой, а не седалищем, и не призывал воевать против головорезов игрушечными мечами» , - добавляю про себя, надеясь, что когда-нибудь мы все-таки будем говорить на равных.

Глава восемнадцатая

— Я могу взять Красный шип, Дэми, - наконец, говорит Торурльд. Опять немного тянет время, как будто сомневается, стоит ли открывать свои планы той, кто не бросилась грудью на пики, потому что халларнский генерал просто посмотрел в ее сторону. - Когда рядом не будет этой твари из-за моря и у меня и моих воинов будет время, чтобы подготовиться к штурму.

Очень незатейливый план. Даже жаль, мне хотелось верить, что он приложит хотя бы какие-то мыслительные усилия, чтобы подумать не о простом набеге, а о стратегии. Но мне не из чего выбирать. Я могу быть сколько угодно умной, но раз богам было угодно сделать меня женщиной и лишиться счастья когда-нибудь обнять собственное дитя, я обречена быть тенью наделенных властью мужчин. Даже здесь, на Севере, где женщины берутся за мечи наравне с мужчинами.

— Мне нужно знать все, Дэми. Сколько воинов в обороне, сколько обходят замок дозором. Каждую голову, каждую руку, способную держать меч или лук.

Я киваю. Большого от меня не требуется.

— И самое главное: когда эта халларнская погань снова заявится проведать будущую жену, разузнай, куда он уезжает в следующий раз и когда планирует тебя навестить. - Торурльд ухмыляется - и его седые усы расходятся в стороны, обнажая полные обветренные губы. - Мы подготовим встречу для этой мрази.

Если бы халларнцы дошли от одних только громогласных обещаний смерти, Север стал бы свободным через час после того, как сапоги захватчиков ступили на нашу землю.

— И что будет потом? - спрашиваю я, плотнее кутаясь в тяжелый плащ от гуляющего меж развалин холодного злого сквозняка. - Ты придешь в Красный шип, допустим, даже отвоюешь его. Что дальше?

Торурльду очень не по душе, что я не прыгаю от радости и не согласна слепо верить в его будущую победу. Если говорить на чистоту, то у него почти нет шансов против Тьёрда, потому что я слишком хорошо знаю, на что способен мой «будущий муж» и какое он бессердечное чудовище. Без моей помощи все потуги Торурльда превратятся в громкий звук, от которого обычно портится воздух.

Нет ничего плохого в том, что я хочу знать, ради чего подставляю свою голову.

— Эти земли принадлежали моему отцу, - зло, куда-то в косматую бороду, басит дядя. Обводит взглядом мусор под ногами, но мы оба знаем, что речь идет о владениях моей матери: замке, реках, холмах и лесах. И даже эта не очень густая лесистая поросль тоже принадлежит ей. - Твой отец достойно их принял, но потом... Я заберу то, что принадлежит мне по праву, Дэми. И найду тебе мужа, который согласится взять девицу в позоре.

Я догадывалась, что он не собирается оставить меня законной хозяйкой, но последние слова въедаются в голову, словно клещ. Я - девица в позоре. Ну конечно, как иначе? Не убилась, не дала себя убить, пыталась выжить всеми способами, чтобы мое позорное существование привело Торурльда к славной победе.

— Наследство моей матери по праву принадлежит только одному ее наследнику - мне. - Я нарочно вспоминаю тяжелый взгляд халларнского генерала, его ровную спину и холод стальных пальцев от хватки у меня на шее. Так становится спокойнее. Как будто он здесь, за моим плечом, и как будто даже гордится тем, что я способна совершить такую же гнусность, как и он, еще и торгую себе выгодные условия. - И я не собираюсь выходить замуж, Торурльд. По крайней мере до тех пор, пока не встречу достойного северянина.

— Совсем сдурела, девка? - усмехается дядя. Не верит своим ушам, даже пододвигается и подставляет ладонь к уху. Но ему быстро надоедает ломать комедию. - Ты халларнская...

— Осторожнее выбирай слова, Торурльд, - предостерегаю я. - Ты знаешь, как только генерал подомнет под себя мои земли, ты станешь следующим лакомым куском пирога, от которого он точно не сможет отказаться. Не надо делать вид, что ты спасаешь девицу в беде. Я слишком «девица в позоре», чтобы поверить, будто тебе не все равно, буду я раздвигать ноги перед кем-то из твоих солдат или сдохну от меча разгневанного «жениха». Я нужна тебе, а ты нужен мне. Будем считать, что это вынужденный и взаимовыгодный союз. Или, если хочешь, можешь попытаться найти другого союзника. Например, Намару или моего отчима. Интересно, как долго после этого ты будешь топтать снег, прежде чем познакомишься с яростью Тьёрда.

Торурльд очень недоволен. Он то и дело зыркает мне за спину, как будто прикидывает, не будет ли проще по-тихому, прямо здесь, свернуть голову неблагодарной племяннице. Будь я не такой важной фигурой в его замыслах - он бы сделал это без малейшего укора совести. Вот только вряд ли и я бы

приехала на его зов.

Мы как две змеи, которые кружат друг вокруг друга, разевают пасти, чтобы укусить, но в итоге продолжают шипеть и трясти хвостами, потому что даже один укус погубит обоих.

— Напишешь мне, - бросает Торунльд, вышагивая мимо с лицом победителя, которого приложили рожей о камни. - Поглядим, как оно дальше будет.

Я выжидаю немного, пока не утихнет тихий шаг его лошади, выныриваю в сгущающиеся сумерки и забираюсь в седло.

Нужно поторопиться вернуться до того, как мое отсутствие станет заметным.

Первые дни после этой встречи мне еще кажется, что за мной постоянно наблюдает злая пара глаз, и все время хочется оглянуться, когда Намара оказывается поблизости, но я держу себя в руках. Чаще всего люди выдают свои замысли глупыми промашками: нервными движениями, кислым лицом, бледными щеками. А мне, если я хочу выжить в этой войне, нельзя совершить даже четверть ошибки, потому что Тьёрд еще раз передумает и возьмет в жены более покладистую и благодарную сестру.

Чтоб ему провалиться!

Глава девятнадцатая

Через неделю, в вечерних сумерках, в злую вьюгу и стонущий ветер мальчишка-смотрящий залетает в замок с криками: «Едут черные собаки!» Кто-то из слуг успевает заткнуть ему рот, но Намара уже вертится тут как тут и усмехается, поглядывая на свою будущую «жертву», словно стервятник, который приметил раненого кролика и уже предвкушает вкус дохлятины.

Баса помогает мне уложить волосы и одеться в домашнее платье, украшая талию тяжелым серебряным поясом с рубинами – еще одним подарком Тьёрда, который нашелся среди множества свертков. Он явно переделан с традиционного северного украшения, потому что именно такие пояса принято подносить в дар будущей жене. Чем богаче дар – тем больше любовь. Такой была бы рада получить любая северянка, даже из Высоких семей. Вот только северные руны перебиты халларнскими темными письменами, и их тяжесть словно пришибает меня к земле.

— Господин будет рад видеть, как ты преобразилась, - восхищенно шепчет Баса, в последний раз поправляя мою прическу, и накидывает мне на плечи белый меховой отрез.

Конечно, теперь я не выгляжу как голодранка. На мне столько дорогих побрякушек, что если продать все сразу, как есть, можно выручить денег на пару боевых коней в полной сбруе. Только радости от предстоящей встречи во мне ни капли. Лишь страх, что проклятый убийца каким-то образом проникнет мне в голову и разведает тайные замыслы.

Я медленно спускаюсь вниз, стараясь, чтобы спина была ровнее, чем только что выкованный меч, и до последнего не отваживаюсь смотреть на Тьёрда, который вопреки традициям не ждет меня в пороге, чтобы получить благословение, а уже развалился в кресле около камина, устало откинув голову на высокую спинку. Темные волосы влажными от талого снега змеями стекают вниз, резко контрастируют с мертвенно бледной кожей.

Он выглядит так, словно еще минуту назад стоял на смерть в бою с неравным противником. И когда подхожу ближе, моя догадка подтверждается. Он без доспехов и сорочки, и поверх бинтов, перетягивающих грудь, проступают алые пятна крови. Стальная рука исцарапана и покрыта вмятинами, а на шее, в опасной близости от тугой выпуклой артерии, свежая, еще сочащаяся кровью рана.

— Баса, Ши, - оглядываюсь на домашних, которые вместе со мной вышли встречать «господина», - теплую воду, ларец с травами и горячее питье с можжевелевым вином и медом.

Пока они бросаются врассыпную, я пытаюсь вспомнить все, чему меня учили мать и лекарка. Не так уж мало. Достаточно, чтобы зашить раны и не дать чужестранцу умереть от заражения крови.

Или дать, и тогда северная земля вздохнет с облегчением, потому что на этом свете станет на одну тварь меньше.

— Господин мой! – Намара налетает на генерала, словно это она, а не я, получила императорское благословение вскорости зваться его женой. Прилипают, как мокрый лист, заламывает руки и чуть не заливает горячими слезами бледное лицо Тьёрда. – Господин, я не дам тебе умереть! Прочь от него, предательница. Шпионка! Подстилка северных мятежников!

От этой наглости меня сперва пробирает удивление, а потом, когда быстро справляюсь с первым шоком, начинаю быстро «переваривать» ее слова. Подстилка мятежников? Предательница? Намара говорит это, потому что что-то знает или как обычно мелет языком все, что надувает сквозняком в ее пустую башку?

— Пошла прочь от моего мужа, - спокойно и холодно приказываю я. – Не уберешь от него руки – я лично отсеку их самым тупым мечом, какой только найду в этом доме. Клянусь северными вьюгами, что у меня даже сердце не ёкнет.

— Он тебе не...

Она не заканчивает, потому что стальная ладонь Тьёрда вдруг оказывается на плече Намары. Она выкатывает глаза, когда пальцы с силой сжимают его, выкручивают, словно сустав тряпичной куклы. Как будто не человек, а зверь с металлическими зубами выждал момент, чтобы вцепиться в ничего не подозревающую жертву. Мгновение – и генерал каким-то образом поднимает ее над полом. Выпрямляется в кресле, как будто все эти раны и его смертельный вид – всего лишь бутафория, попытка ввести в заблуждение всех нас, а на самом деле он все такая же бессмертная и незнающая боли машина для убийства с клеймом халларнской крови.

— Попадешься мне на глаза – сдохнешь, - без намека на эмоции, злость или предупреждение говорит Тьёрд, прежде чем отправить хрипящую и сучащую ногами Намару в короткий полет.

Она приземляется от удара спиной о противоположную стену, сползает по рыхлым кирпичам и, охая, растекается по полу неопрятной лужей, отдаленно напоминая человека.

Мне совсем не жаль ее. И не стыдно, что не жаль. Я испытываю глубокое удовлетворение от того, что кто-то, наконец, поставил Намару на место, напомнил ей, что она – никто в этом доме, как бы ей не хотелось обратного.

Я чувствую холод стальных пальцев на своей челюсти, когда Тьёрд разворачивает мое лицо, фиксируя наши взгляды, словно мы нанизаны друг на друга. Он не осторожничает, не проявляет нежность, но каким-то образом я чувствую, что халларнец сдерживает себя, чтобы не оставить синяков на моей коже.

— Ты счастлива? - Все тем же безучастным голосом говорит он, пока большой палец скользит по моей нижней губе, медленно добираясь до приподнятого в злорадной усмешке уголка губ. Зазубрины на металле неприятно царапают нежную кожу, но я подавляю желание поморщиться, проглатываю потребность поскорее избавиться от его взгляда. Он знает, как подавлять волю. - Может, мне устроить парочку показательных казней? Порку? Четвертование? Какая изощренная пытка порадует мою жену?

Я все-таки освобождаюсь от его хватки, медленно и не провоцируя монстра забавы ради поступить со мной так же, как с Намарой. Он на это вполне способен. И на многое другое, о чем я даже не хочу думать, потому что даже боги загробного мира вряд ли рискнули бы подслушать его мысли.

— Достаточно того, что ты уже сделал, господин, - превозмогая желание «опустить» неприятное моему языку обращения, говорю я.

Тьёрд снова заваливается на спинку кресла, всем видом давая понять, что теперь он готов позволить мне заняться его ранами.

Ши приносит таз с водой и груды перевязочных лент, Баса едва волочит тяжелую коробку с лекарскими принадлежностями. Я выпроваживаю всех, кроме того воина, которым передавала весточку для Тьёрда. Он стоит неподалеку и держит руку на эфесе меча, даже не скрывая, что готов отсечь мне голову за любой жест в сторону его генерала, который посчитает опасным или подозрительным.

— Оставь нас, - отсылает его Тьёрд, и тот после короткой заминки выходит прочь, сказав на прощанье, что будет караулить за дверью. Халларнец немного отводит голову, когда я наклоняюсь, чтобы поближе осмотреть рану на его шее. И вдруг протягивает человеческую руку, чтобы захватить пригоршню моих волос. - Скучала по мне?

Мы снова скрещиваем взгляды, на этот раз дольше, пронизательнее, словно упражняемся в бое на мечах, держа в уме, что этот поединок может стать смертельным для одного из нас. Что то, что начиналось как игра, может закончиться кровью.

У меня всегда был выбор: говорить правду или лгать.

Правда, даже если она была грязной и неприятной, множество раз спасала мне жизнь.

— Нет, господин, - отвечаю я. И все-таки немного трушу, потому что не могу сдержаться от панического сглатывания. - Совсем не скучала.

Тьёрд как будто даже нехотя разжимает пальцы, кивает с вполне довольной полуулыбкой, и закрывает глаза.

Глава двадцатая: Тьёрд

Я так часто ходил по краю смерти, что считать количество моих попыток ее обыграть просто бессмысленно. Тем более, однажды она обыграла меня и забрала к себе, пусть и ненадолго.

С тех пор мне кажется, что жизнь превратилась в бесконечную череду попыток сбежать от той, кто считает меня своей собственностью. И караулит за каждым углом, надеясь, что рано или поздно я отвлекусь - и она сцапает, и утянет в темное логово свою непослушную игрушку.

Наверное, раны все-таки сделали меня слабее, раз меня так приятно пробирает слово «муж», которым Дэми награждает меня очень внезапно, стоит рядом оказаться ее бестолковой сестре. Мне не то, чтобы приятно - нет. Просто какая-то часть меня испытывает удовлетворение, что хотя бы в чем-то эта строптивая кошка начала ластиться. Хотя я совсем не уверен, так ли хочу совсем сломить ее волю.

— Перевязку нужно сменить, - говорит северянка и пытается перетянуть меня на себя, чтобы размотать уже противно мокрые и холодные битны.

Позволяю это сделать, опираясь локтем на подлокотник старого и не самого удобного кресла, удобно устроив щеку на кулаке. Тугие локоны то и дело щекочат кожу, когда Дэми наклоняется, чтобы перехватить битны на лопатках и снять очередной виток.

От нее приятно пахнет чистотой.

И горько - предательством.

Но мне в принципе плевать. Чего-то такого я от нее и ожидал. Было бы странно, если бы дикая собака в одночасье стала ручной и ласковой.

Дэми делает последний моток, я чувствую, как рваная рана снова наполняется кровью и черной отравой.

Перед глазами все плывет.

Даже у халларнсокого Потрошителя есть свой предел, болевой порог, после которого хочется свесить руки и позволить смерти вцепиться в горло смертельным поцелуем.

— Боги... - испуганно шепчет Дэми, взвизгивает на ноги и смотрит на меня с таким испугом, что я невольно улыбаюсь. - Что это, халларнец? Что... ты такое?

Но ее удивление - это только часть десерта.

Куда интереснее наблюдать за тем, как меняется лицо моей дикой кошки, когда она снова и снова пылливо вглядывается в то, что расплзлось по моей груди, и понимает, что не хочет знать правду, потому что она может быть слишком ужасной.

Я могу пожалеть Дэми: в конце концов, она старается, корчит женушку, даже нацепила передник поверх красивого платья. Хоть наверняка ждет не дождется, когда получит право всадить в меня иглу и сделать первый стежок.

— Я - твой муж, - не могу отказать себе в удовольствии немного ее подразнить.

Усталость и боль - не лучшие спутники для человека, который в последние месяцы видел мертвых гораздо чаще, чем живых. Я, дьявол задери, заслуживаю немного личного удовольствия. Раз уж пока что не способен бросить северянку на постель и показать ей, почему в нашей семье будет мир и покой.

— Ты понимаешь, о чем я говорю, - все-так же испуганно говорит Дэми.

— ... говорю, господин, - подсказываю правильное окончание фразы. Я простил это раз. И то лишь потому, что не мог налюбоваться на это вытянутое от ужаса личико.

— Господин, - после заминки повторяет Дэми и на мгновение опускает взгляд в пол. И снова на меня, теперь уже с откровенной неприязнью, если не сказать - отвращением. - Моих лекарских навыков не хватит...

Я киваю, охотно соглашаясь, потому что мое личное проклятье - диковинка даже для халларнов, а мы видели гораздо большее, чем стальные летающие машины и ходящие на железных ногах ветераны славных битв. Дэми даже не догадывается, что видит практически чудо: смерть, дарящую жизнь, зло, дарящее силу.

И наш будущий сын будет венцом этого творения.

— Недавно, после боя, моему хирургу показалось, что он не сможет справиться с моими ранами. Он был молод, неопытен и, как я быстро понял, очень труслив, хотя и умен. Пришлось как следует его припугнуть, чтобы он выполнил то, что должно. Мальчишке было лет двадцать, он наверняка бы достиг больших высот в своем кровавом мастерстве. Но. – Я нарочно выдерживаю паузу, давая Дэми шанс додумать окончание моей байки. Она все равно ни за что не угадает. – Он был слабым. Слабые люди не способны на великие дела и решительные поступки. Слабость – это пересол на столе. Чумное пятно на еще здоровом человеке. Дырка от крысиного укуса, когда еще нет лихорадки. Подпиленный сук.

Дэми втягивает губы в рот, напрягаясь всем телом.

Она уже знает, что зря задала мне тот дурной вопрос.

И я все еще могу остановиться прямо сейчас, потому что впредь она будет держать рот на замке. Не ради меня, а чтобы не поддаться искушению всадить в монстра перед собой любой острый предмет, который успеет схватить до того, как я превращу ее в пепел. Ее тягу к жизни можно смаковать, как любимое вино: долго, растягивая удовольствие.

Но и для меня это уже не вопрос науки.

— На тот момент в моей армии не было другого лекаря, и я не мог позволить, чтобы солдаты не получали помощь. Поэтому мальчишке повезло – он сохранил свою жизнь... В отличие от ног.

Дэми дергается.

— Ты – чудовище... господин, – уже с неприкрытой ненавистью говорит она.

— Скоро ему сделают новые, он вернется ко мне и больше никогда не будет трястись от вида, – поглаживаю на свою стальную руку, – пришитых конечностей. И абсолютно точно будет знать, что с ними делать. Он полюбит кровь и самые страшные раны, научится видеть в вывернутых кишках прекрасное... впрочем – нет. Ему будет просто плевать. И лишь тогда он станет настоящим мастером своего дела. А теперь, жена, сделай так, чтобы мне не пришлось подумать о той же мере для тебя. Поверь: железные руки не так приятны мужчине, когда двое оказываются в постели.

Она подбирается, медленно и степенно расправляет передник и решительно откидывает крышку окаймленного железом сундучка.

Глава двадцать первая

Я не знаю, что он такое.

Даже в самых страшных северных легендах, где сама смерть ходила по снегу и сдирала кожи со случайных путников, кажутся просто детским лепетом по сравнению с тем, что говорит и делает этот халларнец.

И как будто даже рад этому.

Или нарочно меня изводит?

Я бросаю в таз пригоршню толченых в порошок листьев и корней, размешиваю, пока вода не окрасится в темно-синий цвет, на всякий случай пробую ее локтем, как научила мать: горячо. То, что нужно.

Опускаю тряпицу, мысленно уговаривая себя больше не показывать страх.

Отжимаю лишнее и, наконец, снова опускаю взгляд на истерзанную грудь Тьёрда.

Под запекшейся кровью шевелится что-то непроницаемо черное, покрытое чешуей и каменными наростами. Прямо под рваной кожей, которая клочьями свисает вокруг раны, нечто словно вьет себе гнездо, то вдруг замирая, то сворачиваясь тугими кольцами. Пульсирует, выталкивая наружу новую порцию крови, шипит и щелкает.

Генерал медленно закатывает глаза, сдерживает стон. Кожа на острых скулах натянута, как на барабан, вены вздуваются, вдруг на мгновение тоже чернеют, заставляя его вцепиться здоровой рукой в подлокотник, пока стальная безжизненно свисает вдоль тела.

Что он хочет, чтобы я сделала?

— Дэми, дьявол тебя возьми, просто зашей меня.

Я делаю шаг вперед, чуть не проваливаясь в ужас внутри себя, потому что чернота в груди монстра вдруг оживает с новой силой и словно собирается выбраться наружу. Тьёрд до скрипа сжимает зубы, издает низкий глухой рык, в котором совсем нет ничего человеческого, и тварь внутри своего хозяина забирается обратно.

Я вытираю кровь с его кожи, обрабатываю края раны мазями, которые должны снять боль, и все это время он не издает ни звука. Просто полулежит в кресле и не шевелится, даже когда я не совсем случайно задеваю живую кровоточащую плоть. Только на бледных щеках появляется нездоровый румянец.

Потом берусь за иглу, выбираю место, чтобы было удобнее накладывать стежки, но в этот момент Тьёрд протягивает руку, нетерпеливо подзывая меня большим пальцем.

Подавляю желание бросить чудовище издохнуть в луже собственной крови, но он вдруг обхватывает меня за талию и силой усаживает к себе на колени.

Мы слишком рядом. Его близость обжигает даже сквозь плотную шерстяную ткань платья. Как будто меня клеймят самой ненавистью, щедро натирают смрадом битвы, догорающих костров, сизого утреннего тумана и мокрым вороновым крылом.

Словно деревянную куклу, Тьёрд придерживает мою спину своей стальной рукой. Я медлю, и он выражает раздражение, сгребая ткань в охапку, из-за чего ворот натягивается и впивается мне в горло.

И я снова, не зная и не понимая почему, вдруг успокаиваюсь.

Как будто от недостатка воздуха во мне умирает весь страх.

Загнутая игла легко входит в кожу. Как расторопная швея, медленно, чтобы не оборвать, протягиваю нить, соединяя концы плоти красивым ровным стежком.

Тьёрд сильнее сжимает платье.

Дышать все сложнее с каждым стежком. Я веду плечом, сбрасывая его случайное - или нет? - прикосновение губами.

— Не заставляй делать тебе больно, - тем же нечеловеческим голосом хрипит он. - Поверь - мне очень хочется.

Еще два стежка: невозможная дрожь в пальцах, слезы и желание упасть перед ним на колени и молить позволить мне больше никогда к нему не прикасаться.

Стальные пальцы перебираются вверх, захватывают затылок.

Тьёрд медленно наматывает мои волосы на кулак. Кожа на голове болезненно натягивается.

Стежок.

Черная мерзость в его груди шипит и щелкает, как будто у нее есть рот и клыки.

Халларнец жадно, открытым ртом, вдыхает воздух возле моей шеи.

Стежок.

Его поцелуй на коже: влажное прикосновение языка, злой укус, жадный стон.

Дверь распаивается, и моя рука дергается от неожиданности, вспарывая кожу по косой.

Воин Тьёрда стоит в пороге - и ему как будто все равно, что его хозяин устроил кровавые игрища со своей будущей женой.

— Господин, Кел'исс прибыл.

— Проводи его, - говорит Тьёрд, на минуту морщась, когда я медленно вынимаю иглу, заканчивая свою работу. Хочу встать, но он держит меня еще крепче. - Сиди так. Мне нравится.

Я знаю, что ему нравится. Не вчера родилась и понимаю, что упирается мне в бедро совсем не пряжка от ножен его меча, поэтому, собравшись с духом, все-таки освобождаюсь, хоть напоследок халларнец намеренно сильно сжимает пальцы - и теперь на моей талии точно останется пара синяков. Бросаю иглу в заранее приготовленную плошку с раствором, в соседней миске смачиваю чистый отрез ткани и осторожно прохожусь по только что зашитой ране. Выглядит неплохо. Когда заживет, останется ровный росчерк шрама. Ничего лишнего на этой и так уже порядком иссеченной, немного суховатой, но мощной груди.

Чтобы переключиться на другие мысли - заканчиваю, обрабатываю рану целебным маслом.

— Воняет, как проклятие, - морщит нос Тьёрд.

— Зато так рана заживет быстрее.

— С чего вдруг такая забота о моем здоровье, женушка? - Он снова подпирает щеку кулаком, разглядывая меня из-под ресниц. - Я думал, ты каждую ночь молишься своим богам, чтобы какой-то ушлый северянин проткнул меня и отправил на тот свет.

Мне кажется, он что-то знает.

Не могу понять, почему возникает это чувство, но шепот в голове становится все громче и громче: «Будь с ним осторожнее, Дэми...»

— Я молюсь богам, чтобы они сохранили мне жизнь и позволили дожить до старости, - отвечаю я. Это правда, а ее всегда легко говорить. - Чтобы позволили мне каждый день смотреть на небо и дышать. А без тебя, господин, моя жизнь станет очень короткой.

Понятия не имею, доволен ли он услышанным или нет, потому что в это время дверь распаивается, и я испытываю непреодолимое желание спрятаться за спину Тьёрда.

Человек, который оказывается в зале, такой же высокий и темноволосый, как и мой монстр. У него такие же длинные волосы, хищный взгляд и выправка человека, который привык держать спину и возвращать удар. Но, в отличие от генерала, который обычно предпочитает тяжелые доспехи, одет проще: кожаные штаны, белая сорочка, поверх - темная потертая кожаная куртка. Из всех украшений - пурпурный пульсирующий медальон на груди, от которого время от времени растекаются колючие волны света.

Нет, этот человек не выглядит страшным, у него красивое, не обезображенное шрамами лицо, и он не набрасывается на меня с желанием вспороть от паха до горла.

Он просто приносит волну пугающей разрушительной силы.

Как будто может одним жестом брови разрушить весь замок и навеки похоронить нас с халларнцем под его завалами.

Радует лишь то, что «гость», оглядев Тьёрда с ног до головы, ухмыляется и произносит:

— Ты еще не сдох? Надо же, мой день стал определенно лучше.

— А ты пугаешь мою жену, - без особой радости от встречи говорит, вставая, Тьёрд.

И эти двое обнимаются, как старые товарищи.

Глава двадцать вторая

Чтобы не мешать мужчинам, я выскользываю на кухню, но в коридоре чуть не налетаю на стоящую с каким-то потерянным видом девушку, которая выглядит так, словно ее сквозняком задуло в наши края.

Она даже вскрикивает, когда я появлюсь неожиданно близко.

— Ты кто? – спрашиваю, на всякий случай прикидывая, что из находящихся поблизости предметов можно использовать в качестве оружия.

— Хёдд, - отвечает она, пятась подальше, как будто и сама увидела приведение.

— И что ты тут делаешь?

Она не похожа на человека, которого отчим нанял меня прирезать, но я помню одного из тех, кто был до нее. Мальчишку, лет десяти, который пытался задушить меня веревкой во сне. Когда я камнем размозжила ему голову, и он мертвый валялся в луже собственной крови и мозгов, у него было на удивление умиротворенное и невинное лицо.

Никому нельзя верить.

— Я прибыла с Заклинателем костей Кел'иссом, - бормочет она и чуть приглушает голос, когда произносит имя. - Я... его жена.

Жена?

На вид ей не больше шестнадцати. Конечно, многие северянки рано становятся женами, но обычно эти браки совершаются либо в тайне от родителей и от большой любви, либо чтобы скрепить союз двух семей.

— Мне исполнилось восемнадцать весной, - как будто услышав мои мысли, говорит Хёдд. - Могу я... погреться у огня?

Она потирает абсолютно бледные ладони и послушно идет за мной.

На кухне я пододвигаю стул к очагу, и девушка с блаженной улыбкой задерживает ладони над огнем. Старая Ши выжидает моего разрешения и только потом предлагает гостю горячее питье.

Она северянка.

Чистых кровей, потому что у нее волосы - как серебро, и глаза такого же цвета, и кожа без единого намека на изъян.

— Тебя тоже продали? – спрашиваю я, и Хёдд смотрит на меня так, словно я спросила что-то неподобающее.

— Нет, - она печально улыбается, и я замечаю голубоватое свечение, которое опутывает ее запястья. - Я люблю его. И иду за ним по доброй воле.

— Как можно любить монстра? – Я не представляю, что должно случиться в голове, чтобы в ней вызрела любовь к чудовищу.

— Они... просто не такие, как мы. Ты поймешь, когда увидишь. И тоже полюбишь.

— Надеюсь, прежде отправлюсь прямиком в царство мертвых, - морщусь я.

Тьёрд необходим мне для защиты.

Но любовь?

Боги, надеюсь, я прежде схожу, чем и правда сойду с ума, как эта полоумная.

Я веду себя, как положено хозяйке дома: распоряжаюсь насчет ужина, потому что Хёдд говорит, что они с Заклинателем останутся до утра. Ее муж прибыл, чтобы помочь Тьёрду восстановиться от ран - и для этого ему понадобится время. При этом она немного понижает голос, когда говорит об этом, как будто речь идет о страшной тайне и большой опасности, и мне еще больше не по себе от того, что придется провести ночь под одной крышей с этим... еще одним халларнцем.

Что-то их слишком много в последнее время.

Слишком много, если оглянуться на необходимость выпроводить каждого, чтобы дядя мог

совершить задуманное.

Позже, когда стол в малой гостиной накрыт, и я помогаю Старой Ши сносить на стол блюда, пол под ногами неожиданно начинает трястись. Сначала это просто мелкая вибрация, от которой вокруг моих ступней подскакивает мелкая каменная крошка – после того, как замок едва не разрушили халларны, здесь все время что-то сыпется, и одним богам известно, не грохнется ли все это однажды нам на головы.

Но постепенно вибрация превращается в настоящую тряску, от которой меня кренит в сторону, и серебряные кубки для вина все-таки вываливаются из рук. Люстра раскачивается под потолком, свечи падают на стол, и я едва успеваю стряхнуть их до того, как огонь намертво вцепится в льняные полотенца для рук.

И отскакиваю буквально за мгновение до того, как цепи-держатели не выдерживают, и тяжелые бронзовые круги старой люстры падают на пол в полшаге от меня.

Сердце выскакивает из груди, ноги путаются в неудобном платье, в которое я вырядилась только ради генерала, чтобы не нарваться на его гнев. Прячусь в арку, где раньше стояла стойка с трофейными доспехами, и начинаю молиться всем богам, чтобы позволили мне еще хотя бы раз увидеть солнце.

И тряска, неожиданно, в один миг, прекращается.

Только царящий вокруг хаос и треснувший пополам тяжелый дубовый стол напоминают о произошедшем.

Хёдд на цыпочках входит в зал, виновато улыбается и начинает собирать с пола посуду и пришедшую в негодность еду. Старая Ши недовольно сопит и вслух перечисляет, что из закусок осталось в «холодной», чем не стыдно будет накормить гостей.

— Теперь все будет хорошо, - снова шепотом говорит юная северянка и как-то совсем по-детски тянется к моей руке, чтобы пожать пальцы. Хочется одернуть ладонь, но что-то в этой девчонке – которая ненамного младше меня – заставляет подчиниться ей, не давать повода разрушить эту теплую, хоть и грустную улыбку. – Теперь твой мужчина будет в порядке.

Я все-таки выдерживаю руку, и мне неприятно ощущать тепло ее кожи, поэтому стряхиваю его, как грязную воду.

— Он – не мой мужчина. Генерал выбрал меня, я подчинилась, чтобы спасти свою жизнь. Но он никогда не будет моим мужчиной, я не буду молиться о его победах, не буду подносить жертвы богам, чтобы сберегли ему жизнь. Не буду мечтать о том, как бы поскорее разделить с ним постель, потому что он – монстр, убийца и халларнский Потрошитель. Любое его прикосновение мне противно!

Хёдд снова грустно улыбается, только теперь не мне, а кому-то, кто стоит у меня за спиной.

Оборачиваюсь.

Тьёрд там, между нами пара шагов. Он смертельно бледен, глаза алые, как кровь, и черные вены под кожей вздулись, словно крови в них больше, чем нужно. Белая сорочка наброшена небрежно, не застегнута, так что шрам на его груди хорошо виден, хоть теперь выглядит не так устрашающе. Как будто прошла не пара часов, а несколько недель.

Он слышал все? Каждое слово?

Глава двадцать третья: Тьёрд

Никогда я не видел Дэми такой, как в ту минуту, когда она яростно, словно фурия из легенд, выкрикивала все прозвища, которые понапридумывали мне бестолковые северные дети и их тупые мамы.

Потрошитель, монстр, убийца.

Передергиваю плечами, на миг даже забыв, что каждое движение до сих пор дается тяжело. Проклятая черная кровь, благодаря ей я жив, но она же меня в конечном итоге и прикончит.

— Прошу прощения, что устроил беспорядок, - вышагивает в зал Кел'исс и присаживается перед девчонкой, на которую я бы никогда и не взглянул. Еще один «удачный» придуманный Эром союз. - Мясо выглядит вполне съедобным даже в пыли.

Дэми быстро вжимает голову в плечи, краснеет и извиняется за то, что нам придется немного подождать с ужином, пока кухарка приготовит что-то на замену. И тут же уходит, даже не взглянув на меня на прощанье.

Значит, дикая кошка, тебе и прикосновения мои не по душе?

Хватаю половину стола, который валяется в куче сваленной посуды, сжимаю стальные пальцы до громкого треска - и швыряю его в другой конец зала, прямо о стену. Щепки разлетаются с такой силой, что Кел'исс хватается жену, чтобы затолкать ее себе под бок.

— Держи себя в руках, Тьёрд, потому что в следующий раз, когда ты будешь у края могилы, меня может не оказаться рядом, чтобы еще раз спасти твою жизнь.

— Ты вроде сказал, что в следующий раз я сдохну? Или мне почудилось?

Он как будто и не слышит: о чем-то тихо говорит с женой и вроде даже слезы ей вытирает. Это Кел'исс-то? Человек, который убивает людей тысячами? Устраивает кровавые оргии с Темными и за две сотни лет убил столько, что от пролитой ими крови где-то на том свете точно образовалось красное море?

— Смотреть тошно, - не могу сдержаться от едкого замечания, когда он отправляет свою жену помочь, а сам усаживается на одно из немногих уцелевших кресел. - В зад ты ее тоже целуешь?

— И в зад, и между ног, - издевается Кел'исс. - И уж поверь, моя жена точно не станет орать на каждом углу, что скорее ляжет в могилу, чем даст себя приласкать.

— А она в курсе, что случилось с предыдущими семью?

— Двенадцатью, - поправляет он. - Но, может, мы перестанем обсуждать красоту и кроткий нрав моей жены и поговорим о деле?

Если бы я не знал этого человека много лет, если бы не воевал с ним бок о бок в самой кровавой схватке, то, пожалуй, подумал бы, что он делает это не нарочно. Что просто по неведению издевается надо мной и моим незавидным положением жениха строптивой женщины, которая, в отличие от его покладистой малышки, даже смотрит на меня так, словно режет на лоскуты.

Но я знаю Кел'исса слишком хорошо.

Он делает это нарочно, чтобы показать, как глупо я поступил, не прислушавшись к мнению Эра.

— Я нашел Темную, - не дождавшись моего ответа, говорит Кел'исс. - Крепкая, молодая, выносливая. Я даже отсюда слышу запах ее крови. - Он жмурится, втягивает носом воздух, как будто речь идет о чем-то, что находится у самого кончика его носа. - Она прекрасна, если хочешь знать. Сильна и, как весь молодежь, крайне пуглива и агрессивна.

— Ты как будто поймешь ее хочешь, - морщусь я, провожая взглядом мужчин, которые вносят новый стол и пару лавок, чтобы заново превратить холодный каменный зал в подобие трапезного. - Никогда не понимал твоего преклонения перед этими тварями.

Заклинатель отмалчивается, пока мы снова не остаемся одни, и продолжает, даже не скрывая, что в этом разговоре считает себя заранее выигравшим, а меня, мягко говоря, несведущим в вопросах, которым он посвятил сотни лет своей безразмерной жизни.

— Если бы не мои исследования, Тьёрд, ты бы давно сдох. Если бы не мои исследования, ты не был бы человеком, которого боятся больше, чем богов. И ты не стал бы генералом, который выпотрошил не один десяток миров.

Он так дьявольски прав, что остается только развести руками.

— Это правда может получиться? - спрашиваю я. Меня уже давно ничем не взволновать и не напугать. За последние годы выходка Дэми, пожалуй, единственное, что пошатнуло мое спокойствие. Но стоит подумать о том, что я собираюсь проверить, как нутро скручивает от предвкушения. Провала или победы - вот в чем вопрос.

— Я добился успехов, ты же знаешь.

— Но не с человеческой женщиной.

— Тьёрд, открою тебе большой секрет. - Кел'исс паясничает и делает вид, что собирается открыть мне смертельную тайну в окружении сотен желающих о ней прознать. - Нет никакой разницы между маткой свиньи и маткой женщины.

— Удивлен, как у тебя до сих пор член не отсох.

Нам приносят блюда с едой, кувшин с вином, но я отправляю всех, чтобы самому наполнить бокалы. То и дело поглядываю в сторону двери, потому что по законам серных земель женщины сидят за одним столом с мужчинами. Но у моего народа совсем другие порядки. И если Дэми до сих пор не появилась со своим очередным «правом», то в этом заслуга жены Заклинателя. И Кел'исс довольно скалится, как будто подумал об этом же.

— Я поставил метку на Темную, - говорит он, пригубив вино. - Немного повожу ее, ослаблю, насколько получится. Поставлю пару якорей и дальше - все в твоих руках.

— Сколько у меня времени?

— Пара недель? - вслух размышляет Заклинатель. - Но лучше не затягивать. Семь - десять дней, если хочешь, чтобы она была все такой же строптивой и дикой, но при этом ты вернулся не с полной пригоршней собственных кишок.

И самое хреновое, что именно в этом он ни капли не ерничает.

И шансов не вернуться у меня куда больше, чем поймать будущий инкубатор для моего сына.

Глава двадцать четвертая

Пока наши мужчины предаются чревоугодию, пьют и, кажется, уже порядком навеселе, мы с Хёдд сидим в малом зале через коридор от кухни и занимаемся шитьем.

В полной тишине.

Лишь с намеком на заговорщицкий треск огня в жаровне, благодаря которому мы до сих пор не окоченели. Северянка выглядит абсолютно счастливой и даже что-то напевает себе под нос. Мне же приходится преодолевать желание бросить нитки и полотно в пламень, вскочить на резвую лошадь и унести туда, где за меня вступится хоть бы один смелый воин.

Разве я смогу быть вот такой, как эта кроткая девушка? Улыбаться убийце, всюду следовать за ним, заглядывать ему в рот и искренне верить, что моя жизнь навеки принадлежит ему? Разве я захочу пожертвовать собой, чтобы спасти его, если случится взять в руки меч?

Скорее уж с огромным довольствием и на радость предкам всажу клинок захватчику в его поганое каменное сердце.

Когда служанка передает нам разрешение присоединиться к мужчинам, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сказать, куда ей ступать со своими разрешениями и передающими их извергами. И одергиваю руку, стоит Хёдд притронуться к моей напряженной ладони. Она как будто видит меня насквозь и знает, о чем подумаю даже до того, как мысль окрепнет в моей голове.

— Ты тратишь силы, сопротивляясь неизбежному, - говорит со мной, словно с малым ребенком.

На языке столько колкостей, что если дам себе волю, то уже не смогу замолчать, так что вновь избавляюсь от ее участия, давая себе зарок никогда и ни за что не превратиться в безвольную бессловесную тень.

И если получится, то уже сегодня Потрошитель сам расскажет все, что я хочу знать.

В зале Хёдд занимает место на коленях у халларнца, и он, словно зверушку, кормит ее с рук. Я сижу в стороне от Тьёрда - и стоит взглянуть на то, как он лениво потягивает вино из серебряной чаши, как горло сводит болезненным спазмом. Он даже не скрывает, что наблюдает за нашими гостями и насмехается над их играми в «доброе хозяина». Но когда наши взгляды случайно пересекаются, и я замечаю, как он подхватывает с блюда сочный кусок мяса, приходится отвернуться, чтобы не выдать своего отвращения.

Я не буду зверушкой, даже если вся его армия усядется за стол со своими бабенками и будет показывать, что женщины для них - лишь способ продолжить род.

Позже, когда я все-таки склоняю голову и показываю нашим гостям их комнату, Хёдд снова улучшает момент, чтобы перемолвиться со мной словом. Кажется, даже ее муж, от которого мурашки по коже, не настолько мне в тягость, как эти вечные попытки показать, насколько неправильно я себя веду.

— Я... просто прошу прощения. Заранее. - У нее такая белая кожа, что румянец всплывает на щеках неестественно алыми пятнами.

— За что? - не понимаю я.

— За... беспокойство.

Боги, с ней точно не все в порядке.

Я захожу в комнату, которую слуги подготовили для нас с Тьёрдом. По законам севера до брака невеста не должна проводить ночь в одной комнате со своим будущим мужем, и тем более - спать с ним в одной постели. Но когда Тьёрд приказал, ни у кого в Красном шипе не хватило смелости ему возразить. И я сделала вид, что покорилась. У меня не будет иного способа развязать ему язык, кроме как дать извергу то, что он хочет - свою покорность.

И то, что генерал уже порядком выпил, большое подспорье в моих планах.

Халларнец как будто нарочно игнорирует кресло перед очагом. Ногой отодвигает его подальше, а сам усаживается на медвежью шкуру на пол, разваливаясь в такой позе, как будто ждет, что вслед за мной в нашу спальню зайдет еще десяток женщин: раздетых и готовых улаживать его всеми способами.

Кровь приливает к щекам, стоит вспомнить, как он вцепился зубами в мое плечо. Кожа в том месте до сих пор саднит, и я в последний момент одергиваю себя, чтобы не потерять это место кончиками

пальцев.

Тьёрд лениво и расслабленно стаскивает рубашку, как-то почти хвастливо выставляя напоказ все свои шрамы: ровные, кривые, огромные, уродливые и едва заметные. Темные волосы падают ему на лицо и только кончик хищного острого носа напоминает о том, что у монстра все-таки есть и человеческое обличье.

Я присаживаюсь на край кровати, складываю руки на коленях, изображая смирение. Некоторое время ни один из нас не открывает рот, и генерал абсолютно неподвижен, даже когда из очага вылетают снопы искр и на мгновение как будто подсвечивают его кожу огнем.

Нужно завести разговор.

Нужно пересилить себя, договориться со страхом быть пойманной и наказанной, и сделать то, что в итоге должно принести мне свободу.

— Ты приехал надолго, мой господин? – задаю вопрос, который не может быть неуместным. Он мой жених, я должна хотя бы из вежливости интересоваться его планами.

— Отбываю завтра утром, – говорит он, лишь немного повернув голову в мою сторону.

— Ты уверен, что не будет благоразумнее провести несколько дней в постели и покое? Твоя рана...

— ... искренне занимает тебя? – подтрунивает Тьёрд, на этот раз поворачиваясь ко мне всем телом.

Подумав, растягивается на боку, опираясь на локоть и согнув одну ногу в колене. Как будто огромный бойцовский пес. Из той породы, которые запросто в одиночку перегрызают глотку медведю до того, как он успеет обнажить когти. Таких на севере нет уже много сотен лет. Но именно так и выглядит человек, который смотрит на меня снизу-вверх, но все равно полностью владеет ситуацией.

— Я лишь пытаюсь быть тебе хорошей женой, господин. Если бы не ты... – Слова настолько лживы и неискренни, что становятся поперек горла, застревают плотным горьким комком слизи, который не проглотить и не выплюнуть. – Если бы не ты, меня бы уже принесли в жертву вашему богу.

— Может быть, быстрая смерть не так уж страшна, если представить, что теперь ты обречена быть моей вещью? – Он кроит губами злую усмешку. – Пока я не потеряю к тебе интерес. А это может случиться в любой момент. Даже прямо сейчас.

Он подначивает и откровенно упивается своей властью и моей беспомощностью. Знает, что я вынуждена быть послушной и покладистой, иначе он запросто свернет мне шею, и император не пожурит его за это. В крайнем случае скажет, что генералу впредь следует быть внимательнее к его советам насчет будущей жены.

Пока я подбираю слова, чтобы продолжить разговор, за стеной начинают раздаваться... странные звуки. Сначала мне кажется, что это просто ветер воет в соседней дырявой башне, но скоро звуки становятся громче – и вот они уже превращаются в женские стоны и всхлипывания. Сначала тихие и стыдливые, прерывистые, как будто от недостатка воздуха. А потом – громкие, натянутые до предела, с редким мужским рычанием.

Боги всевидящие!

Я прячу лицо в ладонях, мотаю головой, но ничего не помогает. Это слишком громко. И нет никаких сомнений, что именно происходит в соседней комнате, куда я лично проводила Заклинателя и его молодую жену.

— Они просто трахаются, – как ни в чем ни бывало говорит Тьёрд. – Между двумя взрослыми людьми так случается, Дэми, особенно если жена хочет ублажить мужа и показать, что ценит его защиту и заботу.

Приходится постараться, чтобы отнять ладони от лица.

Генерал сидит в той же позе, только теперь его голова расслабленно откинута на плечо.

Не очень похоже, что эти звуки за стеной смущают его или наталкивают на мысли объяснить гостям, что они ведут себя... недостойно.

— Нет никакой необходимости делать это так громко, – заплетаясь от смущения языком говорю я. – Нет никакой необходимости попирать законы гостеприимства.

Теперь-то я понимаю, за что извинялась Хёдд, но от этого не становится лучше, тем более, теперь к стонам добавляются странные влажные хлопки.

Как будто.... Как будто...

— Ты, кажется, хотела показать, что будешь мне хорошей женой? – Голос Тьёрда становится ниже, глуше, переходит в рокот где-то у него в груди.

Если бы я не видела, что в нем сидит что-то страшное, я бы даже подумала, что этот голос звучит... приятно, как будто поглаживание вдоль позвоночника крепкой и шершавой мужской ладонью.

— Я хотела быть хорошей женой тебе.

— И сделать так, чтобы я был доволен тобой, расслаблен - и вино вместе с похотью развязали мне язык? Хочешь послушать военные байки, Дэми? Или узнать, что делают халларнские наложницы, когда солдаты возвращаются из военного похода, нагруженные золотом и с тяжелыми яйцами?

Звуки за стеной перетекают в резкие вскрики, от которых мои ноги смыкаются до болезненного трения между коленями. Тьёрд следит за каждым моим движением, плотоядно облизывает хмельную улыбку. Не понимаю, почему до сих пор не сбежала. На что надеюсь? Что он попросит смазать лечебными маслами каждый его шрам?

«Он будет болтливым, когда станет довольным», - шепчет внутренний голос.

Разве не за тем я пришла сюда? Мне нужно узнать, когда и куда уйдет его гарнизон, сколько людей останется в замке и как быстро придет подмога после того, как мой дядя займет Красный шип.

Он не дает мне ответить.

Падает на лопатки, ловкими пальцами расслабляет шнуровку и, приподняв бедра, стаскивает штаны по бедрам. Тьёрд так возбужден, что его член выглядит каменным и очень твердым от крови. А вершина поблескивает от влаги, которую он лениво, как будто даже получая удовольствие, растирает большим пальцем.

Я сглатываю.

Мне страшно.

Но я абсолютно порабощена этим зрелищем.

— Ну? – Генерал обхватывает себя кулаком, проводит вверх и вниз и раскидывает руки, показывая беспомощность. – Покажи мне, что твой рот предназначен не только для того, чтобы вымалывать у богов скорую и страшную смерть на мою голову.

Если бы можно было сгореть от стыда, я сделала бы это так быстро, что даже не успела бы как следует распробовать последнюю мысль в голове. И это было бы лучше, чем понять, что этот монстр от меня хочет.

Мне снова хочется остудить пылающие щеки ладонями, но я держусь из последних сил, все еще отчаянно цепляясь за какие-то отговорки. Я не обязана этого делать. Он – не мой муж. Я вольна уйти на все четыре стороны, потому что...

— Дверь открыта, - снова каким-то дьявольским образом угадывает мои мысли Тьёрд. – Ты можешь опять сбежать. Можешь даже сказать, что отказываешься становиться моей женой.

Он лениво продолжает свои грязные постыдные ласки, растягивая слова так нехотя, как будто ему совсем не хочется открывать рот и тратить силы на бесполезную меня.

Я встаю, отряхиваю складки платья, стыдясь своих дрожащих пальцев.

Он всегда знает, как расшатать мое равновесие, как в одно движение разрушить все, что я каждый день с самого утра заново собираю по крупицам.

— И тогда ты пойдешь к Намаре? – не поворачивая головы, спрашиваю я.

Он ненавистен мне, противен и не вызывает ничего, кроме жгучего желания увидеть его мертвым, но от мысли, что генерал пойдет к моей сестре, становится тошно. И что-то рвет изнутри мой стыд и негодование, раскалывает упрямое желание снова не подчиниться.

— Может быть, - уклончиво отвечает Тьёрд. – Не знаю. Я еще надеюсь на твое благоразумие. И хочу верить, что беру в жены женщину, способную понять одну простую вещь: мое терпение не безгранично, а мои приказы исполняют целые армии. Беспрекословно.

Я поворачиваюсь к нему, стараясь не опускать взгляд на его похотливые действия, подхожу ближе и опускаюсь рядом на колени.

Он не мог найти более ясного намека, чтобы сказать: «Либо ты начинаешь возвращать мне мою милость, либо я избавлюсь от тебя быстрее, чем ты успеешь пожалеть о своей гордыне».

Сегодня никаких игр.

Сегодня Халларнский Потрошитель хочет, чтобы я подчинилась.

А мне нужно его разговорить.

Одно унижение стоит выигранной войны.

— Я никогда... - Говорить трудно, от стыда глаза наполняются слезами. - Не делала ничего подобного, господин.

— Тьёрд, - твердо поправляет он. - Пользуйся своим правом называть меня по имени, иначе я буду думать, что ты боишься поранить язык.

— Хорошо... Тьёрд.

Вся я словно трещу по швам, дрожу и цепенею одновременно, когда стальная рука тянется ко мне, чтобы сдернуть платье сперва я одного плеча, потом с другого. Я закрываю глаза, как будто это может помочь избавиться от стыда, но на этом монстр не останавливается: мгновение медлит, очерчивая край кожи над вырезом простой полотняной нижней сорочки, и тоже тянет ее вниз.

Я сижу перед ним на коленях, оголенная до пояса, в облаке теперь уже испорченной одежды, и есть лишь одна вещь, которая не дает мне угаснуть окончательно: по крайней мере, он не видит уродливый шрам у меня на животе.

Глава двадцать пятая: Тьёрд

Даже не сомневаюсь, если вскрыть голову любой лассийки, халиски или северянки, у всех будет кое-что общее: они уверены, что халларнца хлебом не корми, дай изнасиловать всех женщин – и мужчин! – на всех завоеванных землях. Что мы как будто живем лишь для того, чтобы каждый день завоевывать право безнаказанно и со всякими извращениями трахать ревущих, сопротивляющихся и покорных баб.

Эти примитивные люди даже не в состоянии осознать, что секс может приносить удовольствие просто так. И для этого халларнцу достаточно купить себе пару вышколенных наложниц, с молоком впитавших понимание – женщина так же получает удовольствие от мужчины, как и он от нее.

За всю свою жизнь я ни разу не брал женщину силой, хоть моя дикая кошка наверняка думает, что я делаю это каждый день.

Так развлекаются мои солдаты, но я не отец им, а лишь генерал, и вправе казнить и миловать лишь за воинские заслуги, а не за то, куда и как они выгуливают свой член и в кого спускают семя.

И, возможно, даже сейчас, уставший и желающий расслабиться – будь проклят Заклинатель с его резвой женой! – я был бы готов решить свою проблему самостоятельно, не заставляя северянку делать то, от чего она дрожит, словно осиновый лист.

Но она не заслужила моего снисхождения. Весь этот дьявольски поганый день она только то и делала, что воротила от меня нос и фыркала. А я слишком слаб, чтобы истязать себя терпением, которое она, очевидно, абсолютно не ценит.

Что ж, по крайней мере у нее красивая грудь: среднего размера, тугая и налитая, чуть меньше, чем нужно в мою ладонь. И маленькие соски, стоит прикоснуться к ним костяшкой, тут же сморщиваются. Дэми вздрагивает, ведет плечами.

— Даже не думай об этом, – на всякий случай предупреждаю я.

Кел'исс усмирил тьму во мне, но я чувствую, что тварь еще слишком сильная и может снова взять надо мной верх. Лучше не подкармливать ее злостью.

— Мне... не хорошо, господин.

— А мне плевать на твое «нехорошо», – абсолютно от души признаюсь я.

Надеюсь, ей хватит сил не лить слезы и не пускать пузырями соплю, ведь то, как я собираюсь ей воспользоваться – мелочь и баловство в сравнении с тем, что будет потом.

Я приподнимаюсь на локтях, одной рукой сильно сжимаю ее грудь, а другой подтягиваю к себе, заставляю наклониться. Не самая удобная поза, чтобы научить мою дикую кошку улаживать меня ртом, но я просто не дойду до кровати: усталость и алкоголь сделали свое дело.

— Не надо... – слабо просит Дэми.

— Заткнись, – уже почти рычу я.

Только поэтому слишком сильно прикусываю ее вторую грудь: белую кожу прямо над соском, идеальную мгновение назад, а теперь с отпечатком моих зубов и глубокими вмятинами от клыков. Северянка вскрикивает, но, кажется, скорее от стыда, чем от боли.

Я чуть не сошел с ума, пока она с наслаждением протыкала меня иглой, так что теперь получу свое. В точности так, как хочу.

След на коже наполняется кровью, будит во мне то, что я уже и не знаю – мое ли, или часть той сущности, что сидит у меня под кожей. Я слизываю языком выступившие алые капли, и прежде чем Дэми снова открывает рот, обхватываю губами ее сосок, на этот раз нежно посасывая его и проводя языком по чувствительной плоти.

Она дрожит сильнее, до побелевших костяшек мнет в кулаках платье.

И чтобы не затягивать с играми, приходится буквально силой разжать ее ладонь и опустить ее ниже, себе на живот. Она одергивает пальцы, но я отрываюсь от ее груди и на всякий случай говорю прямо:

— Поблажек не будет, кошка. Я устал от твоего дурного нрава. Сделай все, что я хочу, и все закончится быстро. Или я сверну тебе шею.

Я готов это сделать.

Вероятно, даже с осознанием того, что это будет еще один из тех немногих поступков, о которых я буду жалеть, если и не всю жизнь, то довольно долго.

Она послушно обхватывает мой член ладонью где-то посередине.

— Сожми сильнее, - бормочу я, откидываясь на спину.

Северянка сглатывает и исполняет приказ.

— Сверху вниз, - подсказываю, что нужно делать. Если придется разжевывать все, я сдурею, пока дождусь расслабления.

Она делает это крайне нервно: как будто боится, что любое неосторожное движение приведет меня в ярость. Не такая уж это и неправда. Я до такой степени устал, что не хочу тратить драгоценные минуты ясного сознания на бесплодные разговоры.

Приходится положить свою ладонь сверху и показать ей, как нужно. Несколько движений по моему члену мы делаем вместе, и я начинаю привыкать к ощущению тонких мягких пальцев и нервным вздохам каждый раз, когда она задевает мою мошонку.

— Не останавливайся.

Преодолевая слабость, приподнимаюсь на локтях, чтобы наблюдать за тем, как от ровного хода руки покачивается грудь. Облизываю губы, предвкушая все, что смогу сделать с этими крепкими сосками и белой кожей. И как она будет стонать подо мной. Но не сегодня.

Сегодня она не заслужила ничего.

Демон задери, еще немного, и я просто выключусь.

Я завожу ладонь Дэми в волосы, сжимаю их на затылке и разворачиваю так, чтобы мы смотрели друг на друга через дрожащие тени от огня в очаге. У нее огромные глаза и искусанные губы: не полные, не выразительные, не большие и обещающие удовольствие. Рот простой женщины, которая понятия не имеет, как им пользоваться.

— Брать до конца не обязательно, - говорю я, мысленно упиваясь тем, как расширились ее зрачки. - Пользуйся языком. Лучше прячь зубы. Поверь, тебе будет намного неприятнее, чем мне, когда я разозлюсь.

— Нет! - вскрикивает она.

— Нет? - переспрашиваю я, натягивая волосы так крепко, что у нее немного ползут вверх брови. - Уверена, что нет?

Я дал ей все: тряпки, защиту, свободу. Я подарил ей жизнь.

Я был терпеливее, чем когда-либо.

Так что получу взамен ее рот, хочет она того или нет.

Дэми сглатывает, выжидает еще немного, но все-таки перебирается ниже, усаживаясь у меня между ног прямо перед моим готовым разорваться членом.

— Ты будешь смотреть? - уже как-то совершенно спокойно спрашивает она, когда я еще немного подаюсь вперед.

— Я люблю смотреть.

И не только смотреть.

Она понимает это, когда открывает рот, чтобы обхватить губами мой член, но я надавливаю ладонью ей на затылок, проталкиваясь глубже в теплую влагу. Предупреждающе с шумом выдыхаю, когда северянка задевает меня зубами. Она пытается вырваться, но я еще немного опускаю ее голову, чувствуя характерное сопротивление упругого горла.

Сам отвожу ее голову, даю глотнуть воздуха - и снова насаживаю ее на себя.

Чтобы она там ни думала, я мог бы не играть в эти «уроки любви», а просто поиметь ее в рот так, как мне нужно, заботясь лишь о собственном удовольствии.

Мне приходится контролировать ее движения, направлять и подталкивать, когда где-то в кончиках

пальцев зарождается колючее покалывание предстоящего расслабления. Приходится сдерживаться, чтобы не вогнать ей по самые яйца туда, где горло сомнет меня плотными стенками. Это было бы идеально, но остатками разума понимаю, что все это – для другого раза. Даже выносливую лошадь можно загнать, если стегать слишком сильно.

Дэми что-то невнятно мычит, когда я, придерживая ее голову двумя руками, начинаю двигать бедрами навстречу.

Мне нравится брать ее рот.

Это все равно, что впервые высадиться на неизведанную землю и кончиком меча скосить бутон невинного цветка.

Голова начинает кружиться.

Я едва ли соображаю, что давно потерял контроль.

Есть только плотно натянутые вокруг моего члена губы, горячая влага строптивного рта и горло, в которое я упираюсь твердой, готовой разорваться головкой.

Еще всего одно движение.

Я прижимаю голову северянки, когда кончаю в нее. Нужно остановиться, нужно дать ей выдохнуть, но спазмы продолжают выплескиваться из меня снова и снова, и снова, как будто я впервые в жизни узнал вкус женского рта.

Только когда Дэми сама вырывается и мигом встает, я чувствую, что демоны вот-вот погасят свет в моей голове. И все же не могу отказать себе в удовольствии посмотреть, как она морщится и яростно трет губы рукавом платья.

— Ты... ты... - Два коротких слова, но я чувствую себя густо политым сверху донизу всеми северными проклятиями.

— Доволен тобой, - заканчиваю за нее. - В следующий раз, если не будешь такой глупой, я покажу тебе, что мужчина тоже знает, как использовать язык между женскими ногами.

«И даже с удовольствием покажу», - добавляю про себя.

— Мне это не нужно, - фыркает дикая кошка. - Я... лишь выразила свою благодарность тебе... Тьёрд. Как... послушная и хорошая жена.

— Ну и хрен с тобой, - зеваю я, подтягивая штаны и поворачиваясь набок. Я слишком устал, чтобы дважды делать такие щедрые предложения. - Тогда, послушная жена, сделай так, чтобы десяток воинов, которых я завтра оставляю в замке, были сытыми и довольными. На тот случай, если к тебе забредет какой-нибудь медведь.

Это ты хотела услышать?

— Да, Тьёрд, как прикажешь.

Уже почти проваливаясь в сон, я стаскиваю с кровати тяжелое покрывало из шкур, накидываю его на плечи и думаю о том, что мой брак будет либо дьявольски острым и интересным, либо очень коротким и бессмысленным.

Глава двадцать шестая

Я всю ночь ворочаюсь и не могу уснуть.

Не потому, что рядом, на полу, на расстоянии десятка шагов, спит чудовище с лицом человека, а потому что я вся... испачкана им. Я словно использованная продажная девка, которую купили слишком дорого, чтобы она помыслила сопротивляться.

И самое ужасное – я знала, что так будет.

Я шла в собственную спальню, словно кролик в западню, из которой торчал лисий хвост.

Я была готова выполнить его прихоти, даже более ужасные, лишь бы у проклятого халларнца развязался язык.

Но есть еще одна мысль, которая грызет меня и заставляет чесаться, словно по коже разлили липкую грязь.

Несколько лет назад, как раз перед тем, как халларнцы впервые ступили на нашу землю, моя подруга детства вышла за вождя могущественного клана. Он был много старше ее, и о нем ходили странные и иногда пугающие разговоры, но их брак был решен с ее родителями, и моей несчастий Кари пришлось переехать в его дом.

Когда я увидела ее в следующий раз, на пушной ярмарке, она похудела, ссутулилась и едва перебирала ногами. Я попыталась заговорить с ней, но подруга просто сбежала от меня, словно пугливый зверек. Только вечером, когда воины успели набраться молодого вина и орали скабрзные песни, Кари нашла меня и со слезами, чуть не на коленях, начала просить уговорить ее родителей забрать ее обратно. Она рассказывала, какие ужасы делает ее северянин, как отдает ее своему военному побратиму и смотрит, как тот забавляется с его женой, и как они вдвоем...

Даже сейчас мне больно вспоминать ее заплаканные глаза.

Родители Кари и слушать меня не захотели, а мать, когда узнала о моей выходке, впервые в жизни посадила под замок на несколько дней.

Через месяц я узнала, что Кари случайно упала с башни, когда кормила там птиц.

Мой будущий муж – бессердечная тварь, которая на таких, как тот северный вождь, смотрит, словно на падаль. Он куда более жесток, он убивает просто потому, что ему легче проткнуть непокорного мечом, чем убедить речами.

Он мог сделать со мной все, что угодно.

Но не сделал.

Почему?

Чтобы приручить? Приманить лаской, словно зверушку, а потом свернуть шею, когда она будет есть с его руки? Ему это не нужно, он волен избавиться от меня просто так, без суда и разбирательства, и на всем Севере не найдется ни единой живой души, кто бы вступился за меня. Даже Торульд, потому что дяде я нужна только чтобы получить кусок земли.

Я не настолько наивна, чтобы думать иначе.

Уже под утро, когда серый холодный рассвет заглядывает в окно, я спускаю ноги с кровати и на цыпочках, чтобы не разбудить спящего дракона, иду до двери. Но останавливаюсь, когда слышу сонное бормотание.

Поворачиваюсь, уверенная, что зверь проснулся и готов вцепиться мне в шею за любой неосторожный шаг. Но Тьёрд спит. В расслабленной позе, на спине, раскрывшись до пояса и забросив обе руки за голову. Шрам на его груди стал белым и сухим, как будто прошли месяцы с тех пор, как я всаживала иглу в его тело.

Он настолько беспомощен, что мой взгляд тянется к очагу, рядом с которым стоит тяжелая кочерга. Я могу одним ударом разmozжить ему голову. Мне хватит сил. Я могу одним ударом решить все, избавить северные земли от убийцы.

Я могу...

Тьёрд неподвижен. Грудь мерно поднимается и опускается, темные волосы в беспорядке лежат вокруг головы. Он выглядит абсолютно беззащитным. Настолько беззащитным, что просто не

верится, что это может быть взаправду.

Я хочу сделать это, хочу избавить от страданий многих людей и себя саму, но просто цепенею, парализованная тем, насколько умна и хитра эта тварь. Он знал, что мне не хватит смелости рискнуть. Он знает это даже сейчас, во сне, лишь краешком бодрствующего сознания чувствуя мое испуганное дыхание.

За дверь спальни я натыкаюсь на Намару, которая «случайно» отказывается под дверь и очень неумело делает вид, что просто проходила мимо. В башне, где всего несколько жилых комнат, и ни одна из них не принадлежит ей, случайно оказаться невозможно.

— Пришла раздвинуть ноги перед чужим мужем? – Моя злость, которая, словно дурная кровь, копилась всю ночь, наконец, находит выход. – Думаешь, ему нужно твое тело?

Намара сжимает кулаки, но из последних сил прижимает их к бедрам, боясь занести руку. За любой удар по мне она лишится жизни, и мы обе это знаем.

Она пришла в надежде предложить себя в обмен на покровительство. Думала, что муж побрезгует мной, потому что я слишком строптивая и все равно не могу зачать от него. Не удивлюсь, если всю ночь караулила за углом, поджидая, пока я сбегу - и путь будет свободен.

— Ты просто забава для него, - дрожащим от злости голосом говорит Намара. - Наиграется и бросит с башни башкой вниз. Ни одному воину не нужна бесплодная земля.

— И перепаханное поле тоже, - тут же отвечаю я.

Намара сбегает, наверняка про себя желая мне все то, что я прошу у богов для своего ненавистного мужа.

И пока дракон спит, а вместе с ним в эту пору спит почти весь замок, я должна отправить птицу Торуюльду. И верить, что скоро я буду свободна.

Глава двадцать седьмая

Тьёрд уехал три дня назад: на рассветет, с припасами, которые практически выпотрошили все кладовые замка. Остались только запасы на первое время, и перед отбытием Тьёрд приказал своим воинам – тем самым десяти, которые остались в замке – объехать соседние деревни и напомнить жителям, что они находятся под его защитой и должны за это платить.

Я стою на стене замка и, кутаясь в меховую накидку, слежу за тем, как восемь всадников скрываются за кромкой леса.

Ветер забирается мне под одежду и выстуживает остатки терпения.

Торульд должен быть рядом.

Еще до того, как взошло солнце, он прислал птицу с письмом. Написал, что его армия стоит неподалеку и ждет, когда замок опустеет. Что я должна дать знак, когда ворота будут открыты.

И что тогда его армия зайдет в Красный шип и займет оборону до того, как генерал узнает, что он потерял свой оплот.

Я еще раз проверяю, крепко ли привязана записка, достаю ворона из клетки и подбрасываю его на руке, отправляя в полет.

Сегодня все закончится.

Сегодня...

Темное пятно ворона на фоне серого неба неожиданно делает крутое сальто. Свист стрелы приходит с опозданием, как звук грома после давно отгоревшей молнии. Птица на миг как будто замирает, еще трепещет в смертельной агонии, но через мгновение камнем падает вниз. Тонет в густом свежем снегу.

И на белом полотне перед замком, словно из ниоткуда, вдруг появляются всадники: не в шкурах и кольчугах, а в темных нагрудниках и потертых кожах.

Халларнцы. Несколько сотен ленивой расслабленной вереницей следуют за всадником впереди.

Это мое проклятие.

Мой Тьёрд.

Правит лошадью одной рукой, а второй, словно ему очень лень, сжимает за волосы отрубленную голову.

Я не вижу, чья это голова – я ощущаю это подкожно, осознаю и понимаю, как будто по моей шее прошелся меч Потрошителя, и это мою голову он небрежно, словно не знает, что делать с такой безделицей, тащит за волосы.

Страх гулко стучит в виски. Удар за ударом, словно в моей голове не осталось других звуков и мыслей. Руки дрожат – и промозглый ветер совсем не при чем.

Во мне что-то кувыркается и с грохотом падает на дно желудка, превращая внутренности в лед.

Так страшно мне не было никогда.

Жрица, оставившая на моих ладонях руны избранной, теперь вспоминается как бледная тень давно забытого дурного сна. Что она такое по сравнению с этим вездесущим монстром? Как он может быть везде? В моих мыслях, кошмарах и страхах, и даже здесь – на девственно чистом снегу. Словно чертит кровавые руны своего очередного триумфа: вот он, халларнский генерал, которого невозможно убить или обвести вокруг пальца.

Между тем, процессия скрывается в распахнутых воротах.

Я слышу – или это лишь еще один шепот ужаса? – ровный неторопливый шаг где-то по лестнице. В моем направлении, вверх, на башню, с которой меня через минуту сбросят, словно опостылевшую перчатку.

Мне нужно выдохнуть, вспомнить слова молитвы и попросить предков замолвить за меня слово перед богами, потому что я не слишком-то заслужила место рядом со своими родичами, погибшими в славных битвах. Они точно не стояли на коленях перед захватчиками. И не выскребали жизнь бесстыжими способами.

Тьёрд появляется за моей спиной: я вздрагиваю и невольно сжимаю шею двумя ладонями, как будто это сможет защитить меня от смерти. Он отрубил мою голову вместе с пальцами. Может быть, уже сейчас, этот шелест... Звук вынимаемого из ножек меча. Мягкий шепот металла.

Или генерал решит превратить меня в прах? Я буду висеть в его кулаке беспомощной безголосой соломинкой и чувствовать, как мои ноги превращаются в пепел?

— Хорошая попытка, Дэми, - спокойно и как будто даже с улыбкой говорит халларнец.

Бух.

Что-то гремит на камнях, катится к моим ногам и замирает, глядя снизу-вверх осуждающими стеклянными глазами.

Почему я не вздрагиваю от отвращения? Не рыдаю по единственному убитому родичу, хоть его кровь на моих руках?

Почему я думаю, что даже в смерти у Торурльда все то же бестолковое лицо?

— Ты дашь мне помолиться? - Я немного отодвигаю подол домашнего платья, чтобы не пачкаться в лежащую у моих ног смерть.

— Сколько угодно, - говорит Тьёрд, опираясь плечом на стену.

Он снова в своих черных доспехах, которые, кажется, крадут каждый попавший на них луч света. Непроницаемый, все такой же бледный и спокойный. Одна его рука до сих пор в перчатке, другой он задумчиво потирает подбородок, разглядывая что-то как будто за многие мили отсюда, за черной шапкой леса.

— Ты поступишь со мной... так же? - Я не могу произнести свою участь вслух. Боюсь, что именно тогда он и сделает последний для меня взмах своего меча. - Или я могу попросить... о другой смерти?

Генерал удивленно вскидывает бровь.

— О чем ты, Дэми?

— О том, что ты сделаешь со мной после того, как я помолюсь о своей участи.

— Разве ты не оплакиваешь родственника? - Он брезгливо косится на свой трофей. - Мне не за что тебя наказывать. Тем более после прошлой ночи.

Плотоядная улыбка, мазок языка по губам.

И я вспоминаю вкус семени у меня во рту, отчего во мне снова закипает злость.

Но, боги, он не собирается покарать меня за предательство?

— Дэми, я готов даже расцеловать тебя, какая ты умница, - продолжает издеваться Тьёрд. - Сделала все именно так, как я и задумал. Ни единого шага в сторону. Потрясающее упрямство.

Я еще не вижу его замысла и не понимаю, в какой лабиринт меня загнали, но осознаю - это не я планировала заговор. Это он все планировал. И все это время, как бестолковую ослицу, приманивал морковью на веревке.

Глава двадцать восьмая

— Ты меня использовал? - Просто чтобы понять, что я не схожу с ума и ничего не придумываю, мне нужно услышать каждый звук собственными ушами.

— Конечно, - халларнец пожимает плечами.

— Зачем?

Ветер ударяет в лицо невидимой ледяной пятерней, но это ерунда по сравнению с пощечиной от тирана. Я чувствую, как немеет щека, потираю ее озябшими пальцами и в который раз проклинаю всю халларнскую кровь и одно из самых отвратительных ее порождений, которое смотрит на меня со снисходительной улыбкой.

— Видишь ли, дикая кошка, что бы ты ни думала, но выпотрошить замок без повода или сделать это под знаменем «мести» - не одно и то же.

Выпотрошить замок? О чем он?

— Земли твоего дяди граничат с моими. - Он даже не скрывает, что считает все это своей собственностью, и ему дела нет до такой мелочи, как мое разрешение на владение Красным шипом и окрестностями. - Я мог бы, конечно, забрать их силой, выжечь деревни, скормить крестьян их же свиньям и мне было бы плевать на ваших богов и еще одну порцию проклятий на мою голову. Но зачем мне вой плачущих сирот в первую брачную ночь, если я могу потребовать земли на том простом основании, что Торульд нарушил заветы ваших предков и вероломно, дождавшись моего отъезда, попытался убить мою любимую невесту? Кажется, это у вас называется «кровь за кровь»?

Я не верю своим ушам.

Все настолько просто и понятно, предсказуемо и прозрачно, что хочется стукнуть себя по лбу и вопить, как можно быть такой слепой и предсказуемой. Это же так... очевидно. Его покладистость. Его «говорливость». Его... боги...

Он знал, что я сделаю все, чтобы разговорить его. Это было частью его плана.

Он бы все равно сказал все, что я хотела услышать. Просто так, даже если бы я явилась в спальню в стальном поясе безбрачия.

И он использовал меня, как какую-то продажную девку, грязно и отвратительно. Просто потому что захотел и знал, что я стерплю.

— Ты мерзкая хитрая тварь... - Говорит вся моя густо замешанная на обиде злость.

— Да, - еще одно передергивание плечами. - А если вдруг тебе противно оказаться использованной, порадуйся тому, что сегодня, благодаря твоей слепоте, будет пролито гораздо меньше крови, чем могло быть. Наш сын унаследует огромный кусок Севера. И за все это ты заплатила всего лишь... - Он делает неуловимое движение, оказывается рядом и раскрывает мои губы двумя пальцами. - Своим чудесным гостеприимным ртом. Сегодня ночью я закреплю урок, дикая кошка. И больше не буду таким ласковым.

Я знаю, что он нарочно меня злит и пачкает каждым точно выверенным и подобранным словом. Понимает, что меня можно запороть до смерти - и я не пророню ни слезы, и что даже если схватит за шиворот, как котенка, и подвесит над пропастью, я все равно уже не буду просить пощады. Даже если умру от страха до того, как приземлюсь на острые камни. Но все мое напускное бесстрашие рухнет до основания, стоит Тьёрду вот так запросто, используя лишь несколько слов, обозначить мое место в его жизни.

Я - не гордая дочь Севера.

И не женщина, за которую стоит обнажить меч, даже если придется встать против всей армии мира.

Я просто еще один гостеприимный рот. И наш брак - не более, чем игра, фарс. Он с самого начала знал, кто истинная наследница всех земель в округе. Он все рассчитал: дядя никогда не обратился бы к Намаре, потому что она не была его родной кровью. И тогда у Потрошителя не было бы удобного повода поиграть в благородство и прикрыть свои коварные захватнические замыслы справедливым возмездием.

Он с самого начала знал, что возьмет в жены меня.

И с самого начала я была всего лишь пешкой в этой игре. Довольно простой, как мне теперь

кажется. Если бы я не была так самонадеянна и не тряслась за свою жизнь, то могла бы хоть что-то заподозрить. Но он не дал мне шанса, безупречно разыграв все, используя мои слабости и страхи.

Боги, если бы этот мужчина не был хладнокровным бездушным убийцей, я бы могла полюбить его когда-нибудь.

Но, к счастью, от него даже сейчас слишком выразительно несет кровью, а мертвый взгляд Торульда отрезвляет лучше всякой горькой настойки.

Я отворачиваю голову, чтобы выбросить проклятые пальцы изо рта, но генерал приближается и крепко, до моего невольного испуганного вскрика, засовывает стальную пятерню мне в волосы, сжимает и притягивает голову к себе, вынуждая встать на носочки, но и это не делает наши лица ближе.

— Хочу убедиться, что ты все поняла, - говорит почти так же безучастно, как и минуту назад, но в глазах снова появляется красный блеск, от которого у меня стынет кровь. - Когда я сегодня вернусь в нашу постель, ты будешь там, голая и покладистая, и сделаешь все, что я скажу. И как я скажу. Потому что после того, как я вырежу часть глупцов, возомнивших, что они в состоянии тягаться со мной, у меня не останется сил играть с тобой в терпение. Ты станешь моей женой, когда месяц на небе будет круглым, как серебряная монета, и до того времени я не буду трогать твою невинность... - Он коварно усмехается, одновременно проталкивая пальцы глубже в мой рот и поглаживая языком свои собственные губы. - Но с удовольствием воспользуюсь тем, что не опорочит твою драгоценную честь.

Меня мутит от грязи в каждом слове. От обещания использовать меня как заблагорассудится, теперь уже точно зная, что я не буду притворяться и юлить, и он насладится каждым оттенком моего унижения.

Но кое-что я все-таки могу, хоть вряд ли Тьёрд забыл об этой моей «маленькой особенности».

Я провожу языком по его ледяным, как будто не живым пальцам и, делая вид, что тянусь к нему из последних сил, громким шепотом говорю:

— Видишь ли, господин. То, что ты так старательно бережешь до брака, чтобы потешить себя еще одной блестящей победой, уже давно украдено другими. Двумя насильниками, которых мой дядя нанял, чтобы убить меня и избавить себя от неудобных вопросов о законности его прав на замок и земли. Эту крепость взяли штурмом, сожгли изнутри и там тебя уже ничего не ждет. Хотя... - Я резко веду головой, чтобы на этот раз освободиться от хватки в волосах, хоть это и больно. - Ты ведь помнишь, да?

На этот раз мне кажется, что он не сдержит гнев и одним ударом снесет меня со стены, тем более, что между мной и пропастью не больше трех шагов. Его лицо немного бледнеет, крылья узкого острого носа расходятся, словно ему вдруг стало нечем дышать.

Но это длится лишь несколько мгновений. А потом генерал пожимает плечами и пинком отправляет в полет голову Торульда.

— Мне плевать, что случилось с замком до того, как под его стенами появился я.

Тьёрд оставляет меня одну: на колючем ветру, дрожащую от холода, страха... и неизбежности сегодняшней ночи.

Глава двадцать девятая

Как бы там ни было, я должна оставаться хозяйкой в своем замке.

Кроме меня о Красном шипе больше никому позаботиться, и когда меня не станет, у этой земли, камней и похороненных здесь поколений предков не останется человека, готового защищать их покой даже ценой собственной жизни. Я – последняя кровь славного северного рода, берущего начало от крови правителей Севера.

Мне нельзя распускать сопли и жалеть себя, даже если от желания расплакаться в горле ком, и рот открывать до боли тяжело.

Слуг все еще слишком мало, чтобы поддерживать необходимый уровень порядка, поэтому приходится сменить новое домашнее платье на старое и штопанное и вместе со Старой Ши в две руки месить тесто и разделять мясо. Тьёрд вернется «с победой» и его вряд ли будет интересовать, почему его воины не получают свой заслуженный ужин.

— Он бы все равно тебя извел, - негромко, когда мы остаемся одни, говорит кухарка, пока я разделяю большой кусок теста на небольшие лепешки. - Торульд никогда и ни о ком не думал, кроме себя. Твоя мать его не любила.

Я неопределенно мотаю головой.

Конечно, он бы попытался это сделать. И почти наверняка заставил бы выйти замуж за одного из своих военачальников. За того, кто послабее. Кто бы согласился взять в свой дом порченную бесплодную северянку, которая таскалась с врагом вместо того, чтобы пустить себе кровь и с честью присоединиться к предкам.

Ближе к ночи небо затягивает тяжелыми серыми тучами и в воздухе появляется запах дыма и смерти. Он просачивается в каждую щель, пропитывает собой даже мысли и отравляет душу. Где-то там из-за моей ошибки, моего тщеславия, гибнуть невинные северяне, и снег тает от пролитой крови.

Тьёрд возвращается очень поздно, когда луна успевает пройти по небу половину пути.

Как обычно: лениво покачивается в седле, правя одной рукой. В этот раз его стальной монстр не пикирует с небес, а топчет мою землю мерной походкой тяжелых лапищ. Если верить старым легендам, то когда-то в наших краях уже водились драконы, но тогда, много лет назад, северные народы объединились под предводительством нескольких наиболее влиятельных вождей и в едином порыве выступили против крылатых чудовищ. И тогда мы одержали победу, надолго избавившись от летающей под облаками опасности. И вот – эта опасность снова вернулась, но теперь она обрела новые очертания, отрастила еще более смертоносные когти и клыки.

На Тьёрде нет ни царапины, только волосы спутаны от ветра и плащ густо покрыт пятнами крови и комками грязи. Воины – те самые, вернувшиеся из мертвых – быстро и слаженно становятся гарнизоном, практически исчезая из виду. Кажется, что Красный шип все такой же безлюдный и почти мертвый.

— Я привез тебе подарки, кошка, - скалится генерал, кивая куда-то за спину.

— Мне ничего от тебя не нужно, - не подумав, отвечаю я. Он может издеваться над моим телом, но не может заставить брать то, что мне не нужно.

— Уверена? - как-то очень выразительно интересуется он, медленно наматывая на руку толстую веревку.

И вслед за ней, прямо из темноты, выходит... женщина. И мужчина. И ещё один мужчина и женщина. Всклоченные, поцарапанные и в разодранной одежде. Много-много северян, которые смотрят на меня, словно и я – такой же монстр.

Хотя, разве это не так?

Тьёрд разрушил и сжег их дома, потому что «мстил» за невесту.

Для них мы одно целое. Только я еще гаже, потому что Потрошитель жжет чужую землю, а я предала свою.

— Теперь у тебя будет много слуг, - продолжает ухмыляться мой будущий муж. - Выбери тех, что будут полезны.

— А что будет с остальными?

Он так удивленно приподнимает бровь, будто ответ очевиден.

Я сглатываю желание вцепиться зубами ему в глотку.

— Всех, - говорю слишком резко и, не дождавшись разрешения, цепляюсь пальцами в веревку, которая до крови впивается в перевязанные запястья пожилого северянина с глубокой раной на голове. - Я заберу всех.

— А, между прочим, ты не очень-то и заслужила.

Как будто речь идет о деревянных бусах с ярмарки мастеров.

Когда в замке было много слуг, до того, как халларны напали на Красный шип и чуть не сравняли его с землей, мне приходилось управляться с ними, насколько это было возможно. Потому что отчиму все это было не интересно, а Намара предпочитала заниматься платьями и побрякушками, придумывая, как бы перешить то, что осталось от нарядов моей матери, чтобы выглядело так, будто это не воровство.

А я всегда любила этот замок и эти стены, и людей, которые в нем жили, помогали нам и облегчали заботы. Поэтому для меня в радость, что я могу найти применения каждой паре рук. Даже тем, которые сломаны и изувечены.

Часть пленников - в основном пожилых женщин - отправляю на кухню. Детвору распределяю между помощниками по дому и на конюшню. Мужчин - в строители, потому что замок с каждым днем рассыпается буквально на глазах, а нам просто не хватало рук, чтобы поддерживать его хотя бы в каком-то стабильном состоянии.

Все эти заботы заканчиваются глубоко за полночь, когда я, с трудом переставляя ноги, впервые за много месяцев испытываю чувство полного удовлетворения. Я забрала всех, каждую жизнь. Украла без зазрения совести, как та воительница с рыжими косами из известной легенды, которая обирала старого волшебника и помогала беднякам.

В гостиной, где теперь жарко горит камин, на удивление шумно. Голоса со всех этажей, какие-то шаги, беготня. Откуда-то даже кот взялась. Сидит перед камином, тощий и потасканный, с порванным ухом и совершенно печальной мордой. Вылизывает лапу, чуть не падая от бессилия. Приходится найти еще немного сил, чтобы сходить на кухню и принести новому будущему охотнику на мышей и крыс миску с молоком.

А когда возвращаюсь, в гостиной кроме кота завелся еще один «гость».

Точнее хозяин.

Всего, что есть здесь, за стенами замка и на многие мили вокруг.

Сидит рядом с котом и лениво почесывает его стальными пальцами под шейю. И бедное животное, от голода и слабости потерявшее инстинкт самосохранения, даже тянется навстречу, как будто не понимает, почему это чудовище пахнет кровью и смертью.

Мне тяжело переставлять ноги, но все-таки приходится подойти и поставить перед котом молоко. Зверь мгновенно сует туда морду, громко и жадно урча, лакает, задрвав от удовольствия тонкий потрепанный хвост.

— Посиди с нами, - неожиданно почти миролюбиво предлагает Тьёрд, когда я разворачиваюсь и подбираю юбки, чтобы поскорее избавиться от пугающей компании.

— Я устала, - говорю, с трудом поворачивая голову так, чтобы смотреть на него лишь краем глаза. До сих пор где-то в дымке на задворках памяти всплывает стеклянный взгляд отрубленной дядиной головы. Генерал мог сделать то же самое и со мной, но почему-то не стал. Ждет, пока наш союз благословят священными узами и тогда ни у кого не повернется язык оспаривать его право на земли? - Если ты не против, я бы хотела лечь.

— Против, - так же не меняя интонации, запрещает Тьёрд. - Сядь рядом.

И чтобы я не придумала, что «рядом» - это на софе у противоположной стены, похлопывает ладонью рядом с собой.

Глава тридцатая: Тьёрд

Я всегда знал, что рано или поздно эта дикая кошка захочет меня укусить. Не потому, что очень этого желает – хоть это обстоятельство тоже нельзя сбрасывать со счетов – а потому что это у нее в крови. Сопротивляться, кусаться, огрызаться и царапаться.

Было бы странно, если бы после первой же взбучки она изменила своей природе и превратилась в покорную мышь на веревочке. Тогда бы я точно избавился от нее, потому что это означало бы, что мои расчеты не верны – и мой сын, которого я планирую получить в самое ближайшее время, не получит прекрасную родословную.

Но все это ерунда, потому что сейчас мне просто хочется женского внимания.

Так иногда бывает даже у бессердечных вырожденцев вроде меня. В конце концов, хоть я и умер и воскрес, и с каждым днем все меньше человек и все больше монстр, у меня случаются приступы меланхолии. Особенно после очередной бессмысленной резни.

Почему слабые не подчиняются сильным? Почему восторженно бросаются на мечи, забывая о том, что их дети и жены станут трофеями захватчиков?

Дэми медленно, стараясь выбрать максимально возможное расстояние между нами, присаживается на шкуру перед камином. Какое-то время молчит и задумчиво поглаживает костлявую спину тощего кота. Я бы много отдал, чтобы вскрыть ее упрямую голову и узнать, что она думает, когда не вспоминает обо всех моих кровавых подвигах.

Все же, несмотря на ужасные истории с моим участием, которым матери пугают молоденьких девственниц, я никогда не брал женщин силой. Но что делать с этой – просто ума не приложу. Сломать и выбросить, когда получу свое? Темная выносит моего сына и без участия северянки, мне нужна лишь часть ее, которую можно взять и из мертвого тела.

— Спасибо, – неожиданно тихо произносит северянка.

— За что? – Я не удивляюсь. Рано или поздно даже дикие кошки могут мурлыкать.

— Ты мог убить всех этих людей.

— Возможно, так и поступлю, когда они начнут размножаться.

Она поджимает губы, порывается встать, но я успеваю быстрее: за руку тяну на себя. Падаю на спину и прижимаю к себе за запястья. В голове шумит от усталости и контроль над тьмой ослабевает. Я знаю это по характерному привкусу крови и пепла во рту, и по тому, как часть меня перестает думать логично, переключаясь на чистые инстинкты.

Тьма во мне хочет найти выход.

Она порочна и безумна, и сегодня явно голодна, потому что я не дал ей утолить жажду крови, притащив в замок кучу голодных ртов. Раза в три больше, чем необходимо, чтобы поддерживать мою собственность в порядке. Но у меня есть и иные планы, выходящие за пределы привычных хозяйственных дел. Мне нужны сильные руки. Не так много, как могло потребоваться ранее, пока халларны не приручили сталь и пламя, но достаточно, чтобы прежнего населения замка мне не хватило. Я не хочу дополнительно ждать и откладывать приготовления только из-за того, что во всей округе не осталось мужчин, способных управляться с лопатой. Теперь у меня есть рабочая сила, а скоро прибудет и стальной кулак, призванный взять на себя самую сложную часть будущих работ.

— Мне больно, – пытаюсь освободиться, бормочет Дэми.

Я слишком крепко держу ее руки, но она сама виновата – подергается еще немного, и я свяжу ее, чтобы ненароком ничего себе не сломала.

— Кто были те двое? – Почему эта мысль сидит во мне как загнанная под ноготь колючка? – Ты знала их? Видела впервые? Они живы?

Дэми начинает брыкаться еще отчаяннее.

Неприятные воспоминания всегда как муравьи во вспоротый живот: больно и унижительно, что умираешь не с мечом в руке, а как какая-то падаль, которую растягивают на куски, словно трофей.

— Я задал вопрос, кошка, и я привык, чтобы на вопросы отвечали ясно и четко, не испытывая мое терпение.

— Они были чудовищами, - шипит моя непокорная невеста, но все-таки затихает. - Такими же, как ты в прошлую ночь.

Значит, в прошлую ночь я был чудовищем. Таким же, как те ублюдки, которым ее отчим заплатил за то, чтобы лишней девчонке перерезали горло, но они решили, что глумиться над трупом будет не так задорно, как над живой смертницей.

Даже не знаю, как и жить-то теперь, ощущая себя вот таким дерьмом из-под козлиного хвоста.

А еще не знаю, почему до сих пор терплю все это, если теперь уже могу просто свернуть шею и осчастливить императора женитьбой на более покорной девице. Не одна же дикая кошка - последняя строптивка на Севере. Наверняка есть еще парочка, которые будут ценить все, что я даю, при этом почти ничего и не требуя взамен.

— Чудовища бывают разные, - говорю я, еще немного сильнее сдавливая тонкие запястья. - Не все из них настолько безобразны, чтобы насиловать беспомощную женщину, но некоторые достаточно циничны, чтобы избавиться себя от муки женитьбы на бестолковой женщине. Ты, кажется, предпочитаешь иметь дело с первыми? Или, может быть, мне показалось?

Интересно, если она не прекратит эти бессмысленные брыкания, буду ли я скучать по всему этому словесному пикированию? Буду ли вспоминать эти глаза и теплый рот, когда найду подходящую замену?

Дэми, с частью, перестает дергаться - и несколько минут мы лежим на полу: я под ней, она на мне, с заведенными над моей головой руками, как приговоренная на дыбе. Растянуть бы ее вот так же поперек кровати, раздвинуть крепкие ноги.

— Они были... нашими бывшими слугами, - глухо, словно у признания вкус яда, произносит кошка. - Кузнец и его сын. Я помнила их, еще когда Север был свободным. Однажды отец подарил мне коня: белого крепкого мерина с волнистой гривой. Такого во всей округе ни у кого не было. Кузнец сделал подковы с клеймами герба нашего рода. Дал мне одну, ту, что вышла с браком, и сказал, что у каждой маленькой принцессы должна быть подкова на удачу. Его сын... я учила его читать.

Северное благородство, отвага и храбрость.

Меня уже выворачивает от лживости этого народа, где слуги предают господ, а дяди подставляют под меч собственных племянниц.

Когда Торурльд понял, что ему уже некуда бежать, он не придумал ничего лучше, чем торговаться: жизнь племянницы в обмен на его покорность мне и императору. Верещал, как свинья под ножом, что его преданность будет примером остальным - и нам придется реже обнажать мечи. Ну а когда я отказался от щедрого предложения, кажется, обоссался от страха.

Говорить об этом я не буду. К счастью, Дэми не стала лить слезы и горевать.

— Они живы? - Я отпускаю ее запястья, и моя будущая жена не убегает, как будто у кошки вдруг кончились когти. - Твой отчим не позаботился о том, чтобы заткнуть им рты?

— Не знаю, - устало отвечает она. - И если ты утолил любопытство, господин, могу ли я пойти к себе? День был тяжелым.

— Нет, - пресекаю ее попытку сбежать. - Поужинай со мной.

— Думаешь, это что-то изменит?

— Думаю, ты единственный человек, который может рассказать мне о моих новых землях, о соседях, о том, кто может ударить в спину и как нам лучше зимовать.

Она напряженно и хмуро изучает мое лицо, ждет подвоха. Но правда в том, что я не лукавлю и мне действительно нужно знать этот гадкий народец, чтобы, как любит говорить Эр, разделять и покорять не только делом, но и словом. Хотя, по правде, мне куда проще усмирять северян делом. По крайней мере, меч и огонь уже доказали свою эффективность.

Глава тридцать первая

Я никому не говорила о том, что произошло в ту ночь, когда меня, сонную, вытащили из постели, связали и бросили на пол, лицом в грязные каменные плиты.

Я никому не говорила, что убийцы пришли в масках и под покровом ночи, но я узнала их голоса и даже запах дыма нашей кузницы, которой оба провоняли насквозь.

Я никому не говорила, что молила богов послать мне скорую смерть, когда надо мной совершили насилие. Не рассказывала, как лежала на полу и смотрела на закрытые грязными тряпками лица, пока эти двое поправляли штаны и спорили, кому из них перерезать мне горло. Смелости наклониться ко мне так близко им не стало, потому что я поклялась, что прежде обязательно вцеплюсь в кого-то зубами и оторвать меня они смогут только если отпилят голову.

Геарат расплатился за мою смерть отцовским мечом. Из метеоритной стали, политый кровью седого вепря в день солнечного затмения.

Этим мечом меня и проткнули.

Я хотела умереть и чувствовала дыхание богов подземного мира, когда лежала в луже собственной теплой крови, словно на дорогой перине. И потом, когда открыла глаза в постели, где меня выхаживала Старая Ши. И даже потом, когда швы на моем животе затянулись и стали уродливым напоминанием того, что моя жизнь стоит ровно столько же, сколько и преданность бывших обласканных слуг – меньше, чем «ничего».

Вкус жизни вернулся ко мне лишь когда я увидела процессию Скорбных дев, длинной кривой нитью «вливающихся» в ворота Красного шипа. И до сих пор не понимаю, что послужило тому причиной: нежелание становиться кормом за удачу халларнской армии или страх снова почувствовать себя на том «покрывале» из собственной жизни.

— Я накрою на стол, - произношу спокойно и покорно. Мне страшно и больно одновременно: за трусость, что уже и не знаю, хочет ли генерал видеть меня своей или использует меня как тренировочный манекен, затачивая не меч, но терпение.

— В замке теперь полно слуг, - останавливает мой порыв Тьёрд. - Отдай распоряжения и присядь. И если, вдруг, хочешь сказать, что они испуганы и измотаны, мне придется лично проверить, стоит ли кормить столько ртов, раз они не годятся даже принести пару тарелок.

Кажется, этот монстр тоже может кое-чему меня научить. Например, держать язык за зубами. Как купцы с островов Горячего песка взвешивают и перевешивают каждую унцию пряностей, чтобы облапошить покупателя, но ни в коем случае не себя.

— Хорошо, господин, - соглашаюсь я.

Сегодня мне придется быть хозяйкой и не нарываться на скорую смерть. Если халларнский Потрошитель захочет от меня избавиться, он уж точно будет знать, как сделать это быстро и наверняка.

Стол нам накрывают прямо здесь: перед камином, возле тепла, когда за окном беснуется лютая северная стужа. На блюде – свинина, рыба под жгучими специями, пряные хлебцы в яблочном меду, сыры и солонина. Тьёрд отказывается от вина, но жестом предлагает выпить мне. Я не отказываюсь, потому что воспоминания прошлого до сих пор извиваются во мне ледяными змеями.

Тьёрд задает вопросы: про запад, север, юг и восток, леса и озера, горную гряду, которая лежит поперек ледяной пустыни и зовется Хребтом смерти. Интересуется с хваткостью ученого и ловит на лету, практически не переспрашивая и не уточняя. После второй чаши ежевичного вина мне начинает казаться, что я не делаю ничего зазорного, лишь то, что положено делать жене – помогаю мужу в его вступлении во владения.

Впервые за много месяцев я ем с аппетитом, смакуя разносолы, словно дорогие яства.

— Тот мужчина, - я вспоминаю о Заклинателе и невольно плотнее кутаюсь в домашнюю шаль, хоть уже порядочно «разогрета» изнутри. - Он сделал с тобой это?

Тьёрд вопросительно поднимает стальную руку и шевелит пальцами, как бы спрашивая, не это ли я имею в виду. Киваю, выталкивая из головы непрошенные воспоминания об этих холодных, покрытых зазубринами пальцах у себя во рту.

— Это работа искусного мастера. Кел'исс всего лишь вернул меня к жизни.

Я давлюсь очередным глотком сладкого тягучего вина, и Тьёрд уверенно отнимает у меня кубок,

приговаривая, что ему придется учить меня не только смирению, но и науке наслаждения хмельными напитками. Вспоминаю, что последний раз я пила с таким вкусом, еще когда были живы родители - и отец потешался над тем, что от одного глотка вина я была полна решимости схватиться за меч и вырубить к проклятым костям всех дохляков из Черного леса. Которые, как и прочая нечисть, водились лишь в моей слишком богатой фантазии.

— Ты был... мертв? - Удивление слетает с языка путаным вопросом.

— Я не то, чтобы жив сейчас, - явно потешается над моим удивлением халларнец. - Но, формально ты можешь считать, что станешь женой человека, который однажды отправился на тот свет, чтобы дать под зад парочке умников.

— Неплохо, - хмельно икаю я.

— Неплохо... что? - немного подается вперед генерал, но не для того, чтобы заглянуть мне в глаза, а лишь убирая на свой край стола кувшин с вином.

— Неплохо выглядишь для хладного трупа.

Тьёрд запрокидывает голову, хохочет так громко, что с потолка на голову сыплется пыль, каменная крошка и пара покинутых птичьих гнезд.

— Неплохо выглядела ты вчера, строптивая женушка, когда пыталась изобразить коленопреклоненное смирение. Я почти поверил в это искреннее желание порадовать супруга.

Почему мне не хочется плюнуть ему в лицо и предложить в следующий раз сношать козу? Даже смешно сейчас, как все это выглядело для нас обоих: он знал, что я собираюсь обвести его вокруг пальца и использовал ситуацию с выгодой, а я думала, что чертовски умная и гордилась собой, как в тот день, когда была впервые пьяна.

— Хитрость тебе к лицу, господин, - улыбаюсь я, отправляя в рот ломтик острого козьего сыра.

— Тебе тоже, госпожа, - с легким налетом уважения немного склоняет голову Тьёрд. - Но практика не помешает.

— Практика в лукавстве?

— Практика в ублажении мужа для личной выгоды, - тут же парирует он.

И на мгновение мне даже хочется согласиться, что это, в сущности, не такая уж плохая идея.

Глава тридцать вторая

Мое сегодняшнее утро начинается с утробного гула за окном. Я даже не сразу понимаю, что случилось. Иногда, когда в горах сходит обвал, камни еще долго катятся по склону и эхо может беспокоить округу даже когда на самом деле все давно улеглось.

Или, когда халларнская конница идет неторопливой рысью: неумолимая, смертоносная и разрушительная. После нее даже камни с гор – просто разбросанные без дела детские игрушки.

Выбираюсь из кровати и, потирая глаза, бреду к окну. Еще совсем рано, солнце едва-едва поднялось над вершинами гор. И в его, еще неверных, лучах я вижу то, от чего хочется зябко поежиться и потереть плечи в поисках тепла: вереница огромных черных монстров, продирающихся к замку сквозь лесную тропу.

Халларнские твари. Такие же, как и их стальные драконы, но вряд ли предназначенные для езды верхом. Слишком объемные и неповоротливые. Пять черных мрачных и медлительных громадин – чадающие густым паром, черные, закованные в слоистую броню, похожую на рыбью чешую. Не знаю, как они работают, но это не живые твари из плоти и крови, они состоят из шестеренок, стальных дисков и труб, которые покрывают черным дымом все вокруг. Его смрад проникает в ноздри даже через закрытые окна, и я невольно прикрываю нос ладонью. Не помогает.

И еще этот низкий гул. Как будто мольба о помощи через стон отчаяния.

Или, это стонет от боли моя родная земля под их стальными лапами?

Быстро одеваюсь и бегом вниз. По дороге встречаю кого-то из новой прислуги – я еще не успела запомнить всех по именам и в лицо – и на лицах каждого застыл ужас. Но это все равно, что смотреть в зеркало – те же эмоции, что мучают меня саму, то же непонимание.

Останавливаюсь у подножия лестницы и перевожу дух, чтобы восстановить дыхание.

Я – хозяйка Красного шипа. Может, для халларнского чудовища только номинальная, но мне плевать. Это – мой дом, и я буду заботиться о чего обитателях и стенах, пока дышу. Моим людям, у которых нет другой защиты, нужно чувствовать хотя бы каплю уверенности. Ничего другого у всех нас больше не осталось.

Жаль, что наследнику моей крови никогда не править всем этим.

Потому что я – сухая безжизненная пустошь.

В зале внизулюдно, но не северянами. Я сразу замечаю Тьёрда в окружении халларнов, одетых в странную черную кожу с ног до головы. Она настолько плотная, что даже замедляет и сковывает их движения. И поверх всего этого – мясницкие фартуки. И еще странные прозрачные кругляшки, которые некоторые носят поверх головы, а некоторые на глазах.

Это точно не воины – не видела еще ни одного чужеземного воина, который бы ходил без меча у пояса.

Меня замечает тот, что как раз разговаривает с генералом, выразительно ведет взглядом в мою сторону, и Тьёрд, стоящий ко мне спиной, оборачивается.

Надеюсь, все-таки успеваю набросить на себя достойный вид, но точно не выгляжу маленькой глупой дикаркой. Хоть даже в собственных мечтах я вряд ли когда-то выглядела надменной хозяйкой древней крепости.

Тьёрд едва заметно кивает – и возвращается к разговору. Что мне делать? По законам гостеприимства положено с улыбкой и радушием встречать гостей будущего мужа. Знать бы, где взять радушие к убийцам и потрошителю.

Хорошо, что, судя по оживленной беседе, до меня никому нет дела.

Мои размышления прерывает сам Тьёрд: жестом подзывает подойти, пока халларны-рабочие кланяются и выходят прочь.

— Как спалось, дикая кошка? – с легкой усмешкой интересуется он.

У него совершенно точно отличное настроение. Так и подмывает его испортить.

— Спалось отлично, мой господин, – через силу, но заставляю себя улыбнуться.

Вчера вино сыграло со мной злую шутку, иначе я бы никогда не стала флиртовать с человеком,

которому ничего не стоит свернуть мне шею. Или, возможно, он что-то подмешал мне в еду? Говорят, халларнские жрицы умеют варить затмевающие разум зелья, после которых жертвы укладываются на алтарь с улыбкой и мольбой о скорейшем избавлении от жизни.

— Отлично? – деланно удивляется генерал, немного понижая голос. Немного – насколько это возможно с его ростом – склоняется к моему лицу, и мне снова страшно от того, каким пронизательным кажется его темный взгляд. – Неужели моя жена не сжимала ноги, мечтая о том, чтобы я заполнил ее собой? Неужели не кусала губы, мечтая, чтобы я снова взял ее в рот? Тебе понравился мой вкус, Дэми?

Голос становится еще тише, но эффект от этого обратный.

Меня оглушает до звона в ушах и потери способности сопротивляться.

Наверное, не будь во мне крови первых королей Северных земель, я бы давно сломалась и бросилась с башни. Или, быть может, я не делаю это не потому, что сильная, а потому что трушу?

— Нет, господин, - выдаю прежде, чем успеваю прикусить язык. — Мне было от всей души противно и омерзительно.

Халларнский Потрошитель вскидывает брови, явно ожидая уточнения.

— Прямо так уж омерзительно? – Это явная насмешка. - Ну же, дикая кошка, поведай будущему мужу, что именно было омерзительнее всего, что «сносно», а что – «терпимо»? Мудрецы говорят, что супруги должны быть откровенны друг с другом, как перед богами.

Он всего в шаге от меня, и я не должна бы чувствовать его близость. И все равно чувствую ее – напористую, неукротимую, выжидающую.

Я не знаю, чего ждать от этого чудовища.

Он ждет от меня правды, чтобы наказать? Лжи, чтобы похвалить?

Я как будто на вертеле над углями.

— Мне был противен твой вкус, господин.

Собственный голос подводит, сбиваясь на какой-то сип.

— Халларнские ученые считают, что вкус мужского семени меняется от того, что он ел накануне. – У генерала снова меняется настроение. Он как будто внезапно потерял ко мне всякий интерес, и куда больше увлечен разъяснениям очередной, придуманной захватчиками мерзости. – Что ты любишь, Дэми? Я знаю, тебе по душе сладости. Накормишь меня ими – и попробуем снова.

Он все еще ничего не делает, но мне в голову настырно лезут образы, от которых начинают пылать щеки. Абсолютно голый Тьёрд, возвышающийся надо мной.

Как хозяин.

Его налитый кровью, на котором невольно концентрируется все мое внимание.

И я сама, стоящая перед ним на коленях и желающая только одного – снова почувствовать его у себя во рту...

По спине пробегает волна мурашек

Но когда Тьёрд победоносно улыбается, его триумф мгновенно вышибает из меня все непрошенные образы. Вовремя трезвею, вспоминая, кто я и кто он. И почему быть коленапреклоненной – хуже смерти.

— С сегодняшнего дня, госпожа, - резко меняет тему генерал, - в замке будут работать инженеры и горнопроходчики. Они разобьют лагерь на северном склоне замка. Моей армии нужно то, что зарыто на моей земле.

«Моей земле», - мысленно повторяю его слова, которые отдают горечью.

Тьёрд ни о чем не спрашивает, ему ни к чему мое согласие. Он просто ставит перед фактом. Синалум – так они называют породу, которую планируют скормить своим монстрам. Именно из-за этого проклятого камня они пришли на Север и утопили его в крови. Из-за невзрачного серого камня, который мой народ выбрасывал в отвалы, чтобы добраться до ценных рудоносных жил.

— Что от меня требуется, господин?

Собственный язык кажется грязным и липким, потому что приходится предлагать помощь.

— Почти ничего. Люди должны знать, что ежедневно мне будет необходимо десять человек мужчин для работы на лопатах. И еще пятеро для заготовления балок и стропил. Инженерный корпус возьмет на себя основную работу, северяне будут им помогать. Ничего сложного. Но постарайся убедить их, чтобы не совались под замок, в раскоп. Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь олух с дурной головы оказался не в то время и не в том месте, и его кости застряли в шестернях.

Я сглатываю отвращение, зачем-то заглядывая в лицо Потрошителя.

Надеюсь разглядеть там... что? Сочувствие быть может, проблеск человечности?

Бессмыслица.

Его волнует лишь чтобы проклятые зловонные машины работали без сбоев.

И раз уж я никак не могу заставить его убраться в те проклятые края, которые изрыгнули халларнов на наши головы, придется сделать хотя бы так, чтобы эти халларны не выпотрошили нашу землю без остатка.

— Убеди и своих людей, господин, - пытаюсь выдержать рассудительный тон, хоть рядом с Тьёрдом и его не имеющими причины перепадами настроения, это практически невозможно, - что Красный шип сильно пострадал от... ваших же атак. Эти стены и фундамент совсем не так прочны, как когда-то. Если твои... странные копатели со своими стальными чудовищами собираются перевернуть землю вверх дном, пусть уж постараются хотя бы не обрушить замок на наши головы.

— Это будет невосполнимой потерей для всех нас, госпожа, - почти почтительно склоняет голову генерал.

Снова мне не понять - издевается проклятое чудовище или говорит всерьез.

Но Тьёрд уже распрямляется, чтобы хозяйским шагом уйти прочь, оставив меня под осуждающими взглядами слуг и Намары. Сестра даже не считает нужным скрывать свою неприязнь. Мне должно быть все равно что за мысли буравят ее голову, но догадаться несложно. Только дураку не понятно, что я только что дала негласное разрешение превратить свой дом в руины. Даже если это разрешение было лишь формальным. Ни одному разумному существу не составит труда понять, что халларнский потрошитель просто играет в формальности, чтобы поддерживать перед слугами мой авторитет.

Скажи я «нет», он просто пожал бы плечами и продолжил делать свое.

Я - никто в собственном доме. Такая же служанка, как и люди, которые чистят нужник или завтра станут с лопатами помогать халларнам. Но мы все еще живы. А пока человек жив, жива и его надежда на избавление, а еще - на месть.

Я это понимаю.

Они это понимают.

И Тьёрд, конечно же, понимает это лучше нас всех.

Глава тридцать третья

Работы халларнов под замком продолжаются уже несколько дней к ряду. И почти все это время в воздухе стоит раскатистый гул от работы их стальных монстров. Правда, постепенно он становится все тише, потому что работы уходят все глубже под землю.

Инженеры, как их назвал Тьёрд, определили точку начала работ неподалеку от своего лагеря. Управляя своими монстрами, в считанные часы пробились сквозь каменистое основание, на котором стоит Красный шип, и исчезли где-то в его недрах. Два дня всем обитателям замка на голову сыпалась каменная пыль и крошево, а пол под ногами дрожал и кое-где покрылся широкими разломами. Ожидаемо, пара комнат и несущих стен в одной из полуразрушенных башен просто обвалились. Хорошо, что ночью, и если кто и пострадал под обломками, то точно не северяне. Судя по тому, что на следующий день нескольких халларнов спешно отправили куда-то на юг, они продолжали работать даже ночью. В тишине, без чадного дыма ужасных машин.

Что можно делать в котлованах, вырытых только ради ценного для халларнов минерала, если не вывозить его?

Я старалась не думать об этом, потому что догадки ложились неприятным грузом на мои и без того заваленные домашними делами плечи.

И вот, до полной луны, проснувшись однажды утром, я не сразу поняла, что именно меня насторожило в обычном снежном рассвете, с серыми тучами поперёк всего неба. А когда поняла, упала на подушки с блаженной улыбкой.

Тишина. Обычная тишина, цену которой я осознала только сейчас.

Возможно, халларны, наконец, поняли, что каждый лишний метр в глубину может стать последним для всех нас. А, может, выгребли все, что могли. Но копательные работы, наконец, прекратились.

Как и сказал Тьёрд, у меня забот почти не прибавилось. Прибывшие халларны почти не нуждались в нашей пище, предпочитая какие-то свои запасы. Они называли их походными пайками. Я видела один такой – что-то очень сильно засушенное, на пару метров отдающее острыми приправами, от которых закладывало нос и слезилось в глазах. Пару раз я даже замечала генерала, расхаживающего тут и там, с задумчивым видом жующего эту же сухую вонючую дрянь. Не было похоже, чтобы ее вкус вызывал в нем отвращение. И даже странно, что он ни разу не высказал неудовольствия той едой, которую готовила Старая Ши и распухший рой ее поварят-помощников.

После начала копательных работ к моим ежедневным обязанностям добавилась еще одна – обходить место раскопок. Разумеется, лишь вокруг, потому что спуск вниз мне заказан и строй безликих охранников в масках вряд ли нарушит приказ никого не пускать, даже если этот «никто» - невеста их хозяина.

Но я и туда и не рвусь. А если совсем уж честно, то меня до сих пор бросает в дрожь от рыка стальных монстров и шипения, с которым пар валит у них из всех щелей.

Меня заботят лишь северяне – мои северяне, за каждого из которых я, преодолевая страх, вступилась перед генералом. Мне нужно быть уверенной, что Тьёрд сдержит слово и никто не пострадает. Северяне выполняют свою часть условий, халларны – свою, и все мы будем по меньшей мере живы. Пока что этого достаточно, чтобы поддерживать хотя бы видимость возможного... мира между нами. Хоть меня тошнит горечью от одного этого слова.

Сейчас на северянах лежит львиная доля тяжелой работы. Каждый раз, когда из забоя под замком появляется новая порция переработанной породы, они выгружают ее вдоль проложенных здесь же стальных лент, по которым перемещаются стальные чудовища. За несколько дней успела вырасти порядочная насыпь, которая, если бы на замок вдруг решили напасть, послужила бы отличным оборонительным заслоном.

Но что нам от такой «помощи» – мы уже и так захвачены.

Я сама разношу рабочим еду, хоть пару раз Тьёрд отпускал комментарии по поводу того, что рабы должны знать свое место и миску, из которой питаются, и она точно не должна наполняться хозяйской рукой. Я кивком дала понять, что услышала, но на следующий день пошла снова. И так пока ему не надоело совать нос в мои домашние заботы.

Этот «обход» - хороший повод узнать настроение моих северян.

И, хоть это очень самонадеянно с моей стороны, попытаться, насколько возможно, подбодрить людей. Никто не говорит об этом вслух, но тягостное предчувствие витает в воздухе: завтра или послезавтра, когда в рабочий руках уже не будет нужды... Не решит ли Тьёрд избавиться от лишних

ртов? Ведь теперь-то уже понятно, что он «расщедрился на подарок» не для того, чтобы сделать мне приятно. Он просто приволок мне «недобитых лошадей», чтобы выходила их и откормила, прежде чем их захомят в рабство.

— Как твоя рана, Харен? – спрашиваю рыжего бородача с огромной лопатой, которой он орудует так легко, будто ковыряет в зубах. – Уже получше?

— Благодарю, госпожа, - он демонстрирует все еще перебинтованную, но уже вполне работающую левую руку.

В Красный шип его привезли еле живого, с огромной рваной раной на предплечье. Пальцем не мог пошевелить. Тьёрду очень не понравилось, что и его я забрала тоже. Как, впрочем, и всех остальных. Каждую жизнь.

Умерло только двое.

И я до сих пор думаю, что это была моя вина.

— А как здоровье маленькой Кри? — спрашиваю парня, у которого едва-едва начала пробиваться щетина на квадратном тяжелом подбородке.

— Твоими молитвами, госпожа. Горячка не возвращается уже вторую ночь.

Кри - его младшая сестра, которую он всю дорогу до замка нес на руках.

Каждый из них - небольшая история. Как правило, трагическая.

Миную несколько стальных штук, которые халларны называют вагонетками, когда позади раздаётся сдавленный короткий крик.

Оборачиваюсь.

Один из работников, кажется, неудачно спрыгнул и подвернул ногу. Ничего страшного, но его придется заменить.

Иду к нему, чтобы помочь подняться, но меня опережает Харен. Протягивает руку помощи, но северянин неожиданно пригибается, как будто что-то очень сильно давит ему на грудь.

А потом с разбега налетает на Харена, валит его на спину и двумя кулаками давит на грудь. Все происходит настолько стремительно и неожиданно, что я не сразу соображаю поднять крик и разнять качающихся в грязном снегу северян. На моей памяти — это впервые, когда они - люди одной крови - пытаются воевать не против захватчиков, а друг с другом.

Тот, что нападает - уже преклонных лет северянин, потерявший семью много лет назад, в одну из холодных зим, когда его жена с дочерью без следа сгинули в снежной метели. Кажется, его зовут Борон? Он никогда не казался способным одним ударом отбросить здорового мужика вдвое сильнее и моложе его самого.

Старик переворачивается на четвереньки, по собачьи рычит и пускает желтую, словно больную слюну. Он не выглядит... разумным.

— Госпожа, держись от него подальше! - хрипит Харен, с трудом и прихрамывая, но все таи поднимаясь на ноги. - Не подходите к нему! С ним... беда.

— Борон, все хорошо, - стараюсь говорить, как можно спокойнее и уверенно, но от одного его вида бросает в дрожь.

Он словно в минуту обезумел. И из его затуманенных глаз Безумие смотрит прямо на меня - оценивающе, голодно, как будто прикидывает, стану ли я хорошей заменой только что сбежавшей жертвы. Я-то меньше ростом, и слабее, и если бы он вот так же ударил меня в грудь, я продырявила бы спину собственными сломанными ребрами.

Кто-то из работников подбирается к Борону со спины, выбирает момент, а затем прыгает, придавливая старика весом своего тела, прижимая к земле, как озлобленную собаку. Напрасно. Старик изворачивается и вонзает зубы в руку северянина. Тот в ответ со всего размаху бьет его свободной рукой в лицо. Раз, другой.

На губах Борона вскипает кровавая пена.

Но старику хоть бы что - он в два счета сбрасывает противника на землю и с обезумевшим оскалом выплевывает что-то в снег.

Это... откушенная плоть?

К нам уже бегут вооруженные халларны. Бросаюсь к ним и преграждаю дорогу.

— Нет! - выставляю перед собой руку. - Это наше дело. Мы разберемся.

— Работа не должна встать, - хрипло говорит один из них, со змеистой черной плеткой в руке.

Я видела, как он однажды пустил ее в дело - в один щелчок снял с виноватого лоскут кожи вместе с одеждой.

— Работа не встанет, - обещаю я.

Не имея ни малейшего понятия, что вообще происходит, и какие демоны вселились в тихого смиренного старика, превратив его в кровожадную, потерявшую разум тварь.

Вижу, как им хочется отбросить меня с дороги, но не собираюсь отступать. Для них я - животное, которое забылось и оскалило зубы на хозяина. Проблема в том, что мой хозяин и их хозяин - один и тот же человек. И этот человек по непонятной мне причине решил спасти одну ничемную северную девку, чтобы предъявить на нее и ее замок свои права. Странно, он мог взять все это по праву сильного. Он и взял, но не скрутил в бараний рог, а даже позволил быть хозяйкой на наш, северный манер.

Зачем эта игра?

Я не знаю. И, наверное, не знают даже его люди. И все же они тоже играют, нехотя и с большим скрипом принимая правила.

— Да, госпожа, - цедит халларн.

Киваю и оборачиваюсь. Звуки драки за спиной почти пугают. На несчастного Борона навалилось уже четверо, а старик продолжает биться и метаться под их телами. Под залитым кровью лицом - звериный оскал безумца.

Хлесткие удары заставляют морщиться, хоть в наших студеных землях драка до крови и выбитых зубов - не последнее дело. Я к такому привычна. Но сейчас все равно пугаюсь. Как в тот день, когда по приказу отчима поколотили конюха, который провинился лишь в том, что недостаточно начисто вытер его жеребца.

Старика забили насмерть.

Палками.

Борона бьют снова и снова, но он до сих пор сопротивляется, и даже приподнимается, пытаюсь скинуть с себя противника, который вдвое младше и крепче него.

— Веревку! - кричу я.

Моток тут же оказывается у меня в руке.

Нужно разнять дерущихся, пока они не загрызли друг друга, словно звери.

Ко мне на помощь приходят еще двое, и только так нам удается связать завывающего старика.

Но и связанный по рукам и ногам он продолжает сопротивляться. И на мгновение мне даже кажется, что не выдержат даже толстые прочные веревки, на которых рабочие таскают карьерный камень и глыбы из недр гор.

Его сила невероятна. Она... необъяснима.

У северян есть легенды о древних воинах-берсеркерах, которые в обмен на великую силу жертвовали богам собственную душу. В схватках такие воины были неудержимы, в одиночку могли расправиться с десятком вооруженных людей. Их не останавливали ни раны, ни боль. Они с яростными воплями прорубались сквозь плотный строй и даже каменные стены, грудью встречали дождь из стрел. Встречи и шли дальше.

Но ведь это всего лишь легенды...

— С ним когда-нибудь было что-то подобное? - спрашиваю северян.

Их растерянные лица красноречивее всяких слов.

— Он что-нибудь пил? - Обвожу всех пытливым взглядом, но в ответ лишь тишина. - Что-то особенное?

— Нет, госпожа, - отвечает кто-то безликий из толпы.

— Мы не видели, госпожа... - подхватывает следующий.

Я знаю, что волхвы некоторых племен используют в своих настойках толченный черный гриб, который растет в глубоких теплых пещерах и настаивается на смраде серных озер. Но она - глоток милости для умирающих, чтобы забыли о боли и не теряли мужества в свой последний час.

Но откуда у старика может быть такая настойка? Да и зачем она ему?

Остается выждать время, когда Борон придет в себя и сам все расскажет.

— Отнесите его в замок, я хочу быть рядом, когда он очнется.

Глава тридцать четвертая: Тьёрд

— Зачем он тебе, кошка?

Я многое видел. Поле сражения - не то место, побывав на котором, легко остаться прежним. Я видел смерть. Много смертей.

Видел людей, рассеченных на части, но продолжающих цепляться за жизнь. Видел обгоревших как головешки воинов.

Видел кровь, внутренности, дерьмо и червей, копошащихся в гниющих ранах стонущих солдат.

Я видел столько грязи и боли, что научился пропускать их мимо себя. Когда ты берешь в руки меч и идешь убивать - будь готов, что ночью к тебе придут кошмары. Мои кошмары давно избегают моих снов.

Я никогда не убивал для удовольствия и никогда не мучил из праздной скуки. Все, что я делаю, - необходимо для победы императора. Поэтому мне тяжело понять, отчего Дэми вцепилась в полудохлого старика и вздумала тащить его в замок, словно пушистого котенка. И не только тащить, но и ухаживать за ним чуть ли не день и ночь.

Я даже почти завидую костлявому дохляку, что она ни разу не уделяла подобного внимания мне.

Его нужно было просто прикончить. Добить ударом милости, чтобы не затягивать агонию. Это не жестокость. Это - здравый смысл. Нужно избавляться от слабых и бесполезных, чтобы все самое лучшее доставалось сильным и полезным. Но этим людям, никогда не знавшим «радости» родиться на голых бесплодных камнях, и с детства воевать за каждую крошку хлеба, этого не понять. Для них гуманнее вот так - продлевать мучения и тратить впустую драгоценные ресурсы.

И моя будущая жена - тот еще садист. Старик третий день исходить слюной в бреду и агонии, привязанный столу, но Дэми продолжает отпаивать его какими-то снадобьями и почти не спит, боясь, что ему станет хуже. А он, судя по всему, в себя приходит не торопится. К тому же за эти дни настолько яростно сражается с веревками, что в клочья перетер кожу в нескольких местах. До самого мяса. Если ничего не изменится - старик просто истечет кровью.

Дэми не сразу, но реагирует на мой вопрос. Сначала возмущенным блеском в глазах. Потом, опомнившись, смиренно отвечает:

— Потому что я должна знать, что превратило спокойного старика в... вот это.

— Старческое слабоумие часто сопровождается безумием, - пожимаю плечами. - Позволь подарить ему милосердное избавление смертью.

— Милосердное? - вскипает она. Бессонница сделала ее нервной, и я даже сам с трудом понимаю, почему до сих пор потворствую этой игре в благодетельницу.

Возможно, мне самому не очень нравится, что рядом с моими людьми, которых и так на перечет, ошиваются северяне с какой-то... заразной болячкой.

В любом случае, придется довериться настырности и упрямству моей северянки.

И на всякий случай позаботиться о том, чтобы за ней «присматривали». Как бы мне не хотелось верить в некий шаткий мир между нами, я не удивлюсь, если она, вычленив причину безумия, решит использовать ее против меня. В конце концов, если каждый еле живой северянин станет валить моих воинов словно деревянные болванки, это может стать серьезной проблемой.

— Я должен покинуть тебя, госпожа, - говорю будущей жене, намеренно закрывая предыдущую тему. - Дня на два-три. Надеюсь, когда вернусь, в моем замке не будет кричащего безумца, блюющего кровью.

Вижу, как ходят ее желваки. Реакция на «мой замок»? Разве это не так?

— Мне кажется, сегодня ему немного лучше, - говорит она. - Надеюсь, боги будут милостивы и вернут ему разум.

— Пусть вернут. Хотя, боюсь, он уже давно проглотил собственный язык и ничего тебе не скажет.

Дэми и сама понимает, что я прав, но северное упрямство не позволяет это признать.

Что ж, у нее есть два дня.

А у меня есть небольшое дело. И это дело я хочу выполнить сам, хотя император, узнай о моих планах, приказал бы посадить меня под замок. Хорошо, что Эр ничего не узнает.

Со стороны может показаться, что мы, сидя на своих позициях, ничего не знаем о том, что происходит в глубине северных земель. Это не совсем верно. В рядах северян есть лазутчики, регулярно снабжающие нас оперативными данными о перемещениях больших скоплений войск или готовящихся планах. Кроме того, при случае, лазутчики совершают диверсии, вроде поджогов складов с запасами провианта. И сегодня я получил донесение, которого ждал несколько дней. Очень тайное и очень личное донесение.

Я не похож на северянина, даже если натяну меховую шубу и отращу бороду, но сегодня придется натягивать шутовскую маскировку. Выбор у меня большой – за время боевых действий к нам в руки попало большое количество северного снаряжения. Часть из него обычно идет на переплавку, еще частью экипируются лазутчики и диверсионные группы, действующие глубоко в тылу противника, но основная часть, конечно же, просто выбрасывается.

Я одеваюсь так, чтобы максимально не бросаться в глаза. Толстые стеганые штаны, меховые сапоги с опушкой, кольчуга поверх стеганной же рубахи, меховая парка и шлем с бармицей[1]. Вылитый северянин, если никто не будет вглядываться в прорези шлема. Впрочем, я не собираюсь выходить на свет, а в темноте стану одним из многих.

Мне предстоит провести в воздухе не один час, но я привык к холоду и ветру. Небо сегодня затянуто плотными тучами так что сама природа благоволит моим намерениям. И все же сажаю дракона не у самых стен довольно приличных размеров города северян. Лишний риск ни к чему. Если меня раскроют – будет много крови.

А мне не очень хочется ложиться на брачное ложе насквозь пропитанным запахом крови.

Пробираюсь по глубоким сугробам, выхожу к торной дороге, ведущей в город. Кажется, народу здесь даже слишком много. Потому что тут и там вижу костры и лагеря с разбитыми временными жилищами, на скорую руку состряпанными из шкур и деревянных подпорок. На самом деле, я знаю, внутри них тепло, даже душно. Хотя спать там почти невозможно – такие дома дикарей кишат клещами и блохами. Стойким бородатым мужикам все равно, они привыкли к трудностям, но мне, как человеку цивилизованному, подобного отношения к себе не понять. Неужели нельзя избавиться от паразитов?

В любом случае, все эти временные жилища мне на руку. Между костров шляется куча народа, слышны бранные песни, какие-то крики, звуки мордобоя. Все хорошо – обычная жизнь походного лагеря.

Возле одного из костров, украдкой оглядевшись, вырубаю вконец окосевшего северянина, товарищ которого только что отошел по нужде. Забираю полупустую бутылку с местным самогоном – жуткой гадостью, от глотка которой забываешь, как дышать. Но пить я это не собираюсь, просто взбалтываю содержимое бутылки и выливаю себе на грудь и плечи. Отлично. Теперь неверной пошатывающейся походкой иду в город. Благо, ворота открыты.

Я знаю, куда мне идти. От ворот сразу налево, до конюшен, вдоль них до упора, до силосной ямы. Найти ее вообще не проблема. Более вонючего места нет во всем городе. Здесь меня ждут. Человек в тени хлипкого навеса.

— Дружище, а не будет у тебя немного выпить? – говорю нарочито заплетающимся языком.

— В таверне «Сивого кабана» сегодня наливаю добрый эль. Сходи туда.

— Меня эль уже не возьмет. Нужно что-то покрепче.

Человек выныривает из тени, протягивает руку, вкладываю в нее увесистый мешочек, доверху забитый золотом. Человек кивает и рассказывает мне, как добраться до нужного дома. Мне не нужно повторять дважды – на память не жалуюсь.

Расходимся, не прощаясь. Я не вижу его лица, он не видит моего. Хотя и знает, кто я такой. Если кто-то из местных ярлов заплатил ему больше – мое сегодняшнее приключение может закончиться большой потасовкой.

Город переполнен людьми. И многим нет места под крышами домов. Похоже, беженцы. Что странно, потому что моя армия уже долгое время стоит на прежних рубежах. Мы остановились, прекратили давление. Возможно, местные снова начали междоусобные разборки – это нормально для диких народов. Они постоянно воюют. Если не с общим врагом, то друг с другом. По-другому просто не умеют жить. Мы для них не неожиданность, мы для них – повод объединиться хотя бы на время. Но, кажется, они им не торопятся воспользоваться.

Вот и нужный дом – каменный, хоть сложен и очень грубо, с коптящей трубой и небольшими окнами, затянутыми слюдой. Пригибаюсь, вхожу внутрь. Это что-то вроде ночлежки: раньше дом принадлежал какому-то большому роду, но теперь переделан и разделен на несколько комнат. В каждой – либо семья, либо несколько совершенно чужих друг другу людей.

Тихо. Все спят.

Спотыкаюсь о кого-то почти в самых дверях, слышу в ответ сонную брань. Несколько человек провожают меня ленивыми взглядами и ложатся спать дальше. Я для них свой. Такой же, как они, потерявший собственный дом.

Даже занято было бы увидеть их лица, узнай они, что в шаге от них прошел тот, кого они проклинали днем и ночью, кого ненавидят и клянутся разорвать на куски – проклятый халларнский потрошитель.

Улыбаюсь, вспоминая, как горят глаза у моей дикой северной кошки, когда она выплевывает мне в лицо эти же слова. Думает, что очень оскорбляет. А как по мне – чего обижаться на правду? Слава коровопускателя уже не раз избавляла меня от необходимости устраивать резню. Когда крестьяне узнают, кто перед ним, мало находится смельчаков проверить, выполню ли я обещание повесить каждого второго за любое проявление непокорности.

Поднимаюсь на второй этаж, прохожу в нужный закуток.

Здесь спят двое.

Жаль, что их смерть будет слишком легкой, но в противном случае я подниму на ноги весь дом. Ничего, я пришел не ради мести, я пришел ради справедливости. Моей справедливости.

Прислушиваюсь к храпу и сонному бормотанию, царящих на этаже.

Добрых снов, доблестные воины. Добрых снов...

[1] Бармица — элемент шлема в виде кольчужной сетки, обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях грудь и нижнюю часть лица.

Глава тридцать пятая

Борон умирает в следующую полночь.

Я и сама уже не уверена, что поступила правильно, сохранив ему жизнь. Старик так мучился, так бился и кричал, что в моих ушах до сих пор стоит его безумный вопль. Я пыталась распознать в его криках хоть какие-то слова, но тщетно. Бедного северянина будто резали заживо, поджаривали на костре и ломали суставы. Одновременно.

Теперь здесь, вокруг стола, к которому он все еще привязан, целая лужа крови. Кровь на моем платье, на моих туфлях и руках. Как будто это я была тем бездушным существом, кто пытал несчастного потехи ради. Я ведь даже не знала, чем ему помочь. Потому что не знала и до сих пор не ведаю, что за недуг лишил его разума.

Впервые за долгое время мне отчаянно хочется к кому-то прижаться и просто посидеть, помолчать.

Впервые мне плевать, даже если бы этим кем-то стал проклятый генерал. Наверное, бросься я ему на шею в слезах, долго бы потом плевался и брезгливо вытирал руки.

Я еще раз обхожу вокруг стола, останавливаюсь и потихоньку, стараясь не порезать и без того изувеченные руки старика, срезаю одну из веревок. Он все равно мертв, но мне не хочется причинять ему боль даже сейчас.

Боги, что же с ним случилось?

Если дело в какой-то настойке, то она мне не известна. Слишком долгое действие, слишком ужасные последствия. Он же буквально располосовал себя веревками, под невероятными углами вывернул ноги и ноги. И почти все это время беспрестанно кричал. Боюсь, многие в замке рады его кончине. Признаться, я и сама рада.

Потрошитель оказался прав – Борон все равно ничего бы мне не сказал. Он откусил себе язык. Я осматриваю тщедушное тело и до сих пор не могу понять, как тихий старик мог с собой такое сделать.

Но все же есть кое-что, что привлекает мое внимание: странная метка на его шее, за ухом. Не татуировка, не родимое и не пигментное пятно. Скорее... ожог, как от клейма для скотины.

Дотрагиваюсь пальцами до черного следа и тут же отдергиваю их: клеймо все еще горячее. Треугольник с пятью расходящимися в сторону лучами как будто выжгли только что, мне даже чудится запах паленой плоти.

Никогда не видела ничего подобного.

Борона следует похоронить по всем обычаям, чтобы предки приняли его радушно.

А мне нужно переодеться, смыть с себя всю кровь и всю боль чужого человека. Они будто въелись в мою кожу и боля откуда-то изнутри.

Приказываю служанке набрать горячую ванну, а сама бегу вниз. Никогда не заливала душевную боль вином. Даже после той страшной ночи, когда перестала быть невинной. А теперь хочу затуманить разум чем-то крепким и не обязательно вкусным.

В зале внизу слышу грохот захлопывающей двери – по ногам тянет морозом.

Кто это? Работники пользуются других входом, чтобы лишний раз не попадаться на глаза новому хозяину. Намара или Геарат? Отчим так и вовсе наверняка уже спит. Он вообще почти всегда спит, когда, разумеется, не ест.

— Притащите мне толстого борова и его дочь, – слышу знакомый, но очень тихий и, одновременно, оглушающий голос.

Это Тьёрд.

Я даже на мгновение ловлю себя на мысли, что рада его возвращению. Но только на мгновение. В его голосе звучат раздражение и усталость.

Отступаю назад, раздумывая, а не сделать ли вид, что меня здесь нет. Я не должна сутки напролет дожидаться его возвращения и выбегать на встречу по первому зову.

Хотя... он и не звал меня.

На цыпочках спускаюсь ниже, к самому залу, но не выхожу в него, а становлюсь в тени, в стороне от факела.

Намара и Геарат появляются минут через десять. И если сестра выглядит цветущей и порхающей бабочкой, она даже платье успела надеть и на скорую руку уложить волосы, то отчим плетется еле-еле, едва справляясь с отдышкой.

Тьёрд же сидит в кресле у камина. Голова запрокинута на спинку, ноги вытянуты. Он будто спит.

Во что он одет? Что за спектакль с переодеванием?

— Господин, - тяжело пыхтит Геарат. - Мы же ни в чем не провинились...

Тьёрд глубоко вздыхает, затем лениво ведет рукой, указывая куда-то в сторону от себя.

Я не вижу, что там.

— Привез вам обоим по подарку. Надеюсь, сможете поделить, кому какой.

Мои «добрые родственники» медлят, заглядывают за кресло. И даже я непроизвольно вытягиваю шею, пытаюсь тоже увидеть, хотя это никак не получится, даже если высмотрю все глаза.

Но что-то мне подсказывает, что потрошитель не стал бы радовать эту парочку чем-то приятным или хотя бы полезным. Да и у Намары, увидев она богатый ларец или тюк дорого шелка, вряд ли было бы такое натянутое выражение лица. И не от большой радости она вдруг прижимает руки к груди и начинает пятиться.

— Обычно я не столь щедр, - все с той же ленцой прододжает Тьёрд. - Но я старался, чтобы достать это. Очень старался. И очень расстроюсь, если подарки придутся вам не по душе.

Геарат резче, чем можно ожидать от человека его комплекции, разворачивается и хватает Намару за руку, резко выдергивает дочь вперед, почти бросает к креслу. Моя сестрица семенит, путаясь ногами в юбках, и едва не падает, замерев перед генералом, словно приговоренная к сожжению.

Тьёрд даже голову не поднимает.

Проходит долгих полминуты, пока сестра, наконец, решается взять с пола то, что там лежит. Аккуратно, одной рукой, с выражением бесконечного ужаса на лице.

Это мешок. Простой мешок.

Хотя нет, совсем не простой.

Он насквозь пропитан кровью. И эта кровь даже теперь продолжает капать на пол тяжелыми каплями, источая вокруг запах смерти.

А Тьёрду просто сидит где сидел и даже как будто начинает медленно покачивать переброшенной через колено ногой. В свете огня его лицо кажется острым, словно высеченным из белого гранита, а глаза под густыми ресницами изредка вспыхивают красным, отчего даже мне, хоть я в безопасности надежного укрытия, хочется удирать со всех ног.

Вот так выглядит смерть.

Вот такое у нее лицо.

Намара поворачивается к отцу. Ее всю трясет. Да и Геарат выглядит не лучше. Сейчас он похож на бледную болезненную жабу, которая в своей жадности проглотила большой камень и теперь страдает несварением желудка. Вот только жаба обязана улыбаться и делать вид, что камень - это самое вкусное, что она ела за всю свою жабью жизнь.

— Вы так неторопливы, - подгоняет их Тьёрд. - Я оторвал вас ото сна? Прошу прощения. Мне искренне жаль.

От такого «извинения» у меня живот скручивает ледяным узлом.

Руки Намары так сильно дрожат, что она даже не в состоянии развязать веревку на горловине мешка. С трудом, но с этой задачей справляется Геарат. Косясь на нового хозяина Красного шипа, запускает в мешок обе руки. Замирает, когда добирается до содержимого, что-то бубнит одними губами. И начинает путь обратно.

Я уже догадываюсь, что это за подарки. Вопрос лишь в том, кому они принадлежат.

Когда Геарат вытаскивает свой «улов», я в последнюю секунду успеваю закрыть рот двумя руками. Замуровываю его намертво, чтобы не проронить ни звука, ни лишнего вдоха.

Я знаю это лицо.

Я помню его очень хорошо.

Приветливое и добродушное в моем детстве, но жестокое и безразличное в ту ночь, когда он с сыном пробрался в мою комнату. Кузнец, когда-то подаривший мне подкову на счастье. И какое счастье он принес мне позже, оставив умирать униженной и опозоренной в луже собственной крови.

Наверное, сейчас мне так же страшно, как и Намаре, которая тянется в мешок, чтобы достать причитающееся ей. Нет, во мне давно нет страха перед той ночью. Я давно перестала жалеть себя. И иногда мне даже кажется, что пройдет время – и я перестану видеть кошмарные сны.

Но все, что мне хочется сделать сейчас – броситься к Тьёрду и благодарить его за эти подарки.

Ведь на самом деле они именно для меня.

Чувствую, как по щекам бегут непрошеные слезы.

Я не понимаю, зачем человек, которому подчиняются не знающие поражения армии, который с легкостью управляется с огромным драконом, рисковал собственной жизнью, чтобы сделать то, что он сделал. Я видела, как генерал улетал один, и вижу, как он устал.

Возможно, мешок с головами передали ему где-то далеко отсюда, и на самом деле Тьёрд всего лишь его доставил?

Я чувствую собственную лихорадочную улыбку тонкой кожей ладоней.

Он сам сделал это. Нет ни единого сомнения. Как и мысли, зачем.

Мне не жаль ни кузнеца, ни его сына. Мне ничуть не жаль ни Геарата, ни мою дрожащую сестру, которая сейчас едва не падает в обморок. Я – жестокий и мстительный человек. Мне приятно знать, приятно видеть, что люди, причинившие мне боль, готовы упасть в обморок только потому, что держат в руках доказательство собственного преступления.

И мне, демоны его все задери, до щеколки приятно осознавать, что человек, совершивший возмездие, предназначен мне в мужа.

Даже если пройдет ночь и наступившее утро снова воскресит в моем сердце ненависть к нему.

Тьёрд поводит шеей из стороны в сторону, как будто испытывает боль, опирается на подлокотники и медленно поднимается. На его губах играет кривая усмешка, но в алых глазах – ни намек на радость или удовлетворение.

Я вообще едва ли хоть раз видела его радующимся чему либо.

— Вижу, мои подарки пришлись вам по сердцу, – говорит моим согнувшимся и трясущимся родственникам. – Кажется, эти люди для вас что-то значат. Чем-то для вас важны. Поэтому надеюсь видеть их головы в ваших комнатах каждый раз, когда мне станет угодно туда войти. Пусть они стоят на самом видном месте, а не то подумаю, что вы брезгуете моими подарками и участием.

— Благодарю, господин! – Спотыкаясь в словах, Геарат бухается на колени и тянется к руке генерала, но тот безразлично одергивает ее. – На самом видном месте, господин!

Намара вообще неспособна говорить. Кажется, она и шага не в силах сделать.

— Свободны, – «милостиво» отмахивается от них Тьёрд.

Геарат еле-еле поднимается на трясущиеся ноги, хватая дочь за руку и тащит за собой. Моя сестрица похожа на тряпичную куклу – вот-вот разойдется по шву и вывернет наружу давно сгнившее нутро.

Тьёрд еще некоторое время стоит, глядя им в спины.

И только когда понимает, что его никто не видит, снова садится в кресло – на этот раз тяжело, со стоном боли сквозь зубы. Прижимает ладонь к груди, морщится, скалится как страдающий от смертельной раны зверь.

И я даже делаю шаг из темноты.

К нему.

Просто чтобы сказать слова благодарности.

Но помутнение быстро проходит, и я снова отступаю в тень.

Он не хотел, чтобы я видела это представления. Он не хотел для меня показательной мести. Не хотел передо мной показаться лучше или хуже, чем есть на самом деле. Я понимаю, что двигало этим человеком, когда он решил найти и наказать моих насильников – это урок для Геарата и Намары. Он без слов сказал им, что все знает. И что дотянется до любого, кто причинил вред его... его кому? Его жене?

Я проглатываю эту ложь.

Вред его имуществу и собственности – вот так будет в самый раз.

Я бы хотела просто поблагодарить его за то, что теперь для моих кошмаров будет меньше причин. Но не сделаю этого, потому что ему плевать на мои слова и на меня саму – тоже. Он получил то, что желал – покорность, страх и унижение. Этот монстр не нуждается ни в чем другом.

Делаю еще шаг назад, а потом еще один. Разворачиваюсь и бесшумно поднимаюсь по лестнице. Никакое вино мне больше не нужно.

Сегодня я вообще не усну.

Глава тридцать шестая: Тьёрд

Предыдущие два дня я трачу на то, чтобы убедиться в том, что процессы под замком идут именно так, как запланировано. В самом начале работа была очень непростой. Красный шип действительно мог развалиться на части в любой момент, и трещины под фундаментом, которые расползались как дурная зараза, едва успевали заделывать. Так что мастера инженерного корпуса доказали, что не просто так едят свой хлеб.

Первые шаги в бурении были осторожными и выжидающими. Машины работали на самом минимуме своих возможностей, чтобы не создавать избыточной вибрации, а каждый метр туннелей приходилось сразу же укреплять, чтобы избежать обвалов.

Позже, когда мы пробурились ниже, дело пошло быстрее.

Сейчас уже нет никаких сомнений, что работа под Красным шипом будет завершена и без моего присутствия и надзора.

Самое время сделать следующий шаг моего безумного плана.

Шаг, который вполне может оказаться последним в моей жизни.

Во мне вырывается коварная похотливая мысль устроить с северной кошкой что-то вроде прощального вечера, плавно переходящего в развратную ночь. Уверен, моя строптивая суженая отлично бы смотрелась на мне сверху в свете языков пламени из камина. Ну или стоя на коленях, оттопырив задницу.

Или любым другим способом, которым бы пожелал ее взять.

В конце концов, я уже ей владею, и она уже показала, что готова молча исполнять все мои пожелания. Даже если потом вся горит от ненависти и буквально источает аромат желания прирезать меня первым же, что попадет под руку. Уверен, она справилась бы с задачей даже старой деревянной ложкой.

Все мои попытки поймать ее в течение дня заканчиваются провалом. Мы существуем на одной территории, не такой уж большой, но и не безразмерной. И хоть этот старый полуразваленный замок совсем не похож на лабиринт, каким-то образом Дэми все время в нем исчезает. И когда я уже почти теряю надежду увидеться с ней перед отбытием, мы сталкиваемся... на кухне, где моя невеста собственными руками вымешивает огромный пухлый комок теста.

В переднике поверх домашнего платья, с платком, которым перевязаны ее волосы, и засученными чуть выше локтей рукавами, она все равно ни за что на свете не сошла бы за крестьянку или простушку.

Мое появление моментально гасит все разговоры, а одного жеста достаточно, чтобы кухарка и пара поварят исчезли, словно их здесь никогда и не было. Дэми только через минуту понимает, что становится необычайно тихо, отрывается от своего занятия и, заметив меня, натянуто улыбается.

— Не стоит, - останавливаю ее запоздалую попытку изобразить поклон.

— Ты чего-то желаешь, господин? - Кошка посыпает тесто мукой, укладывает в кадку и вытирает ладони отрезом ткани. - Я могу приказать подать ужин в каминную комнату. Сегодня метель и ветер, и это самое теплое место в замке.

— Если ты составишь мне компанию.

Она напрягается.

Это едва заметно, но хорошо угадывается в натянутых мышцах шеи, губах, которые становятся чуть тоньше, когда она непроизвольно их поджимает.

— Это приказ, господин? - В глаза мне не смотрит, но все равно держится с достоинством.

— Это просьба, если тебе угодно. - «Хотя я мог бы и приказать - так было бы честнее».

Дэми выжидает, теревит край передника тонкими пальцами. Замечаю на безымянном длинную и еще свежую царапину. Она почти все время занята на строительстве. Ну, насколько это возможно, потому что у моих воинов есть четкий приказ: никто кроме халларнов не должен заходить дальше обозначенного барьера. Меры предосторожности от всего, включая и людское любопытство. И, конечно, возможные диверсии. С этих северян станется разворотить все, на что я трачу силы, ресурсы и, самое главное и единственное, что для меня стоит дороже всего - время.

— Я должна помочь на кухне, - наконец, говорит моя невеста.

— Очень вежливая попытка сказать, как тебе омерзительно сидеть со мной за одним столом, - усмехаюсь я.

Дэми поднимает взгляд и несколько секунд мы просто смотрим друг на друга.

Понятия не имею, о чем она думает, хоть еще вчера читал ее, как открытую книгу. Видел все оттенки ненависти, злости, унижения и негодования. А сейчас там вообще ничего.

— Ты можешь приказать, господин, - как будто читает мои мысли она. - Ты здесь всему хозяин.

— Я знаю, кошка, и без твоего напоминания.

Желание разговаривать с ней пропадает напрочь.

Если останусь - обязательно сделаю ей больно.

А мне бы не хотелось сломать ее до того, как я выполню задуманное. Иначе все старания насмарку.

— Меня не будет какое-то время, - говорю уже спиной, когда иду прочь из тесной и пропахшей терпкими пряностями кухни. - Постарайся сделать так, чтобы по моему возвращению мне не было за что тебя наказывать.

Для всего остального у нас будет первая брачная ночь.

Не потому, что блюда какие-то глупые законы дикой страны. Хочу сделать это для собственного удовольствия. Чтобы хоть что-то в моей серой жизни было сделано правильно.

Я вернусь. Должен вернуться. Иначе и быть не может.

И уже потом отымею мою ненаглядную до состояния, когда она не сможет ни стоять, ни нормально ходить.

— Это какие-то важные дела твоего императора? - чуть повышает голос, чтобы я наверняка услышал. - Что-то... опасное?

Ради такого даже вернуться не жалко, хоть обычно я не реагирую на все эти женские «перепады настроения».

Но в этот раз должен собственными глазами увидеть то, что, как мне показалось, сквозило в ее голосе. Предательская дрожь, выдавшая ее с головой, вопреки совершенно безразличным глазам.

Она стоит все там же - за столом, но на этот раз крепко держится пальцами за столешницу. Так крепко, что даже костяшки побелели. И на щеках, обычно бледных, темные пятна румянца.

— Просто очередной вылет по делам. На несколько дней, возможно, больше. - Усмехаюсь, разглядывая ее лицо. Не может быть, что бы мне показалась эта странная тревога. - Будешь молить богов, чтобы там, где я буду, северные мечи наделали во мне побольше новых дырок?

Дэми моргает.

Как будто вдруг просыпается ото сна.

И спокойно, даже с улыбкой переиначивает:

— Буду молить их, чтобы ты свалился со своего чудовища головой вниз и сдох, не успев достать меч из ножен.

Значит, правда показалось.

— Что ж, - развожу руками, - по крайней мере у моей жены есть хотя бы одна безусловная добродетель - она до невозможности честна. Спасибо, кошка, я буду осторожнее.

На всем Севере нет человека, кому бы моя смерть была отраднее, чем ей.

И так будет всегда.

Хорошо, что мне плевать.

Перед отбытием подробные инструкции оставляю только гарнизону замка.

Но и они не знают, как долго я буду отсутствовать.

Я не испытываю к этому месту даже намека на теплые чувства. Красный шип – просто удобный форпост для моих планов и нужд армии. Как и Дэми. Мы все инструменты, работающие на благо империи. Даже я сам, хоть Эр и называет меня своим братом.

Перелет занимает много времени. Гораздо больше, чем во время мой прошлой ночной вылазки на «охоту». Приходится несколько раз останавливаться, чтобы банально отдохнуть. Я привык к долгому пребыванию в седле, но предел есть для всего. К тому же будет глупо добраться до Храма Костей настолько измотанным, чтобы оказаться не в силах перешагнуть порог Великого Треугольника.

Постепенно климат вокруг меняется, становится мягче, теплее, более влажным. Несколько раз даже попадаю в сильный ливень, но непогода не может помешать мне двигаться дальше. Дракон в состоянии ориентироваться по собственным правилам, которые называются алгоритмами. Он видит те ориентиры, которые не доступны взгляду простого смертного. Порой мне кажется, что даже халларнские инженеры, которые создают эти крылатые машины, не до конца понимают, как именно работают их сложно настроенные механизмы.

Храм Костей находится далеко на юге, в Проклятых горах. Многие годы в этих местах бесследно пропадают люди и животные: пастухи с отарами овец, одинокие пилигримы, целые обозы. Ни крови, ни признаков схватки. Возвращаются единицы: искалеченные, изуродованные, не помнящие собственного имени и вконец обезумевшие.

Я закладываю вираж и приземляю дракона на просторной площадке перед ничем не примечательной пещерой. Здесь нет никаких знаков и символов, нет магического пламени, нет даже охраны.

Как же давно я здесь не был, а ничего не изменилось.

Внутри царит извечный полумрак.

Пещера освещается магическими шарами – алыми сгустками, висящими прямо в воздухе и лучше любого живого стража хранят неприкосновенность сердца халларской тайны. Сначала начинают сползаться в мою сторону, но быстро теряют интерес. Я уже был здесь, ничего нового.

Именно в этом месте в давние времена Заклинателями костей была открыта дверь в неизвестное. Дверь, открытая до сих пор. Несмотря на многие годы изучения, мы все еще очень мало знаем о тех, кто обитает по ту сторону. Мы научились ловить то, что живет по ту сторону и даже ненадолго это приручать, но до сих пор не умеем поработать полностью.

Иначе, я не был бы Обреченным.

— Генерал... - из полумрака появляется закутанная в черное фигура. – Мы ждали вас.

Приветственно склоняю голову, протягиваю меч и кинжал.

По ту сторону физическое оружие бесполезно, и будет только мешать.

— Ваш камень, - протягивает темный кристалл неправильной формы, шероховатый и потертый.

Это очень редкая разновидность кварца, закаленная в черном пламени и не имеющая цены.

Каждый Камень костей – бесценный артефакт.

Я иду дальше, в самую глубину пещеры. Здесь есть место, чтобы оставить всю одежду. Сквозь Великий Треугольник может пройти только кровь и плоть. Впрочем, я – исключение. Потому что одна из моих рук не принадлежит мне. А еще потому что в моей груди живет то, что родом как раз с той стороны. Но именно этот симбиоз позволит мне сделать туда шаг.

Перед Великим Треугольником сидят пятеро в черном. Я уже слышу их глухие напевы, чувствую вибрацию воздуха, еле ощутимое дуновение ветра, которого здесь нет.

Ждать недолго.

Постепенно напевы становятся громче, поднимаются до уровня настойчивого гула. Я не понимаю ни единого слова их песен, но чувствую, как непроизнесенные слова пробираются мне в голову, копошатся в сознании, извлекая на поверхность случайные образы из моего прошлого. А может быть, и не моего. В этом месте ни в чем нельзя быть уверенным и ничему нельзя верить.

Над Треугольником, над его вершиной, алым росчерком загорается первый луч.

Несколько долгих мгновений – и в темноте над Треугольником вспыхивают еще два луча.

В бесконечной сердцевине Треугольника появляется едва различимая алая точка. Она пульсирует и растёт, растекается по темноте словно кровавая рана

Пора.

Я не чувствую собственного тела, не чувствую твари в своей груди, не чувствую ничего. Чувствую лишь пульсацию алого свечения внутри Треугольника. Она манит меня.

Я делаю шаг - и перестаю существовать в любом из миров.

Чтобы возродиться в Тени.

Глава тридцать седьмая: Тьёрд

Сложно объяснить, что такое Тень.

Она не похожа ни на что.

Это даже не мир – это состояние материи, постоянно изменяющейся и перетекающей из одной формы в другую. Здесь, задрав голову вверх, можно с легкостью разглядеть убегающую в искривленную даль дорогу, или небо под ногами, или океан над головой.

Здесь повсюду ловушки, выглядящие как обычные и привычные смертным вещи.

Ручей, который может задушить. Гора, которая может растоптать.

Облака, в которых можно блуждать целую вечность и даже не знать об этом.

В Тени нет смены дня и ночи. Здесь вообще всегда одинаково светло... или темно – как придется и как захочется здешнему Хаосу. Иногда достаточно взгляда мельком, чтобы рассмотреть каждую деталь в каменном каньоне, расположенном на самом горизонте. А бывает, не видно даже собственных ног.

А еще в Тени очень тяжелый воздух. Он густой и почти осязаемый, плотный настолько, что можно потрогать пальцами. Поэтому легкие как будто наполнены наполовину водой. Это тяжело объяснить, если никогда не испытал на собственной шкуре.

Но и мне, человеку, который привык жить с болью, это ощущение совсем не по душе.

Я закрываю глаза и пытаюсь сосредоточиться, чтобы найти Темную. Никогда не видел свою добычу и ничего о ней не знаю. Но должен найти ее в этом изменяющемся безумии. Я настроен на нее. Кел'исс, когда «чинил» меня в Красном шипе, рассказал моей крови, что и как мне следует делать. Не знаю, как сказать точнее. Заклинатель костей вскрыл мне запястье и что-то долго над ним шептал, пока черная кровь капала на каменный пол. Тогда я ничего не почувствовал, зато прекрасно чувствую теперь.

Меня тянет в сторону горных вершин, растущих прямо с неба.

Там, среди острых утесов, вокруг которых ведут танцуют молнии, засело нечто, взывающее к моей крови.

Я иду на зов.

У меня под ногами, как по волшебству, расстилается мощенная костями дорога.

Каждый шаг по ней – все равно что по раскаленным углям. Меня прожигает от стоп и до самого затылка. Боль такая, что впору вопить и по частям выплевывать собственные легкие.

Я много знаю о пытках, мне известны способы, как сделать, чтобы человек рассказал все, предал всех, отрекся от всего. Боль такая сильная, что я, пожалуй, много бы чего ей порассказал.

Но Тень ни о чем не спрашивает.

Говорят, она всегда была рядом с моим родным миром. Всегда двигалась с ним бок о бок, иногда прорываясь через тонкий барьер и устраивая всплески в реальности. Все, до кого Тень когда-либо добиралась – здесь. Они не живые и не мертвые, они пленники вечных непрекращающихся мук, смотрят на меня сразу отовсюду пустыми глазами с сотен призрачных лиц. Они что-то кричат, о чем-то просят и умоляют.

Им нельзя поддаваться, нельзя сходить с костяной дороги.

Иначе я стану одним из них.

Я запрещаю себе думать и чувствовать. Получается не очень, потому что невидимые угли под ногами продолжают вытравливать из меня даже не силы – остатки проклятой души. Когда-нибудь, когда Тьма в моей груди возьмет верх, она утащит меня в эти земли. Это не мой мир, но я обречен возвращаться в него снова и снова, чтобы однажды остаться здесь навсегда.

Зов Темной становится громче, и я прибавляю шаг. Наверное, со стороны больше похож на обгорелый труп, поднятый на ноги злым колдовством. Сам себя не вижу.

Быстрее, еще быстрее. Пока легкие не разорвались от напряжения, а мышцы не полностью сгорели на растрескавшихся костях. Бегом к той, кто уже знает о моем приближении и ждет с кривой

ухмылкой на бездушном слепом лице. Ей не нужны глаза, чтобы знать обо мне. Мы связаны невидимой цепью – и сама Тень притягивает нас друг к другу.

Когда по небу начинают расходиться кровавые молнии, я понимаю, что почти добрался.

Потом горные пики, которые только что смотрели на меня сверху вниз, опрокидываются, оказываются у меня под ногами, и я чуть не лечу вниз, в пропасть, которая образуется под моей правой пяткой.

Для меня исчезает понятия неба и земли, верха и низа. Я падаю в бесконечное кипящее месиво из камня, льда, воздуха и какой-то кислотной дряни.

Здесь не выжить ничему материальном.

И даже я уже медленно таю, превращаясь в ничто.

Неясная тень возникает передо мной прямо из ниоткуда.

Вышла встречать меня, как дорого гостя.

Ее пылающие ненавистью глаза, наполнены поглощенными Тенью душами. И сейчас она как раз собирается сожрать еще одну – мою. Наверное, самую желанную из всех, потому что я приправлен этим местом, как изысканный десерт.

Зло ухмыляюсь и делаю еще один шаг.

Тень обретает очертания. Она огромная, тяжелая и могучая. Ее голова – нагромождение костяных наростов разной величины и формы, покачивается на тонкой шее.

Она полусует меня взглядом, заставляет согнуться в коленях, чтобы, наконец, упасть.

Смакует триумф. Нашпиговывает мою башку образами и всеми оттенками своего удовольствия.

Как будто я не знал, что все равно не смогу ей сопротивляться. Это в мире живых, я – потрошитель и убийца, бессмертная тварь, уничтожающая все живое мечом и мыслью. А здесь – просто пыль под ногами этой твари.

Она не убила меня до сих пор лишь из любопытства – почему, хоть я и чужак, от меня все же пахнет этим местом. Почему я, мелкая тщедушная тварь, пахну так же, как они.

В поисках ответов Темная касается моего разума.

Еще мгновение – и моя воля будет порабощена.

Я с трудом заглушаю собственный вой, а потом, соскребая остатки сил, выставляю перед собой Камень костей.

Он недвижимо и мертво холодит ладонь. Не подает признаков жизни.

Келлис'с не мог ошибиться. Он не из тех, кто...

Кристалл наполняется жаром откуда-то словно из собственного нутра.

В сторону Темной ударяет тонкий алый луч. Второй, третий, четвертый, пятый.

Она поднимается на задние лапы и пытается освободиться от огненных сетей, но они только сильнее стягиваются вокруг огромного тела.

«Моя», - чувствую солоноватый привкус собственного триумфа.

Темная бьется потоках, пытается вырваться с яростью обезумевшей стихии. Теперь не я – она стала жертвой. И это изуродованное место не в силах мне помешать. Остатков плоти на моих костях достаточно, чтобы удержать Камень костей.

Темная уменьшается до размеров зародыша.

Все еще кричит и воеет, но Камень всасывает ее внутрь, словно живой организм.

Дело сделано.

Прикрываю глаза и мысленно рву нити крови, одерживающие меня в этом мире.

Прости, Тень, но не в этот раз.

Ты обязательно получишь меня. Имей немного терпения.

Я еще не готов.

Глава тридцать восьмая

Я едва узнаю Тьёрда, когда он снова возвращается в Красный шип спустя несколько дней.

Я видела множество ран: видела воинов со вспоротыми животами и с отсеченными конечностями, видела, как жены убиваются над телами своих изувеченных мужей, отцов и сыновей. Я и сама проводила в последний путь много воинов. Но ни один из них, даже ступив обеими ногами к богам, не выглядел таким мертвым, как мой будущий муж, когда его дракон приземляется во внутреннем дворе замка.

Тьёрд едва не падает, спускаясь по стальному телу дракона. На нем нет ни одной новой раны, по крайней мере, я не вижу ни одной под рвущейся на ветру белой сорочкой. Сегодня морозно, с неба падают колючие снежинки, а моему будущему мужу нет до всего этого никакого дела. Он словно не понимает, где находится. И я даже не уверена, что узнает меня, когда я спешу ему навстречу.

Алый взгляд словно потух.

Ноги заплетаются, и я едва успеваю подставить плечо, прежде чем генерал опирается на меня, принимая помощь. Хоть обычно брезговал этим, и нарочно отмахивался от любой помощи.

Не хочу думать, почему, вместо того, чтобы добить чудовище и избавить мой народ хотя бы от одного узурпатора, помогаю ему идти.

Что изменит его смерть? Вряд ли халларны перестанут терзать скалу под фундаментом замка. И все, что они оттуда поднимут к поверхности, сделает имперскую армию еще сильнее. Наверное, я самая слабая и никчемная из всех северян. Потому что, получив возможность всадить нож в спину захватчика, вместо этого помогаю ему дойти до безопасного убежища замковых стен.

Спиной чувствую десятки непонимающих взгляды обитателей замка.

Мне даже не надо гадать, о чем думает каждый из них.

— Надеюсь, все приготовления к свадьбе на исходе, - тихо говорит Тьёрд, но в его голосе явно слышится насмешка.

— Что? Какие приготовления?

Судорожно пытаюсь вспомнить, отдавал ли он перед отбытием какие-то указания на этот счет.

Нет. Точно нет! У нас назначена дата - да. Но в Красном шипе было слишком много дел, чтобы тратить драгоценное время на приготовления к пустым и, в сущности, никому не нужным обрядам. Тьёрд и так хозяин замка, и всего, что лежит за его пределами.

А соседние кланы, проведи мы хоть сотню обрядов, все равно никогда не согласятся склонить перед ним голову и не признают своим ярлом. Кто-то из их представителей обязательно прибудет на свадьбу, но все понимают - это точно не добавит захватчиком любви северян.

— Только не говори мне, что боги обделили тебя долгой памятью - и ты забыла, что вскоре станешь женой убийцы и кровавого тирана. - Удивительно, как ему даже полуживому не отбило охоту издеваться надо мной.

— Помню, - огрызаюсь в ответ. - К сожалению, боги не были со мной настолько милосердны.

— Так в чем дело?

Я останавливаюсь, и все мои мысли о том, как бы не дать этому монстру умереть на пороге Красного шипа, превращаются в безумие, которому я почему-то поддалась.

Что же такое в моей голове, что я просто не могу сделать то, что должна?

Мой отец, моя мать не минуты не колебались бы.

— Дело в том, - даже не скрываю негодование, - что Красный шип находится в плачевном состоянии. Спасибо, что чудовища, пришедшие с твоими людьми, не обрушили весь этот старый камень нам на головы, но мы все равно живем в страхе, что это может случиться в любую минуту. Ресурсы замка недостаточны, чтобы за такой короткий срок восстановить хотя бы то, что едва не разваливается на глазах. Стены крошатся, весь фундамент в трещинах, амбары нужно латать, потому что зерно прогнивает, а то, что остается, сжирают мыши и крысы, и растаскивает ворье! И если со всем этим мы кое-как можем справиться, то вниз нас не пускают. Знаешь, почему? Потому что я не хозяйка в собственном доме! Ты хочешь, чтобы я готовилась к свадьбе, но я вот уже который день пытаюсь выпросить у твоего инженерного корпуса высокого соизволения разрешить

мне спуститься в подвалы. В мои подвалы. Как мне что-то делать, если ты, халларнский потрошитель, связал мне руки и ноги, и пинаешь, словно грызуна?! Я можешь заставить меня быть твоей... любовницей, - слово горчит на языке, но я все равно продолжаю, - можешь приказать усладить твой слух пением и прочей дурной бесполезной шелухой. Можешь приказать подавать тебе еду, мыть твои ноги и даже подтирать тебе зад! Но как мне стать хозяйкой в твоём доме, если ты держишь меня на короткой привязи?!

Я резко осекаюсь.

Отступаю на пару шагов.

Я орала на него при всех? Откровенно глумилась над ним? Показывала непослушание?

На виду у всех?

По позвоночнику ползет ледяная змея ужаса.

Что я натворила?

За это Тьёрд просто сломает мне шею. Прямо сейчас. Даже не будет изощряться и выдумывать более злой способ отправить меня к богам.

Как же страшно взглянуть на него, но приходится, потому что халларнец жесткой хваткой за подбородок заставляет меня задрать голову и смотреть прямо ему в глаза.

Алый взгляд снова там: колючий и обжигающий одновременно.

Он зол.

Он очень зол, потому что его эмоции хлещут наотмашь, словно плетка.

В один шаг становится впрытк ко мне. Раздумывает. Медлит и выжидает.

Это хуже любой пытки.

Уж лучше бы просто убил.

Генерал чуть подается вперед.

Я слишком поздно угадываю его замыслы, поэтому даже не могу сопротивляться, когда оказываюсь на его плече, переброшенная, как мешок с мукой.

Он же едва волочил ноги мгновение назад?!

— А ну отпусти меня! – Колочу кулаками по широкой спине, но ему плевать. Уже твердой походкой шагает вверх по ступеням. – Отпусти меня, чудовище!

Ничего – я как будто разговариваю со стеной.

Мой будущий муж заходит в замок, пересекает большой зал и ступает на первую ступень лестницы.

Он, что, потащит меня наверх?!

— Пусти! – ору что есть силы. – Что ты за варвар такой!

Только короткая ухмылка, тишина в ответ и порывистое дыхание в такт каждому шагу. Ему тяжело, ему правда очень тяжело. Ну, нельзя же быть таким тупоголовым бараном! Зачем ломиться в закрытые дубовые ворота, если точно знаешь, что их не откроют?

Тьёрд доходит до моей комнаты, бьет рукой по двери, и она с грохотом отлетает к стене, разваливается на доски, словно бумажная.

Заходит внутрь и почти бросает меня на кровать. Мгновение наблюдает за моими попытками сесть и одернуть юбку. Потом делает шаг в сторону, опирается рукой о стену и тяжело опускается на стоящий поблизости мягкий стул.

Кажется, ему даже сидеть больно.

— Ты забываешься, - говорит глухим голосом, в котором совсем нет жизни.

— А ты знал, кого брал в жены, - пытаюсь быть смелой, но внутри вся дрожу.

Таким мертвым и чужим не видела его никогда. Как будто вернулся какой-то другой человек, еще

более мертвый, чем тот халларнский потрошитель, каким я его знала до отбытия.

Тьёрд усмехается, ворочается, пытаясь выбрать удобную позу, и только спустя минуту садится своим излюбленным образом – вытянув длинные ноги, запрокинув голову на спинку. Но на этот раз смотрит на меня из-под опущенных ресниц. Не пристальнее обычного, но я боюсь пошевелиться.

Улыбается, скаля белоснежные зубы.

— Ты даже не представляешь, сколько раз спрашивал себя – правильно ли поступил.

— Нашел ли ты ответ? – Боги, я же боюсь его очень сильно, но все равно продолжаю нарываться.

Почему? Зачем? Мы ведь можем просто... разговаривать, а не кидаться друг на друга, словно стравленные волчьи псы.

Ответ очевиден и прямо на поверхности, но я нарочно отмахиваюсь его. Продолжаю не замечать. Делать вид, что его не существует, как не существует солнца на небе и воды в озере.

Я не хочу между нами мира.

Потому что он мне не муж и даже не защитник. Он – убийца и правая рука Тирана, исправно выполняющая свое кровавое предназначение. Об этом нельзя забывать никогда, иначе чем я лучше Намары, готовой облизывать халларнам ноги за каждую их подачку.

Эти чудовища дают лишь одной рукой, а второй убивают.

Не забывай об этом, Дэми. Никогда не забывай, даже если одному из них неплохо удастся носить маску человечности. Люди не вторгаются в чужие земли. Не жгут чужие дома, не убивают тех, кто с оружием выходит защищать семью и кров. Так поступают лишь монстры.

Когда Тьёрд поднимает голову и добродушно улыбается, я уже вполне владею собой и в состоянии сдержать непроизвольное желание улыбнуться в ответ. Пусть тогда и он не забывает, кто перед ним: не милая покорная женушка, а гордая дочь Севера. Пусть и он всегда будет начеку.

— Я решил, что преподам тебе урок уважения, женщина, – как будто и не замечает моей злости в ответ. – Видимо, в ваших диких краях для мужчины считается незастыдным прятаться за женскую юбку и подмахивать каждый раз, когда ей в голову ударят дурные дни.

— Что?! – моему возмущению нет предела. – С каких пор уважение и доверие успели стать признаками подмахивания?! Ты из ума выжил, халларнец?

— Правильно, – ухмыляется он. – Уважение. Что-то не заметил его в твоих словах там, во дворе. Кажется, только безрукий слепец не показывал на меня пальцем и не плевал мне вслед.

— Ты это заслужил. – Хотя, конечно, нет. Я сорвалась зря.

Потому что на мгновение мой разум помутился, и я представила свою жизнь без него.

Рядом с другим халларнем, которого Император пришлет взамен этого.

И на еще одно мгновение после мне стало больно от этой мысли.

Хорошо, что теперь я владею собой и мне плевать, кто это будет – красноглазый полудохлый монстр или кто-то вроде Келлис'а

— Я бы с удовольствием начал твоё обучение прямо сейчас, – продолжает Тьёрд, – но, увы, впервые в жизни вынужден отказать женщине в её притязаниях на мое тело.

От осознания смысла его слов, меня бросает в краску: от злости и негодования.

Нет никакой другой причины, даже если заметив мои горящие щеки потрошитель лениво смеется.

Он ведь намеренно заставляет меня краснеть и возмущаться. Когда я в гневе – я теряю контроль и тогда из меня лезет то, что лучше похоронить еще в зародыше.

Клянусь сама себе больше не раскрывать рот и не провоцировать его на все эти намеки.

В конце концов, рано или поздно ему надоест.

— Не беспокойся, господин, – смиренно встаю с кровати. – У меня и в мыслях не было потревожить твой покой своими притязаниями. К счастью для нас обоих, ты для меня не мужчина, а я для тебя – не женщина.

— Что за чушь ты несешь? - Он морщится, но все-таки подается вперед. - Я не был достаточно убедителен в том, что для меня ты очень даже женщина? Или ты просто нарочно дразнишь меня, кошка?

— Я для тебя лишь средство, - пожимаю плечами, отступая к двери. - И ты для меня тоже.

Это моя комната, но если ему угодно - пусть отбирает и ее тоже. Находиться с ним рядом просто невыносимо. Если придется - пойду спать на солому, в сарай. Даже на голую землю лягу с большим удовольствием, чем в одной с ним комнате.

— Стоять, - холодно приказывает генерал, когда я уже почти у двери. - Снизойди до меня, женщина, поделись, что я за средство такое и как ты меня используешь. Потешь любопытство немощного. И сделай это лицом, а не задом. Поверь, нагнуть тебя для более интересного вида я вполне в состоянии даже стоя одной ногой в могиле.

Я мысленно проклинаю каждый миг, когда думала, что в нем есть хоть что-то человеческое. И обещаю себе вспоминать этот разговор всегда, когда мне снова померещится, что в нем есть добро.

Поворачиваюсь к нему.

С трудом, но выдерживаю взгляд глаза в глаза.

— Ты средство чтобы выжить, - холодно, мысленно гордясь собой, отвечаю я. - И сохранить замок. Не уверена, что новый хозяин будет так же... «бережно» к нему относиться.

— То есть я меньшее зло? - Он больше не улыбается.

— Так было, есть и будет, халларнский потрошитель.

Он снова откидывается на спинку кресла, лишая меня удовольствия увидеть погасший в его глазах триумф. Удовлетворюсь тем, что больше он не будет думать, будто я хоть на секунду забуду кто мы и по какие стороны войны находимся друг от друга.

— Спасибо за разъяснения, кошка. Я ценю твою честность более всех прочих твоих хороших качество. Но будь добра в следующий раз, если не хочешь, чтобы твоя жизнь резко усложнилась, больше никогда не позволять себе выходок подобно той, что исполнила сегодня. С глазу на глаз, мне лично, говори все, что считаешь нужным. Это понятно?

— Да.

— Да?

— Да, господин.

— Хорошо. Дальше: ни ты, ни твои люди в раскоп не спустятся - это слишком опасно. Но я прослежу за тем, чтобы фундамент был укреплен самым надежным образом. То же самое касается стен и прочего. У тебя есть день, чтобы собрать и предоставить мне всю необходимую информацию о наших проблемах.

«Наших?»

— Да, господин. - На сегодня мне хватит войны. Сказать «Да, господин» куда проще, чем нарываться на словесные тумачи.

— К нашей свадьбе все должно быть готово. Не хочу, чтобы какому-нибудь важному гостю на голову свалился булыжник. Говорят, это плохая примета.

— Тьёрд, ты плохо выглядишь, - нарочно обращаюсь к нему по имени. - Стоит ли сейчас говорить о свадьбе? Ты только что укорил меня в глупости. Я согласилась с тобой и скажу это с глазу на глаз: гостям нельзя видеть своего генерала обессиленным и бледным. Это вызовет ненужные вопросы и пересуды.

— Ну а твои соплеменники заодно решат, что пришло время реванша. - Его глаза сужаются, как будто он даже рад таким выводам. Но расслабления и теплоты в голоса нет и в помине.

Даже боги мертвого мира не ведают, что творится в этой безумной голове.

— Да, - отвечаю на его незаданный вопрос. - И снова прольется кровь.

— Тогда тебе лучше позаботиться о том, чтобы она не испачкала твое свадебное платье, потому что никаких переносов не будет. Мне нужно несколько дней, чтобы прийти в себя. А потом, поверь, ты запросишь пощады, чтобы иметь возможность хоть ненадолго выбраться из моей постели. Если,

конечно, захочешь из нее выбираться.

Я чувствую, что снова краснею и поэтому быстро вылетаю из комнаты под сопровождение его громогласного хохота.

«Мерзкий халларнец! Тебе придется хорошо постараться, чтобы удержать меня там не силой и принуждением...»

Глава тридцать девятая

Белое с серебром платье аккуратно разложено на постели.

Рядом так же аккуратно разложена накидка из меха серебряной лисы, настолько безупречно пушистая и сшитая, что я даже мысленно не берусь угадать, сколько она может стоить.

Чуть в стороне от всего этого – тяжелый пояс из черного серебра и красного золота, украшенный гладкими, словно маслянистыми камнями и острыми сколами горного хрусталя.

— Хозяин очень старался тебе угодить, господа, - говорит Баса, со стороны разглядывая мой свадебный наряд.

— Твой хозяин очень хочет, чтобы его кукла выглядела богатой и пригожей, - тут же огрызаюсь я, на этот раз даже не скрывая раздражения.

Через несколько часов я стану женой халларнского Потрошителя.

Принесу клятвы сперва перед северными богами, а потом – по халларнскому обычаю, о котором ничего не знаю, потому что скорее бы откусила себе язык, чем пошла к Намаре справиться, к чему следует быть готовой и что следует отвечать. Если, конечно, в халларнских традициях присутствует хоть что-то, что позволяет женщине открыть рот.

И все-таки платье столь прекрасно, что маленькая девочка во мне, которую отец с детства баловал красивыми нарядами, не может сдержать восторг от предвкушения надеть что-то подобное. Вероятно, созданное в единственном экземпляре.

Жаль, что вся эта красота пропадет зря.

Не с моим дурным настроением радоваться подобной «щедрости».

Я провожу кончиками пальцев по выпуклой тонкой вышивке, наслаждаюсь покалываем настоящих серебряных нитей. Немного откидываю край юбки. Скорее случайно, чем намеренно.

И замечаю под ней что-то очень тонкое и почти прозрачное.

Похожее на... чулки?

Я видела такие только на гравюрах в срамных книгах, которые пару раз находила в комнате Намары, когда сестра приказывала убираться за ней, будто какой-то служанке.

Сперва одергиваю руку, а потом, чтобы убедиться в своих худших предположениях, кончиками пальцев убираю один чулок в сторону.

Под ним почти такие же прозрачные трусики размером...

Помогите мне боги, они едва ли больше моего носового платка!

И в пару к ним – тонкая то ли сорочка, то ли то, что так и не стало сорочкой, потому что едва ли прикроет даже пупок.

Все это настолько... непристойно, что румянцем заливаются даже Баса, хоть ей наверняка не привыкать. Лишь через минуту до меня доходит, что это румянец обожания. Боги, она бы и в правду хотела одеть на себя что-то подобное?!

— Принеси мое нижнее, - приказываю ей, но в ответ служанка только очень энергично мотает головой. – То есть, ты отказываешься?

— Хозяин приказал, чтобы каждая вещь, которую он передал, была сегодня на тебе, госпожа. Даже нарочно сказал, что пересчитает все, вплоть до пуговицы и пряжек на сапогах. Я бы не стала гневить его бессмысленным упрямством. Тем более... когда все это так красиво, что дух захватывает.

Меня захватывает только злость, которая закипает в груди и с большой неохотой оседает на дно желудка.

Возможно, он сделал это нарочно?

Чтобы прямо у алтаря проверить, насколько послушна его жена.

И при всех гостях, среди которых будет сам Император, провести демонстрацию укрощения непокорной дикой северянки.

Это же Тьёрд. Сами боги не ведают, что за бесы живут в его голове - и какие планы он вынашивает. Я бы не удивилась, вздумай он заколоть меня сразу после обряда, чтобы стать мужем и тут же овдоветь на радость своему императору, желавшего ему куда более покорную и сговорчивую жену.

Я мысленно уговариваю себя вспомнить, что подыгрывать врагу - это вовсе не обязательно измена.

И что раз боги наделили зверей искусством маскировки, то не станут порицать свое северное дитя за необходимое притворство.

— Помоги мне, Баса. - Все еще очень смущаясь, развязываю шнуровку домашнего платья. - Раз твой хозяин желает, чтобы его жена пошла к алтарю в этом - кто я такая, чтобы с ним спорить?

Служанка, кажется, выдыхает с облегчением.

На сборы уходит почти два часа. Там подтянуть, тут подправить, правильно разложить складки юбки, дать тяжелому поясу устроиться на бедрах. Потом еще прическа, и Баса устраивает с моими волосами и лицом настоящее шаманство, потому что когда гляжусь в зеркало в следующий раз, оттуда на меня смотрит красивая молодая северянка с идеально чистой кожей и высокой прической, украшенной тем самым гребнем, который я когда-то в сердцах швырнула ей в лицо.

На глаза наворачиваются слезы.

Я бы хотела пойти вот такой к алтарю. Даже в самых волшебных снах не могла представить себя настолько прекрасной, как сейчас.

Только все это растопчет нога бессердечного захватчика.

И плевать ему на фантазии девушки, которая до сих пор верит в любовь и справедливость.

Еще через полчаса за нами приходит пара воинов, чтобы сопроводить к месту проведения обряда. Я послушно следую за ними, стараясь не смотреть по сторонам: слуги боятся даже шептаться вслед «предательнице», но даже Тьёрд не может заставить «замолчать» их осуждающие взгляды. Впрочем, далеко не все они осуждающие, во многих я замечаю обычное человеческое сочувствие. И мне становится чуть теплее. Потому что все мы знаем - наши жизни ничего не стоят на весах захватчиков. Смелчаки, не сумевшие побороть собственную гордость, большей частью отправились к праотцам. Я понимаю их и оплакиваю. А оставшиеся в живых затаились, но не покорились. Надеюсь, они понимают, что я вынуждена поступать так, как поступаю. Надеюсь, моей жизни хватит, чтобы увидеть, как скрытые до поры мечи и топоры моего народа вновь обогрятся кровью врага, но не сейчас - позже, когда мы будем готовы. А пока... пока надо терпеть и ждать.

Место, где будет проходить церемония, находится в небольшой роще за замком.

Именно туда меня сопровождают воины, и именно туда тянется тонкая цепочка работников и служек, которых в последнее время в Красном шипе стало довольно много. Даже немного странно, что Тьёрд этого не заметил. Тут новый конюх, тут у конюха новый помощник, поваренок на кухне к тем двум, что уже и так помогают мне и кухарке справляться с едой для прорвы халларнских работников.

Но генерал в последние недели дома почти не был.

А когда приехал... После того разговора единственный раз, когда мы сталкивались лицом к лицу, был вчера утром, неподалеку от места раскопок, куда я принесла работникам бурдюк с подогретым бодрящим напитком из морозных ягод и с добавлением смеси трав, которая, как секретный рецепт, из поколения в поколение передается в нашей семье.

Тьёрд кивнул мне и снова вернулся к какому-то очевидно очень важному разговору со своим инженером.

Так что, когда приближаюсь к алтарю, испытываю странное чувство тянущей боли и радости одновременно.

Они стоят там все втроем: Император с белоснежными волосами, Заклинатель костей со своей неизменной мягкой улыбкой истинного садиста, и мой будущий муж: в полных черных доспехах, начищенных до состояния матового стекла, но все еще кое-где заметно поцарапанных. На руках у него тоже перчатки - стальные, с острыми когтями на кончиках пальцев.

Только его голова - единственное, что не защищено вороненой сталью, про которую говорят, что ее не пробить ничем и даже не помять, хоть это не так.

Келлис'с, замечая меня, бьет друга по плечу.

Тьёрд поворачивается.

Не знаю, что бы я хотела увидеть в этих темно-красных глазах.

Восторг? Восхищение? Уважение? Каплю признания того, что взять меня в жены вместо более молодой и красивой Намары - не такая уж и глупость?

Генерал лишь приподнимает бровь, ведет по мне взглядом снизу-вверх.

Ждет, пока подойду ближе.

Но первым подает голос вовсе не он, а Император, одного присутствия которого достаточно, чтобы у меня пересохло в горле. Он не делает ничего, чтобы испугать или подчеркнуть свой статус, но от него, как и от каждого в этой троице, исходит аура страха. Самая сильная из трех, как мне кажется.

— Пожалуй, Тьёрд, - говорит Император, пропуская меня вперед, чтобы стала около мужа, - я готов признать, что она весьма... хороша собой.

— Это все волшебство красивых тряпок и украшений, - лениво улыбается Заклинатель костей. - Любая дурнушка преображается, если ее отмыть, почистить и одеть во что-то дороже крестьянского платья.

— Когда церемонии закончатся, Кел, - Тьёрд протягивает мне руку открытой ладонью вверх, - напомни, чтобы я выбил тебе зубы за неуважительный тон в сторону моей обожаемой жены.

Я пересиливаю себя, вкладывая пальцы в стальную руку.

И стараюсь делать вид, что не замечаю улыбок на их лицах.

Глава сороковая

Первым слова благословения нашего союза произносит служитель северных богов.

Под старым деревом, перевязанным тремя разноцветными лентами.

Долго говорит о долге и о любви, о том, что северная женщина – оплот своего мужа.

О том, что когда в дом приходит беда, она не выбирает, кто будет выпроваживать ее вон.

Что жена при муже – его глаза и сердце.

Высоким голосом на древнем наречии вытягивает молитву, сжигая в каменной жаровне подготовленные метелки трав.

Пеплом чертит вокруг нас кольцо.

— Будешь ли ты, мужчина, любить и хранить верность своей жене? – спрашивает Тьёрда.

Генерал чуть склоняет голову набок, усмехается.

Для него все это – просто ничего не стоящая уступка, этакая подачка всем северянам, которым придется смириться с тем, что отныне он, нареченный богами, их хозяин и господин. Со всеми законными правами и притязаниями.

Но, конечно, все эти слова и клятвы, даже перед очами северных богов, для него совсем ничего не значат.

Но Тьёрд все-таки говорит:

— Да, буду.

Император и Заклинатель костей за его спинами одновременно переглядываются.

Для них это тоже просто слова.

Служитель поворачивается ко мне, повторяет вопрос.

И когда я непроизвольно тяну пальцы из ладони халларнского Потрошителя, он только еще сильнее их сжимает.

— Да, буду, - отвечаю сквозь зубы.

Темно-красный взгляд становится ярким, словно налитый самым кровавым рассветом, какой только может быть в этих краях.

— Видишь, кошка, ничего сложного. Ты моя, я твой, и вся эта белиберда, - он машет рукой, как будто говорит о курином помете.

— Ты ничего не понимаешь, - устало говорю я.

Желание огрызаться, сопротивляться и вести наши привычные пикировки напрочь пропадает. Остается только усталость и желание поскорее закончить все это.

Вторую часть церемонии, по халларнским традициям, проводит лично Император.

Наверное, мне полагается радоваться такому вниманию, но для меня это лишь один из многих мучителей, превративших мою землю в кровавое полотнище своих амбиций. Мы слишком разные с халларнами, чтобы испытывать к обрядам и верованиям друг друга какое-либо уважение.

Ничего красивого не происходит. Церемония отдает скорее подобием военного парада – так же пафосно и официально, разве что никто не марширует.

Ни капли чего-то духовного, обращенного к сердцу и душе.

Ни слова о верности и долге.

Зато с фанфарами, дружным гулом собравшихся халларнов и россыпью алых лепестков нам под ноги. Я даже не знаю, что это за цветы. Наверняка привезены специально откуда-то издалека, так как в моих краях до сих пор лежит снег.

Только когда наши с генералом ладони надрезают тонким стилетом, складывают в крепкое

рукопожатие и фиксируют парой стальных браслетов, Император, обращаясь ко мне, говорит:

— Отныне этот мужчина – твой муж. Он обязан кормить тебя, защищать, оберегать ваш дом и не давать покоя в супружеской постели. Запомни это и передай следующей.

Я икаю.

Непроизвольно, потому что...

Следующей?

— Какое славно неподдельное изумление, – снова лыбится Келис'с. – Тьёрд, ты забыл предупредить, что по халларнскому обычаю у мужчины может быть сколько угодно жен и наложниц?

— А должен был? – не без удовольствия разглядывая мою реакцию, спрашивает генерал.

Так вот зачем ему была нужна вся эта «благородная игра».

Собирается взять в жены еще и Намару?

Или, может, Басу?

Или любую другую женщину, которую захочет?

— А представь, что было бы, будь у тебя обе руки стальными? – продолжает издеваться Заклинатель костей, и Тьёрд прожигает его хмурым взглядом. – Взял бы бедняжку как постельную девку. А она бы думала, что жена – единственная и неповторимая.

— Заткнись, Кел, – уже очень жестко пресекает генерал.

Я все-таки выдергиваю ладонь из его пальцев.

Но только чтобы взамен Тьёрд тут же схватил меня за локоть и дернул на себя.

Резко и сильно, до боли в плече.

— Они просто шутят, кошка, – говорит тише, но все с той же насмешкой. – Мне в постели будет достаточно тебя одной. Абсолютно в этом уверен.

Я пытаюсь вырваться, но чем больше сопротивляюсь, тем сильнее сжимаются стальные кольца вокруг наших запястий. Возможно, это просто еще один фокус халларнских технологий, о которых я знаю ровно «ничего». Чем дальше друг от друга наши запястья – тем сильнее сила притяжения, буквально приклеивающая нас друг к другу.

— Я сниму их завтра, после первой брачной ночи, – снова пытается успокоить Тьёрд, и снова это звучит как издевка. – Чтобы моя дикая коза не ускакала из постели до того, как я буду готов ее отпустить.

— Зачем я тебе, Потрошитель? Ты же теперь здесь всему хозяин. Можешь взять себе новую жену. Следующую!

Смех за его спиной подсказывает, что я говорю это непозволительно громко.

И заливаюсь краской.

Стыда и злости.

Глава сорок первая

По традиции Севера, когда новобрачные направляются к месту пиршества, всю дорогу их преследуют короткие срамные песни. Считается, что таким образом молодая кровь, и без того готовая вскипеть от бушующего в ней желаний, должна лишиться новобрачных всякого терпения.

Помню, как вечность назад, когда нашу землю еще не топтал вражеский сапог, я присутствовала на нескольких свадьбах. Помню блестящий взгляд молодого мужа, который едва сдерживался, чтобы не сграбастать молодую жену и не утащить ее в их новый дом. Помню, каким милым румянцем заливалась юные северянки, как прятали глаза и трепали в руках подол свадебного платья.

Нам с генералом свадебных песен не поют. Мы просто идем вдоль выстроившихся в ряд людей – и под ноги летят несчастные алые лепестки. И мне даже жалко, что ради нашей свадьбы, абсолютно ничего не значащей и, по сути, никому не нужной, пришлось загубить столько прекрасных цветов.

Нет, это не похоже на похоронную процессию, скорее – на жертвенный обряд. Где в качестве жертвы выступаю я. Сама себе купила жизнь в обмен на собственные земли и содержимое их недр, а еще жизни людей из окрестных деревень. И мне становится тепло на душе, когда вижу пусть и редкую, но робкую поддержку в их глазах. Подобной поддержки во взглядах нескольких представителей северных племен мне не найти. Этих людей немного и их ни в коем случае нельзя считать представителями нашего гордого народа... но халларнам для проформы достаточно и таких – сдавшихся, решивших искать милости у врага. При всем при этом на меня они смотрят, как на грязь у себя под ногами. Отвечаю им самой радушной улыбкой, на которую способна. Пусть исходят желчью, они ничем не отличаются от меня.

Когда мы под руку входим в главный зал Красного шипа, тот уже залит светом множества свечей. По традиции халларнов на каждой свадьбе должен быть распорядитель – человек, который станет следить за соблюдением всех порядков, за выносом блюд и за тем, чтобы вино лилось рекой. Такой распорядитель у нас есть: я вижу этого человека второй раз в жизни и понятия не имею, чем он занимается, когда поблизости нет свадеб.

Он предлагает нам преломить праздничный пряный хлеб. Но прежде, чем мы это делаем, протягивает на выбор пару небольших горшочков, обвязанных белыми лентами и с закрытым горлышком.

— А теперь мы узнаем, будет ли жизнь новобрачных сладкой или соленой, - оглашает он зал.

— Давай, жена, покажи, какая ты удачливая хозяйка, - как будто даже весело улыбается Тьёрд. - Выбери посудину.

Пожимаю плечами и, не раздумывая, указываю на правую.

Тьёрд срывает прикрывающую горлышко ткань с пестрой вышивкой, отбрасывает ее на пол, потом подхватывает из указанного мной горшочка щепотку не то сахара, не то соли. Посыпает этим каравай и вгрызается в него зубами. Отрывается, жует, кивая головой.

Распорядитель предлагает укусить и мне. С аппетитом у меня совсем плохо, но небольшой кусочек я все же откусываю.

Сладко.

— Сладко! - тут же в полный голос поддерживает меня Тьёрд.

Не уверена, что во втором горшочке действительно соль, но пусть все порадуются.

— Знал, что ты у мен умница-хозяйка, - ухмыляется Тьёрд. Плюет на традиции и отламывает еще ломтик от пышного и теплого хлеба.

— А если бы насолила - прогнал бы прочь? - зачем-то огрызаюсь я.

Вижу, что он в хорошем настроении, весел и как будто даже счастлив. Зачем нарочно все порчу?

Ответ есть, и он очень простой.

Не хочу я вот такое «показушное счастье».

Боюсь... что на мгновение... забудусь и поверю.

— Ты зря ёрничаешь, - как и не замечает моей грубости Тьёрд. - Это очень древняя традиция. Из-за нее распалась не одна халларнская семья.

— Что за глупость - доверять свое счастье двум горшкам, - не понимаю я.

— У всех традиций есть свои корни и история. - Генерал делает жест и хлеб и горшки, наконец, уносят. - Хорошо, что у халларнов есть много жен. Одна уж точно выберет сахар.

Пожимаю плечами. Мне ли, дремучей дикарке, сомневаться в традициях просвещенного народа.

— На самом деле, - неожиданно охотно продолжает Тьёрд, - это вроде неофициального повода расторгнуть нежеланный брак. На самой церемонии никто согласия не спрашивал. Наши браки часто заключаются по обоюдной договоренности двух семей. Их собственное желание никого не интересовало. Так что... иногда молодые вот так выражали протест и несогласие.

— То есть если бы я сказала, что хлеб соленый... - предполагаю я.

— Именно, - не скрывает довольную улыбку Тьёрд. - Это был твой последний шанс, кошка. Странно, что не воспользовалась им. Я был уверен, что попытаешься. Хотя, конечно, кому какое дело до дремучих договоров.

Разумеется, я почти ничего не знаю о традициях халларнов. Побрезговала поговорить с Намарой, а, быть может, действительно следовало. Понятно, что не из-за этого каравая, но мало ли что полезное могла почерпнуть в ее знаниях.

— А как же многоженство? - спрашиваю неожиданно для самой себя. - Или это тоже родители переживали, что их отпрыску не хватит одной женщины?

— Многоженство - это для удовольствия и наследников, - отмахивается Хьёрд. А потом наклоняется ко мне, перехватывая за талию, чтобы не могла сделать и шагу назад. - Тебя это очень беспокоит, женушка?

Вместо ответа только фыркаю и отворачиваюсь.

Впереди нас ждет ответная традиция - северная.

Обычно в самом начале северного свадебного застолья, пока все гости еще уверенно стоят на ногах, молодые закладывают в дубовую бочку свекольное вино, чтобы вызревало и набиралось вкуса и градуса вместе с совместной жизнью молодоженов. Открывать эту бочку положено ровно через год, на первую годовщину.

Это мы и делаем. Хотя Тьёрд выглядит довольно комично, подозрением разглядывая темную густую жижу.

— Это точно можно будет пить? - интересуется в полголоса, как будто мы заговорщики и на пару замысливаем через год отравить всех гостей. А я даже представить себе не могу, как пройдет этот год. Да и протяну ли столько.

— Насчет изнеженных иноземцев - не уверена. Говорят, некоторых из них после одного глотка неделю несет по всем кустам.

— Очищение организма? Дело хорошее. А когда массовое, так еще и веселое.

Он что, шутит? Кровавый Потрошитель пребывает в столь приподнятом настроении, что изволит шутить?

Я закрываю ответную улыбку рукой, но в последний момент понимаю, что он все равно успел заметить.

Нас наконец-то приглашают к столу, и мы с Тьёрдом садимся во главе. Вернее, пытаемся сесть, потому что гости уже поднимают первые кубки за счастье молодой семьи. На Севере молодожены практически не принимают участия в застолье. Считается, что наедаться и тем более напиться перед первой брачной ночью - большой грех. Поэтому они просто сидят за столом, где для них есть только кислый клюквенный морс, чтобы не переедали. А вот гости веселятся на полную, едят и пьют.

Перед нами с Тьёрдом стол ломится от угощений. Здесь и северные блюда, и неизвестные мне - халларнские. Но мы вынуждены встать и поднять кубки в ответ на длинные застольные речи и поздравления. Замираю, почти перестаю дышать, наблюдая за Тьёрдом. Но тот и не думает лезть ко мне с поцелуями - только насмешливо скользит взглядом. Позволяю себе выдохнуть. Он намеренно игнорирует эту традицию Севера или не хочет еще больше унижать меня? В любом случае, об этом я спрашивать точно не стану.

Праздник идет своим чередом - и я позволяю себе несколько кубков слабого вина. Оно не из подвалов Красного шипа, но действительно очень вкусное. Аппетита у меня как не было, так и нет.

— Ты уже навеселе? – шепотом, наклоняясь к моему уху, интересуется генерал. – Надеешься отоспаться в моей постели? Глупая кошка.

Я нарочно подставляю кубок, когда проходящий мимо виночерпий останавливается перед нашим столом. Делаю пару жадных глотков и протягиваю снова.

Тьёрд громко хохочет.

Я краснею и все-таки кладу в рот ломтик каких-то солений.

Напьюсь и выключусь до того, как придется отдавать супружеский долг. И пусть Тьёрд крутится вокруг меня, пусть делает, что хочет, мне будет плевать, а ему, я уверена, обидно. Вот только мысль, что, не заполучив меня, он может пойти куда-то еще, оказывается неожиданно колючей. Уж Намара точно всегда к его услугам. Если бы не необходимость, сестра с отчимом даже не удостоили бы мою свадьбу своим вниманием. Наверняка если не сам Тьёрд, то кто-то из его людей дал им понять, что разумнее будет подальше затолкать свою брезгливость и сделать вид, что они чуть не помирают от радости за меня. Но с изображением счастья у Намары точно проблемы. Я вижу ее чуть в стороне, за столом, среди прочих северянок – спутниц прибывших послов Севера. Если бы от взгляда человека могла стухнуть еда – вокруг нее уже бы стоял жуткий смрад.

И я улыбаюсь ей, как недавно улыбалась послам Севера. Открыто, искренне, даже с удовольствием. В конце концов, я получила то, чего хотела. А как моя судьба повернется завтра – время покажет. У меня нет никакого желания веселиться, но я вполне имею право порадоваться той желчи, которой упиваются некоторые мои сородичи. Для них я и так давно стала позором всего рода человеческого, дальше падать уже некуда. Надо же хоть немного оправдать высокое звание самой грязной потаскухи.

— Ты выполнила то, о чем я просил? – негромко спрашивает Тьёрд.

Не сразу понимаю, о чем он. Смотрю в его пронзительные глаза и знать не знаю, что ответить. Приготовлений к свадьбе было так много, что вполне могла о чем-то позабыть.

— Белье, - помогает он. – Оно на тебе? То самое, что я прислал с Басой.

— Вот еще, я выбросила эту срамоту в окно.

Но по его ухмылке понимаю, что слишком сильно покраснела, выдав себя с головой.

— Умница, Кошка, пожалуй, я сорву его с тебя зубами.

Всевышние, он что – урчит?!

— Только если не боишься лишиться пары зубов, - говорю совершенно беззлобно и обыденно.

— Мастер костей здесь – поправит, если что.

— Надеюсь, он со своей... женщиной не перебудят ночью весь замок.

— Что ты, ни в коем случае. Он уже обещал мне вести себя тихо. Право всех перебудить – исключительно наше с тобой.

— А как же божественный слух императора? – нарочно игнорирую его обжигающий взгляд.

Кажется, я выпила слишком много, чтобы не представить, всего на мгновение, как Тьёрд задирает мне юбку и цепляется зубами за край тех ужасных почти прозрачных тряпочек...

Нет-нет-нет, я не буду об этом думать! Не должна думать! Первой брачной ночи мне не избежать, но уж покорную на все согласную женушку мой новоиспеченный муж точно не получит.

— Император в этих стенах всего лишь гость, - как ни в чем не бывало, пожимает плечами Тьёрд. – И он достаточно долго пожил на этом свете, чтобы знать, насколько громкой может быть первая ночь у молодоженов. Особенно когда жена смотрит на мужа такими жадными глазами.

Моргаю, отгоняя проклятое наваждение головы Тьёрда у меня между ног. Потихоньку перевожу дыхание. Спокойно. Ты хочешь безумия? Изволь, только не говори потом, что его было слишком с избытком.

Праздник длится до самой ночи и даже дальше, но мы с Тьёрдом уходим с него раньше. Наше присутствие за столом давно не требуется, многие гости достаточно набрались, чтобы если не потерять человеческий облик, то позабыть о поводе, который позволил им как следует повеселиться. На свадебном пиру даже пьяной драки не случилось, а для северян это большая редкость. Разогретые крепким алкоголем воины всегда желают почесать друг о друга кулаки – и в

этом нет ничего зазорного. Но халларны подобного не приветствуют, а пару буянов быстро утихомиривает стража.

Последние тосты, последние пожелания жаркой ночи - и Тьёрн увлекает меня за собой прочь из зала, по лестнице, к нашей комнате. К нашей общей комнате, где уже все подготовлено. Я бы могла вырваться и попытаться сбежать, могла бы гораздо раньше улизнуть с праздника или сказать «Нет» еще на церемонии. Но ничего этого не сделала, потому что иногда нужно переступить через себя и делать то, что нужно делать, закрыв глаза и выбросив из головы красивые сказки. Мои сказки закончились давным-давно. Но почему бы не испортить сказку, к примеру, «любимому» мужу?

Глава сорок вторая: Тьёрд

— Прости, господин, но, боюсь, если ты даже вынесешь своим подданным окровавленную простыню, все равно никто не поверит, что твоя жена чиста.

Кошка делает всего несколько шагов от двери и останавливается. Жаркое пламя камина играет в ее огромных глазах, и на миг мне кажется, что это совсем не злоба и отвращение. Возможно, она даже немного любит меня сейчас – после такого количества выпитого, я бы не удивился.

— Тебя так беспокоит мнение моих подданных? — прохожу к столу, плотно заставленному легкими угощениями и медовыми фруктами. Тут же – кувшин отличного халларнского вина. Наливаю немного в два серебряных кубка, перевязанных на северный обычай, лентами с сушеными цветами.

— Ты же сам говорил об уважении. А кто станет уважать мужчину, опустившегося до падшей женщины?

Она намеренно меня провоцирует. Зачем? Чего добивается?

Медленно иду к ней. Звуки шагов вязнут в высоком ворсе шкурных покрывал. Дэми отшатывается на шаг, но все же справляется не то со страхом, не то с отвращением. В любом случае, покорной она точно не выглядит. Гордая, настороженная, будто к битве готова, а не к исполнению супружеского долга.

Провожу языком по губам – и замечаю, как ее взгляд приковывается к моему лицу. Но стоит ей заметить мое внимание, как тут же дергает головой, как срывает наваждение.

— Поверь, жена, у моего народа не принято оценивать мужчину по тому, что происходит в стенах его дома. А тем более – в его постели. Выбор своей женщины делает он – и ему с ней жить, — делаю глоток вина и некоторое время просто наслаждаюсь глубоким чуть горьковатым вкусом. Захожу кошке за спину, останавливаюсь. Ей очень хочется обернуться – вижу по ее напряженной шее, натянутым в ровную линию плечам. Того и гляди развернется и заедет мне по яйцам. Но держится. — Ошибся, обознался, позволил обмануть себя – лишь твои проблемы. Почему кому-то со стороны должно быть до них дело?

Дотрагиваюсь краем кубка до ее плеча – и Дэми вздрагивает всем телом.

Иду дальше и завершаю круг, становясь перед ней. Протягиваю ее кубок с вином.

— Попробуй. Говорят, это вино способно разбудить женское желание.

На ее губах появляется кривая усмешка.

— Не уверен в собственных силах, генерал? Думаешь, без ваших халларнских штучек меня не одолеешь?

Усмехаюсь, а потом резко подаюсь к ней. Ближе, почти вплотную, на расстояние слабого выдоха. Так, что могу услышать биение ее сердца. Почувствовать гон крови в жилах. Неуверенность и страх.

— У любого мужчины есть лишь одна цель, — шепчу ей в ухо. — И совершенно неважно, каким способом он ее достигнет. Ты все еще можешь уйти отсюда, дверь не заперта.

— И ты позволишь мне сделать это? — одними губами куда-то в пустоту за мной.

Мне нравится дрожь ее тела. Ей не все равно. Эмоции, каким бы спутанным клубком они не выглядели, в конце концов потребуют выхода, разрядки.

— Я дам тебе шанс. – Даже интересно будет посмотреть, как она, подобрав юбки, будет улепетывать от меня со всех ног. Сколько шагов успеет сделать? Я бы поставил, что не больше трех.

— Ты же знаешь, что у меня нет выбора, – огрызается Дэми, но с надеждой поглядывает на дверь. – Никогда не было.

— Знаю, — отклоняюсь от ее лица. И, кажется, кошка снова дрожит. — Выпей еще. Сейчас не будет лишним.

Она мгновение смотрит мне в глаза – пристально, отчаянно, как будто хочет просочиться в самую душу, проникнуть в голову.

«Давай же, северная женщина, покажи мне всю свою ярость...»

Наконец, Дэми берет у меня кубок с вином, поднимает руку, задерживается у губ, затем делает едва

заметный глоток. А потом медленно, выразительно, подчеркивая, как ей плевать на мои «хочу», выливает остатки на пол. Между нами.

— Горчит, — непреклонно, гордо, прямо мне в лицо.

Что ж, ты сделал свой выбор, Кошка.

Швыряю свой кубок куда-то за спину – на то она и первая брачная ночь, чтобы после нее слуги приводили комнату в порядок дня три, не меньше.

Шаг к Дэми, обхватываю ее за талию и крепко прижимаю к себе. Она выставляет руки и упирается мне в грудь, не желая так просто отдавать поцелуй.

— Прости, кошка, но я не собираюсь тебя целовать, - скажусь ей в лицо.

Обезоруживаю. Она на мгновение теряется, пытаюсь угадать, что у меня на уме.

На ее платье слишком много петель и слишком много мелких пуговиц. Не наряд для новобрачной, а неприступная крепость. У меня нет ни времени, ни желания вести долгую осаду и изменять своим привычкам: все крепости, поселки и города склонялись передо мной сами. Всегда.

Нащупываю края ткани и резко рву их в стороны. Слышится треск, цокот падающих пуговиц.

Дэми вскрикивает и изворачивается, ускользая из моей хватки. Пятится, сверкая пламенем в глазах. Готова сражаться до последнего.

Неужели не понимает, что так даже интереснее? Что я всегда выбирал ее именно за характер, за отпор, за умение держать меня в тонусе. За силу, которая в ее крови. И от которой, если все пройдет по задуманному, родится мой сын.

Не спеша следую за ней, давая места для маневра, но не позволяя вечность кружить по комнате. С каждым новым полукругом мы все ближе к постели. Я это вижу, она это видит, но ничего не может сделать.

— Я располосую тебе лицо, — шипит хищница. — Прости, если задену глаз или оба. У тебя уже есть искусственная рука, а искусственные глаза твой Заклинатель Костей сделает? Снова красные? Для устрашения?

Хочет еще что-то сказать, но упирается ногами в кровать.

Отступить уже некуда – либо в постель, либо забиться в угол.

— А какой цвет предпочитает моя госпожа? – подыгрываю ее злости. Хорошеет и расцветает прямо на глазах.

— Мне всегда нравились голубоглазые мужчины, - ехидно в ответ, вообще без заминки.

— Как предсказуемо, женушка.

Делаю новый рывок – и она опять в моих руках. Снова треск несчастной ткани – и платье на ее спине почти распаивается. За это плачу несколькими глубокими царапинами на предплечье, из которых тут же выступает кровь.

Но это максимум, на который она способна. Потому что теперь я просто вытряхиваю ее из остатков платья и бросаю на кровать.

Кошка падает, раскинув руки и ноги, но тут же собирается, группируется, готовая обороняться. Она великолепна в белый чулках, полупрозрачной нижней рубашке с вышивкой и в маленьких трусиках, которые почти ничего не скрывают. Признаться, не был уверен, что она все это наденет. Не удивился бы, обнаружив под свадебным платьем какую-то северную закрытую одежду.

Наваливаюсь следом так, чтобы оказаться сверху, с ногами по обе стороны от нее. Хватаю ее за руки и плотно прижимаю к постели. Кошка рвется, почти натурально рычит и даже пытается укусить меня, когда наклоняюсь к ней непозволительно низко.

Она дышит так рвано и порывисто, что грудь под нижней рубашкой превращается в самое соблазнительное угощение на сегодняшнем пиру. Отлично вижу напрягшиеся бусины сосков, торчащие под тонкой тканью.

— Не прикасайся ко мне, - барахтается Дэми, но едва ли может пошевелиться. – Ненавижу тебя, халларнский потрошитель!

— К счастью, - наклоняюсь ниже, касаясь дыханием ее вставших под тонкой тканью сосков, - для того, чем мужчина и женщина обычно занимаются в постели, любовь совсем не обязательна. Но учти, что мне ничего не стоит связать тебя по рукам и ногам.

Прикусываю один и, удерживая его в зубах, немного оттягиваю, слизывая языком ее первый длинный и возмущенный стон.

Кошка задыхается подо мной, выгибается, то кричит, то стонет.

Я и не ожидал подобной реакции. Оказывается, в моей жене, какой бы сноровистой она ни была, скрыто много такого, что придется мне очень по душе. Уверен, моему члену будет отлично в ней. Да и она вряд ли откажется от того, чтобы я трахал ее всегда, когда захочу. Сейчас кажется, что готов делать это каждую ночь, даже если на то, чтобы вернуться в постель с поля боя, придется пожертвовать сном и отдыхом.

Перехватываю обе ее руки за головой стальной рукой.

«Прости, Кошка, но я сегодня голодный и крайне терпеливый муж, так что игры кончились».

Немного приподнимаюсь и свободной рукой задираю ее рубашку. Кожа у моей северянки такая мягкая и теплая, а полушария груди так и просятся сжать их. Накрываю одно ладонью. Твердый сосок, что плотно упирается мне в руку и я с удовольствием потираю его шершавой грубой кожей.

Ее попытки спрятать возбуждение и сопротивляться мне заводят сильнее любой наготы.

Она никогда не признается, что прямо сейчас ее телу тоже осточертело сопротивляться. Лучше язык себе откусит, чем примет эту правду: мы с ней уже не просто так, и постель, даже если в ней нет любви, станет местом, где она всегда будет принадлежать мне.

А я всегда буду принадлежать ей.

Когда выпускаю ее сосок из плена своего рта, кошка смотрит на меня бешеными дурными глазами. Сейчас бы, кажется, и правда убила.

Резко дергаю ее рубашку от ворота и вниз. Рву с легкостью.

— Не жалко портить дорогие подарки? — зло выдыхает мне в лицо Дэми, одновременно пятками вколачивая в постель собственную злость.

— Разве все эти женские штуки не созданы для того, чтобы быть порванными?

— Не знаю. Я похожа на женщину, которая искушена в таком бесстыдстве?

Усмехаюсь, медленно комкаю останки рубашки в кулаке и отбрасываю их в сторону.

— Ты обязательно станешь в этом искусна.

— И не надейся!

Я прищуриваюсь, давая понять, что чем больше вот таких глупостей она говорит - тем сильнее во мне охота убедить ее в собственной правоте.

Кусаю ее над ключицей.

Почти до крови, до алых следов, до яростных всхлипов и метаний подо мной.

Капля боли всегда утихомирит в женщине строптивицу и разбудит блудницу.

— Похоть - вот и все, что движет всеми халларнами! — почти выкрикивает Дэми, когда снова втягиваю ее сосок в рот и перекачиваю его по языку. — Животные! Мерзкие...

Перебрасываю ноги так, чтобы оказаться между ее бедрами. Намеренно чуть отклоняюсь в сторону и свободной рукой отвожу ее ногу.

Шире, еще шире.

— Очень мерзкие животные, кошка, но одному из них ты хочешь отдаться, — улыбаюсь довольно, прежде чем пригвоздить ее к постели, накрыв ладонью промежность. Нажимаю до тех пор, пока она не начинает кривиться от боли. — Хватит, Дэми. Я не хочу делать тебе больно. Не вынуждай меня хотя бы сейчас.

Она тяжело дышит открытым ртом.

Пытается сжать колени, когда понимает, куда направляю пальцы, но вместо этого только крепче обхватывает меня ногами.

Вхожу в нее одним пальцем.

Мокрая и горячая, жадно, как от долгого нетерпения, сжимает меня.

Ее буквально трясет в судорогах.

Чуть ослабляю хватку на ее запястьях. Там и так останутся синяки, а мне бы не хотелось, чтобы слуги видели хозяйку такой, словно над ней измывались всю ночь.

Проталкиваю пальцы дальше, желая себе терпения. Когда в моей жизни была женщина, которая бы не устраивала скачки на члене? Лет сто назад, наверное.

— Мерзкий убийца, - взгляд жены затуманивается.

Она беспомощно вытягивается подо мной.

Хочет сдать, но никогда об этом не скажет. Конечно же не скажет.

Полностью выпускаю ее руки, встаю на колени между тонкими и крепкими разведенными ногами.

Кошка, как только получает свободу, дергается назад, немного отползает к подушке, но тут же упирается в мягкое изголовье постели.

Подползаю к ней. Точно, как зверь - разорвал бы запросто, просто потому, что хочу и могу.

Между нами снова короткая борьба, и на этот раз ноги жены у меня не колених, а от ее пяток на ребрах останется пара крепких синяков.

Вставляю в нее уже два пальца - и сразу глубоко, резко, до самой ладони.

Самого уже выкручивает - так хочется войти в нее членом, почувствовать, как будет кричать подо мной, просить и умолять. Мы можем не любить друг друга, но между нами столько напряжения, что хватило бы запитать каждую копательную машину на миллион лет вперед.

Дэми прикусывает стон и хватается руками в праздничное покрывало. Раскрываясь передо мной, прямо в ладонь истекая влагой желания и похоти.

В одно движение срываю с себя рубашку. Со штанами сложнее. Не хочу выпускать Дэми из рук, не хочу давать ей передышку и хотя бы один спокойный вздох.

Приходится спустить штаны по бедрам, выпустить твердый член. Выдохнуть от мимолетного облегчения, перехватить ладонью, чтоб размазать в ладони, выступившие на кончике тяжелые вязкие капли.

Все это время северянка смотрит на меня во все глаза. Уже не пытается убежать, не защищается и не закрывается.

Раскинулась рядом, открытая и все еще недоступная.

Наваливаюсь на нее, опираясь на стальную руку. Глаза в глаза.

Взгляд в взгляд.

Уцепиться, перемахнуть через разделяющую нас пропасть убеждений и веры, вцепиться друг в друга зубами и рвать на части. Хотя бы так. Это лучше, чем безразличие. И достаточно для того, чтобы меня, как мальчишку, тянуло к этой дикой северянке из ночи в ночь.

Член давно готов быть в ней.

Я толкаюсь в нее сразу сильно и упорно. Не боюсь сделаю больно, не опасаюсь проклятий.

Кошка сильно напрягается, обхватывает мои руки чуть выше локтей и запрокидывает голову.

Дьявол, слишком спешу.

Медленнее - хоть это все равно что добровольно насаживаться на меч - глубже, позволяя прочувствовать меня полностью.

Ее глаза распахиваются, когда наши тела соединяются.

Ногти оставляют на моей коже кровавые полосы.

Плывать, я слишком сильно хочу эту женщину, а капля боли не дает окончательно озвереть.

Я весь в ней, до самого основания. Обратно – и резким толчком в нее. Снова и снова, напором заставляя раскинуть ноги максимально широко.

Дэми кричит и закусывает губу до красных полос. Я бы хотел видеть ее взгляд все время, пока трахаю ее, все время, пока она отдается мне. Но она крепко жмурится и судорожно, с каждым толчком, жадно хватая воздух, словно не верит, что до сих пор жива.

И в какой-то момент тянется ко мне губами, как будто просит поцеловать.

В ответ кусаю ее за шею. Ухмыляюсь, когда моя строптивица начинает колотить руками по спине.

Мы вколачиваемся друг в друга глубоко и жестко.

Она уже кричит не сдерживаясь.

Моя спина и плечи в крови исцарапаны в кровь.

Я вколачиваю ее в постель, уже не в состоянии себя контролировать.

Дэми напрягается подо мной всем телом, как будто и правда балансирует на грани жизни и смерти.

На секунду все-таки дарит мне сумасшедший, удивленный, пьяный взгляд.

Возможно, я придумываю, потому что и сам не очень трезв сейчас, но мне видится там радость, что здесь и сейчас в этой постели – именно я.

Поэтому роняет мое имя в каждом из стонов, которые рвутся из нее вместе с удовольствием и дрожью.

Я кончаю сразу за ней: отпускаю напряжение, которое носил в себе все эти недели, выплескиваясь в жену струями семени.

Опускаюсь на нее – и Дэми лежит, притихнув и едва-едва вздрагивая от моих последних движений в ней. Не хочу выходить из нее, хочу продлить это мгновение как можно дольше, оттянуть неизбежный возврат реальности и накала наших недоотношений. Кажется, сейчас именно тот момент, когда мы действительно стали одним целым и, возможно, даже понятным друг другу. Хотя бы немного.

В душу через постель – возможно ли такое?

Не знаю.

Вряд ли вообще хочу знать.

Глава сорок третья

Я очень плохо сплю эту ночь. Наверное, не сплю совсем, а до самого утра плаваю в какой-то тяжелой темной жиже из звуков и цветов.

Окончательно прихожу в себя только к полудню, когда солнце поднимается совсем высоко. Замок давно живет своей жизнью, а меня как сквозь строй солдат протащили. Я усталая и разбитая.

Рядом мельтешит Баса, справляется о моем здоровье, не надо ли чего принести сюда, прямо в комнату, но ее настырность только раздражает. С трудом сдерживаюсь, чтобы не сорваться на нее. Она ни в чем не виновата и просто пытается хорошо делать свою работу.

— Воды. Холодной воды. Целое ведро. Принеси и оставь меня одну.

Я отключаюсь и вновь прихожу в себя, когда служанка аккуратно, но настойчиво, трясет меня за плечо.

— Может, что по женской что? - немного настороженно спрашивает она.

Очень хочется сказать, что по женской части у меня действительно есть небольшие проблемы, но случились они не сегодня, а в одну «прекрасную ночь», когда меня навестили два «добрых господина!». А если она хочет самолично увидеть головы этих господ, то может прямо сейчас это сделать, заглянув в комнату Намары или Геарата.

Но ничего такого я не говорю. Просто дергаю плечом, избавляясь от ее навязчивости.

— Иди, я спущусь позже.

Баса медлит, топчется в дверях, но быстро исчезает, стоит бросить в нее раздраженный взгляд.

Голова очень тяжелая.

Медленно наклоняюсь вперед, сидя на стуле, зачерпываю руками ледяную воду. То что нужно. Сижусь так, пока не начинают неметь пальцы и только потом вынимаю руки, напоследок бросив пригоршню ледяной воды себе в лицо.

Вздрагиваю и тяжело выдыхаю. Лучше не стало, но я на это и не рассчитывала. Хорошо, что хоть дышать стало чуть легче и тело подало сигналы, что живет, хоть и болезненно.

Как не после брачной ночи, а... с жертвенника.

Не хочу идти вниз. Не хочу попадаться на глаза Тьёрду. Да и вообще никому. Это отравление. Наверняка отравление. И очень сильное. Но если я самостоятельно поднялась с кровати и сделала несколько шагов - не все еще потеряно. Я далека от мысли, что кто-то нарочно хотел меня отравить. Не того я птица полета. Да и какой смысл? Даже по законам Севера Красный шип теперь принадлежит Тьёрду. Буду я жить или отправлюсь к предкам прямо сейчас - всем плевать, теперь эти земли - его целиком и полностью.

Есть, конечно, добрая сестренка с отчимом во главе. И они вполне могут решиться на что-то подобное. Но почему сейчас? Чего выжидали? Уж возможности у них точно были: Красный шип, хоть и находится под постоянно защитой халларнских воинов, но они стерегут нас снаружи, а внутри мы вполне могли бы перегрызть друг другу глотки.

Но все равно очень странно. Отчим не может не понимать, что окажется в числе первых подозреваемых. А после гостинцев Тьёрда он и так ходит белее мела. Кажется, даже немного похудел от переживаний, хоть Геарат так же далек от худобы, как Север - от Песчаных земель на другом краю мира.

Остаются еще свадебные гости. И если так раздумывать, то отравителем может быть каждый приехавший на свадьбу северянин. А этого разнообразия «зачем и почему» мой несчастный разум уже не выдержит. Но я обязательно подумаю обо всем этом позже. Может, завтра, когда немного приду в себя.

Медленно встаю и разворачиваюсь на месте. Мельком бросаю взгляд в зеркало. Лучше бы и не смотрела. Странно, что вообще дышу с таким-то серым лицом и провалами под глазами. Я точно провела вот так лишь часть ночи, а не прошлые... сто лет?

Мелкими шагами иду обратно в кровать.

Как же все болит... Голова так буквально на части раскалывается. Непроизвольно вспоминаю недавний случай со стариком. Кажется, у него были примерно такие же глаза. А что если со мной

происходит то же, что и с ним? Немного иначе, но то же самое. Я же с трудом подавила в себе желание наорать на служанку. Как бы не получилось, что в следующий раз просто вцеплюсь той в горло.

Лежа, чувствую себя лучше. Немного, но лучше. По крайней мере не подворачивает от каждого звука.

В памяти всплывает какой-то огонь. Очень горячее и яркое пламя. Я даже не сразу понимаю, откуда эти образы взялись в моей голове. Просто вдруг вспыхивает словно из ниоткуда: то ли сон, то ли воспоминания из прошлого. Или это еще одно проявление отравления?

Я помню тени в огне. Или одну тень, но очень большую, размазанную рваными краями, словно на ветру. И много людей. Странные, с пустыми непроницаемыми глазами, с совершенно одинаковыми лицами. Как куклы.

Помню собственный крик. От боли? Не уверена. Скорее, от страха и ощущения близости чего-то очень странного и непонятного. На мне нет одежды, кожа горит в горячем душном и безветренном вакууме. Извивалась на каком-то камне, как одержимая. Со мной что-то делают.

Я помню острую сталь и тонкие иглы. Чужие руки, опаляющий свет перед глазами. Из меня что-то вынули. Не могу даже примерно понять, что именно. Но ощущаю себя абсолютно пустой.

Судорожно цепляюсь пальцами в ночную рубашку, задираю ее до самой груди, отчаянно елозя на месте – ничего. Я по-прежнему все та же порченная Дэми с ужасным шрамом на животе. Кривлюсь от омерзения к самой себе. Наверное, у Тьёрда не все нормально с головой, если он может хотеть *это*. С другой стороны, я никогда не смогу забеременеть и подарить ему сына, которого он воспитает в лучших традициях халларнов, и который когда-нибудь, взяв в руки меч, повернет его в сторону моего народа. Если к тому времени от северян еще кто-то останется.

Почему-то от этой мысли на душе становится так тоскливо и больно, что одергиваю сорочку, перекатываюсь набок и утыкаюсь лицом в подушку. У меня уже нет слез, чтобы выплакать боль своей ущербности.

Кем мог стать мой ребенок? Мой мальчик. Почему-то я уверена, что первенцем у меня был бы мальчик. Он бы стал великим и могучим воином, от одного имени которого дрожали бы даже горы? Он бы посвятил себя наукам и просвещению, стал бы мудрым и справедливым правителем на землях своих предков? Я никогда этого не узнаю.

Постепенно мысли перестают перебирать образы минувшего кошмара. Мое дыхание выравнивается, и я даже рискую вновь перевернуться на спину, но вытаскиваю из-под головы подушку и прижимаю ее к животу. Просто так, чтобы хоть на мгновение почувствовать, каково это, знать, что внутри тебя зарождается и развивается новая жизнь? Разговаривать с ней, гладить собственный большой живот и смотреть на любимого мужчину, пытаюсь угадать, что в нашем сыне будет от его отца или деда.

Я все-таки плачу. Не громко, не навзрыд. Тихо скулю в полном одиночестве и осознании собственной никчемности. Когда-нибудь я окончательно свыкнусь с мыслью, что покину этот мир, не оставив после себя никого.

Когда-нибудь.

Но сейчас я хочу просто поплакать.

Глава сорок четвертая: Тьёрд

Приходит время - и отступает даже лютая северная зима. Солнце все сильнее прогревает с каждым днем, дороги развезло, а кое-где даже виднеется первая зелень. Отвратительная погода для дальних бросков и длительных перемещений войск. Особенно, если двигаться приходится с обозами.

Я никогда не обсуждал с Дэми свою работу по принуждению ее народа к миру. Никогда не делился с ней подробностями своих частых вылетов, не рассказывал о том количестве чужой крови, что навсегда впиталась в мою душу. Я - убийца. Человек, которого боятся и ненавидят. Поначалу это всегда льстит и даже нравится. Приятно ощущать собственное превосходство и силу. Приятно побеждать, втапывая в грязь чужие флаги и чужих богов. Приятно раздвигать границы собственной империи вширь и вдоль.

Но приходит время - и все это надоедает.

Я перестану видеть цель во всем том, что мы сделали. Перестану видеть свет в конце дороги, по которой мы идем. Да и был ли там этот свет? Кажется, мы всегда шли наугад, когда пытались различить очертания будущего великого мира, объединенного под рукой одного Императора.

А теперь, когда наши цель почти достигнута, я чувствую какую-то опустошенность.

В моем случае причина точно не в приближающейся старости, я навсегда останусь в том возрасте, в каком когда-то умер. Но, возможно, мне действительно пора обосноваться на одном месте, а собственное положение передать более дерзким и амбициозным? Я достаточно сделал для империи, чтобы заслужить в качестве благодарности небольшой замок в одной далекой северной провинции.

Усмехаюсь собственным мыслям - я ведь действительно готов добровольно сложить с себя бремя имперского генерала. Но не готов отдать его абы кому. Пожалуй, только одному человеку - лучшей копии себя. Ни больше, не меньше.

— Снова улетаешь? - спрашивает Дэми, щурясь под лучами припекающего солнца. Ветер едва касается ее волос, убранных под сверкающими камнями тонкой диадемы.

Она вышла во двор, где я осматриваю своего дракона, готовя его к очередному вылету. Никогда не доверяю это дело чужим людям. Хочу быть уверенным, что ничего не пропустил и, если что, винить только себя.

— Да.

— Ты слишком слаб... Тьёрд.

Она чертовски права. За последние дни я сильно сдал. Я все еще твердо стою на ногах, но это дается все сложнее. Еще несколько недель - и от имперского генерала останется одно воспоминание. Поход в Тень вышел мне дорогой ценой. Не думал, что тварь в моей груди настолько истощила меня, а ведь Келис'с предупреждал.

А мне как-то вдруг расхотелось подышать.

Вот и барахтаюсь, как лягушка в молоке.

А на самом деле просто отодвигаю неизбежное. Снова и снова. Проблема в том, что сделать это самостоятельно уже не могу. А Келис'с слишком занят, чтобы сорваться ко мне. Значит, придется навестить его самому.

Я знаю, где он находится. Знаю, чем занят. Кажется, у всех нас могут быть большие проблемы и при плохом исходе все победы империи не будут стоить ровным счетом ничего. Никакой четкой определенности. Какие-то возмущения на границе между мирами, какая-то напряженность в Тени. Эта напряженность возникала и раньше. Намного раньше того времени, когда халларны впервые открыли проход в Тень. Люди исчезали не просто так. Они обозначили ту грань, где два мира соприкасались наиболее часто и наиболее тесно.

И это повторяется снова, но уже здесь, на Севере.

Повторяется с размахом, с куда большими возможными последствиями. Келис'с никогда не был паникером, но его последние донесения намекают на то, что Заклинателя очень беспокоит близость Тени к Северным землям.

Слишком быстро мы принесли сюда всю эту грязь.

Такого раньше никогда не случалось.

«Война всегда притягивает беду, - сказал мне один умирающий старик далеко на востоке отсюда. - Вселенная не может быть равнодушной к вашему злу. Когда-нибудь ее чаша терпения переполнится - и кровавая Империя сохнет под тяжестью собственных знамен».

Тот старик был безумцем и умер в муках. Я не помню его лица, но слова до сих пор звенят в моей голове. Все громче и громче с каждым днем.

— Я должен вернуть себе прежние силы, кошка. Помнишь нашего доброго друга, Келис'са и его громкую женушку?

Дэми громко фыркает, а я наслаждаюсь видом румянца на ее щеках.

— Помню.

— Мне без него не справиться.

Она бросает взгляд в мою сторону и плотнее заворачивается в плащ, чтобы спрятаться от промозглого ветра.

Обхватывает себя руками, пробегает пальцами по плечам.

Опускает их ниже.

Как бы невзначай прижимает к животу.

Неосознанные жест. Интуитивный?

Понимает это и тут же снова кладет руки себе на плечи, отворачиваясь и подставляя лицо солнцу.

— Что мне делать, если однажды ты не успеешь до него добраться? - спрашивает очень спокойно и почти холодно.

— Закатить пир на всю округу? - совершенно искренно предполагаю я. - Только не напивайся сильно.

— Не обещаю. Обычно в самые радостные моменты своей жизни я выпиваю столько, что потом неделю горланю скабрзные песни.

— В самое сердце сейчас ранила старого вояку - на нашей свадьбе едва-едва несколько глотков сделала. - Хочу подойти к ней и просто поцеловать, чтобы снова вспыхнула от злости, загорелась - и дала мне каплю своего света. Тогда бы я точно с горем пополам добрался до Заклинателя живой. Ну, почти живой. - А песни почему не пела?

— Держалась изо всех сил.

Мы оба знаем, что эта пикировка ни к чему не приведет. Но нам до сих пор сложно разговаривать, не пытаясь зацепить друг друга. Не уверен, что когда-нибудь станет легко.

— Ты выросла в этих местах, ты знаешь свой народ, - начинаю я разговор, который не собирался начинать. - Северяне - какие они?

Кошка смотрит на меня сначала с удивлением, потом - как будто впервые видит. Словно я спросил, можно ли из ложки задницу накормить.

И когда я начинаю сомневаться, что ответит, все-таки говорит:

— Гордые. Смелые. Сильные.

Я точно знаю, что такие среди ее народа есть. Именно такие погибали первыми, когда имперская военная машина пришла в эти земли. Они не сдавались, стояли с мечами до последнего, даже когда их окружали и вырезали практически без сопротивления.

Если бы они склонили головы - многих смертей можно было бы избежать.

Но склонил бы голову я сам, если бы кто-то чужой пришел в мои земли и присвоил их себе по праву сильного?

— Почему вы не признаете нашу силу? - Мне хочется услышать ее ответ. - Почему сопротивляетесь?

— Почему ты дышишь, Тьёрд? Зачем ешь или спишь? Потому что не можешь иначе. Вот и северяне не могут. Мы такие - слишком упрямые и свободолюбивые. Ну, почти все. К чему эти вопросы, потрошитель? Думаешь, я расскажу что-то новое и полезное?

Мне нет дела до того, что она может кому-то рассказать о том, что я собираюсь ей доверить. Это не тайна и не ловушка. Просто беседа мужа и жены, которые никогда не будут по-настоящему семьей, по-настоящему вместе.

— Боюсь, императору начинает надоедать вся эта... войнушка. Северяне атаковали несколько наших важных форпостов. Где-то удачно, где-то - нет. Между нашими народами полноценного мира не было никогда, но был баланс. Эти нападения не понравились Эру. Он не спустит непослушание после того, как пошел на уступки.

Дэми хмурится, явно ошарашенная моим признанием.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Хочу, чтобы моя жена понимала, что происходит и к чему это может привести. Ты можешь называть меня потрошителем, но я не хочу лишней крови. Я - права рука императора, я обязан подавлять любое неповиновение. Или спустить все на тормозах, подождать, пока твой народ доведет Императора до точки кипения и тогда Эр просто вырежет всех. Поверь, Дэми, он способен на такое. Он так уже делал. Без сожаления.

Северянка позволяет себе легкую улыбку.

— Империя платит высокую цену за приручение Севера. Вы застряли здесь слишком надолго.

Она не понимает.

Или отказывается понимать, что я не преувеличиваю, когда говорю о полном уничтожении. Хочется встряхнуть ее, показать силу и напомнить, что даже я - часть мощи Императора, даже если все последние месяцы пытался заставить ее забыть об этом.

— В этом нет необходимости, Тьёрд, - глядя куда-то перед собой, потухшим голосом говорит Дэми. - Через два-три поколения не потомки северян не будут знать другой жизни, кроме той, которую «даст» им Империя. Они забудут родные песни, забудут предков и сказания о нашем славном прошлом. Откажутся от северных богов, примут тех, на которых ты укажешь пальцем. Мы перестанем быть северянами. Но мы будем живы.

Я помню, как сильно и отчаянно она сама боролась за жизнь.

Правдами и неправдами. Не боясь ничего.

Но я никогда не видел в ней покорности. Даже когда ставил на колени.

Вот так же и с Севером.

— Я не знаю, стоит ли жизнь отказа от собственных корней. - Дэми нарочито отходит от меня на пару шагов, как будто не хочет, чтобы даже мое дыхание «испачкало» ее правду. - Хотя, конечно, знаю. И это знание мне не нравится. Но я слишком боюсь смерти, чтобы думать иначе и, тем более, говорить за весь Север. Хочешь знать, на что тебе рассчитывать? У меня нет ответа на твой вопрос. Я уже не северянка. Больше нет.

Она права.

Когда-нибудь эта земля будет просто еще одной провинцией великой империи. Одной из множества. Будет служить винтиком в системе, как и покоренные до нее. Но до этого снега Севера ни раз станут красными от крови его детей.

Лучше, если максимум этой крови прольется сейчас.

Если северяне надеются на какой-то реванш - это их полное право.

Мое право - исполнить долг перед империей и Императором.

Мирная семейная жизнь откладывается, Тьёрд. Насладишься ею когда-нибудь потом.

В иной жизни.

В Тени.

Глава сорок пятая

Кошмары не покидают мои сны.

Кажется, с тех пор как Тьёрд уехал, они стали даже ярче и ужаснее.

Не помогает ничего: ни отвары из душистых трав, ни унылые книги, ни даже оставшиеся от покойной матери эликсиры.

Я будто медленно схожу с ума.

А когда начинаю слышать голоса и звуки, вдруг осознаю, что мой личный обратный отсчет уже начат. Это очень странные звуки: они похожие на речь, но я не могу разобрать слов, не понимаю, откуда они, потому что иногда кажется, что оживают у меня в голове, а иногда – что разговаривают стены.

Я не рассказывала о своих кошмарах Тьёрду, а он не спрашивал, почему по утрам я выгляжу, как старая побитая псина. Он махнул рукой на никчемную северянку, которая выполнила свою роль.

Его нет уже несколько недель и за это время – ни одной весточки. Ни строчки.

Мне неприятно от этого.

Противно осознавать, что правда, к которой я так усердно готовилась, на самом деле действительно оказалась... правдой. Я просто первая из множества жен. Возможно, Император уже подыскал подходящую невесту их крови – благородную, знатную, искушенную и способную дать наследника, о котором мечтает Тьёрд.

Даже собаке хочется хотя бы чего-то похожего на ласку.

А я не собака. Я - человек. Пусть и плохой со всех сторон.

Единственная, кому мои кошмары доставляют почти столько же боли, сколько и мне - Старая Ши. Моя добрая кухарка места себе не находит, каждый день пытаюсь хоть чем-то меня порадовать: готовит что-то вкусное специально для меня, варит сладкое питье из вина и ягод. Очень не хочется обижать ее своей грустью и насупленным видом. Потому, конечно же, улыбаюсь, радуюсь. И надо видеть, как в такие моменты изменяется ее лицо: как молодая буквально летает по кухне, скороговоркой, сбиваясь и перепрыгивая с темы на тему, рассказывает обо всех последних сплетнях.

Это и правда помогает отвлечься.

Постепенно оттаиваю и прихожу в себя.

До следующей ночи.

Сегодня я надолго засиживаюсь внизу. Кажется, даже начинаю дремать, потому, боясь вспугнуть долгожданную сонливость, остаюсь в кресле. Огонь в камине давно погас, слуги разошлись по своим комнатам.

Красный шип погрузился в тишину и спокойствие. Когда люди Тьёрда только начинали свои земляные работы, они часто работали и по ночам. Я до сих пор не могу привыкнуть, что теперь с наступлением сумерек все тихо.

Я даже не знаю, что меня вдруг вырывает из такой приятной и долгожданной дремы. Сонно жмурюсь, пытаюсь понять, где нахожусь. На коленях пушистым комком свернулся немного отъевшийся кот. Когда только пришел? Глажу его – и животина тут же отзывается довольным мурлыканьем. Кот оказался очень полезным в хозяйстве. В первые дни каждый день ловил по несколько здоровенных крыс и приносил их во двор, складывая в рядок возле кузницы – хвастался.

Мне даже начало казаться, что этот кот приносит замку больше пользы, чем его законная хозяйка.

Поджимаю ноги, потому что по ним неприятно тянет холодом.

Что-то перетягивает мое внимание. Какое-то движение?

Приподнимаюсь и оборачиваюсь – в раскрытых дверях стоит закутанная в черное тень.

Мгновение – и она проскальзывает наружу. Совершенно беззвучно. Как нарочно, чтобы не привлекать внимания.

У меня нет повода в чем-то подозревать обитателей замка. Намара и Геарат не в счет. От них

гадости можно ожидать в любой момент. Но такие ночные вылазки – это очень странно.

Поднимаюсь, придерживая кота, перекидываю его на свое место – и бегу к дверям. Приоткрываю их, выглядываю наружу. Глаза, привыкшие к темноте, быстро находят закутанную в черное фигуру. Передвигается не прямо через двор, а короткими перебежками, прячась за постройками.

Следую за ней. Почему-то кажется, что это ребенок. Или женщина. Фигура щуплая и невысокая, явно не мужская.

Сегодня морозно, весь день шёл снег, так что мягкие туфли быстро намокают и холодят ноги. Но возвращаться уже поздно.

Неизвестный в черном останавливается у замковой стены, а потом поднимается вверх по каменной лестнице. Жду, пока поднимется достаточно высоко – и продолжаю преследование. Если обернется и присмотрится – я вся как на ладони. Но неизвестный слишком торопится. Успею заметить, как перебрасывает что-то за стену. Пытаюсь рассмотреть получше, но нока скользит и это едва не стоит мне жизни. Еще бы немного – не удержала бы равновесие и свалилась головой вниз.

Тент все же оглядывается.

Пригибаюсь, почти распластываюсь на ступенях.

Одинокая фигура торопится к сторожевой башне.

Нет необходимости преследовать ее дальше.

Я успела увидеть лицо.

Намара. Я ведь подозревала, что так просто она не успокоится.

Сестра, судя по всему, меня не узнала.

Забираюсь на стену. Не уверена, но вроде бы вижу на свежем снегу цепочку удаляющихся следов.

Что ты задумала, «любимая сестрица»?

Но с ней я успею поговорить позже. Сначала спускаюсь в караульную будку.

— За стеной люди. Один, возможно, двое. Получили какое-то послание со стены. Доставить в замок живыми и невредимыми. Послание должно быть у них.

Халларнские воины, оставленные Тьёрдом в Красном шипе, смотрят на меня во все глаза. Как будто решают – послать меня мягко или обложить тяжелым словом.

Мысленно желаю себе терпения и продолжаю:

— Генерал будет очень недоволен, если в его отсутствие обнаружится, что Красный шип снабжает мятежные кланы сведениями и припасами. И все это – под носом у его воинов.

Они переглядываются и поднимаются с мест.

— Живыми и невредимыми, – уточняю на всякий случай.

— Да, госпожа, – по-военному салютуют мне халларнцы.

Другое дело.

Тьёрд приказал слушаться меня почти так же беспрекословно, как и его, если мои приказы не противоречат политике империи.

Я понятия не имею, кому и что отправляла Намара. Но на любовную переписку тот сверток был не так, чтобы похож. Придется узнать самой. В моем замке не будет дел за моей спиной.

Пока халларны седлают лошадей, возвращаюсь в замок. Надеюсь, Намара не забилась в какой-нибудь угол. Не хотелось бы откладывать разговор надолго.

У нее нет поводов прятаться. Никто и ни в чем ее не подозревает.

Она так думает.

Толкаю дверь в ее комнату – заперто.

Уверенно и настойчиво колочу в нее кулаками. Мне больно, но эта боль как раз настраивает на

предстоящий разговор.

— Кто там? – слышу приглушенный голос Намары. Пытается выдать себя за сонную.

— Открой или я прикажу выломать дверь.

— Что тебе надо, потаскуха? Я уже сплю!

— Выбирай сама: или ты открываешь дверь, или я прикажу вырубить ее топором. Тебя при этом выбросят в окно. Мне не нужно спрашивать разрешения Тьёрда, чтобы расправиться с теми, кто затевает бунт. Даже если это моя сестра.

Последнее слово буквально выплевываю, так оно режет язык.

Я блефую. Говорю самое очевидное, что лезет в голову. Пока халларского генерала нет в замке – самое время еще раз попытаться выбить его людей из-за каменных стен. Северяне вполне могут поступиться принципами и пойти за человеком, который по нашим же законам не имеет никаких прав ни на замок, ни на его земли – за моим отчимом. Когда идет война, некоторые принципы перестают работать. Особенно если законный хозяин земель – грязная шлюха под пяткой завоевателя.

Намара все-таки открывает. Злая, с плотно поджатыми губами, испуганная. В ее комнате светло и очень сильно пахнет душистой водой.

Сама себе она наверняка кажется яростной воительницей, готовой до последнего отстаивать честь своего народа. Жаль, что я слишком хорошо ее знаю, чтобы не заметить это судорожное движение глаз из стороны в сторону.

Прости, «сестрица», но это сражение ты уже проиграла.

Толкаю ее в грудь и вхожу.

Глава сорок шестая

— Что ты себе позволяешь? – шипит Намара, очень неуклюже пытаюсь мне помешать.

— Я видела тебя. У стены. А скоро людей, которым ты отправила послание, доставят в замок. Я сама допрошу их.

У нее вид испуганной свиньи.

— Потаскуха! – Брызжет слюной. – Подстилка насильника и убийцы! Давно ли ты встала на его сторону? Давно предала свой народ?

— Примерно в ту ночь, когда люди, которых я знаю с самого детства, изнасиловали меня и чуть не убили. Да ты их знаешь – вот, который помладше, на твоём столике. Замечательно смотрится.

Теперь понятно, зачем она разлила здесь столько душистой воды. От головы сына кузнеца отчетливо несет гнилым мясом.

Надо сказать Тьёрду спасибо.

Хотя бы эти кошмары больше не тревожат мои сны.

Жаль, что теперь у меня там новые «гости».

— Лучше бы убили, – огрызается сестра.

— Прости, что выжила. Что в том послании?

— Не твое дело.

— У тебя снова есть выбор. Решай, чье это дело: мое или людей Тьёрда? Я даже не стану ждать его самого. Выдам тебя с потрохами. Уверена, они умеют развязывать языки даже таким лихим смельчакам, как ты.

Язвлю от всей души.

Намара едва сдерживается, чтобы не накинуться на меня с кулаками, не выцарапать глаза. Но она всегда была трусихой и пряталась за своего отца. А сейчас у нее лицо белеет, стоит произнести имя Тьёрда.

— Что он сделал с тобой, Дэми? – внезапно мягко спрашивает она. – Отлизал между ног или засунул член в зад? Я слышала, где-то в южных землях халларны пристрастилась к такому совокуплению. Расскажи, сестрица. Как оно?

— Обязательно попробуй, – улыбаюсь в ответ. Она правда думает, что хоть слово из ее поганого рта может меня оскорбить или задеть? – Так что ты выбираешь? Расскажешь мне что-то интересное или...

Намеренно не заканчиваю фразу, давая ей возможность додумать и представить.

— Они сжигают наши деревни, убивают наших людей. И это после того, как вроде бы заключили договор о ненападении!

Странно слышать все это от Намары. Она же так прониклась их верой, так хотела стать женой генерала. И вдруг...

Они с Геаратом никогда и ничего не делали без выгоды для себя. А уж тем более не рвали души за свободу Севера.

— Так муж ничего тебе не рассказал? – ухмыляется Намара. – Ну, конечно же. Зачем посвящать в военные планы свою драную потаскуху. Халларны снова убивают северян. Режут и жгут. Вырезают деревни подчистую, не оставляют в живых даже детей. Даже кошек и собак!

Мне хочется сказать, что это неправда.

Выплюнуть ей в лицо, что Тьёрд не стал бы мне врать.

Что это северяне первыми нарушили договор.

Но действительно ли я верю, что Тьёрд всегда был честен со мной?

Может быть, у него очередной хитрый план? Как с моим дядей.

Намара задирает подбородок. Как будто за ней какая-то особенная правда, и ее знание дает ей право смотреть на меня свысока, хоть она и ниже меня ростом, и уже никто – лишь одна из приживал, которым Тьёрд разрешил остаться под крышей моего замка.

Точнее, теперь уже его.

— Настоящие северяне хотят выжить, - противно, но как по заученному, говорит Намара. - мы не сдадимся.

— Вы? Ты теперь с теми, кого полгода назад призывала вешать?

Ей словно грязь в глаза – божьи слезы.

В этом они с Гератом очень преуспели: умеют «переобуваться» на ходу. Меняют стяги, как фокусники – цветные платки из рукава.

— Я всегда была на правильной стороне. – Сестра чуть не плюет на подол моего платья. Не делает это только потому, что вовремя замечает поганую отрубленную голову на столе. Дергается, вспоминая угрозу Тьёрда. – А ты забыла о корнях из-за своей глупой обиды. Даже сейчас... Только о себе и думаешь!

— Глупой обиды?!

Она серьезно?! Меня аж передергивает.

— Не сбрасывай все дерьмо в один котел, сестра, - напирая на нее, сжимая и разжимая кулаки. – Моя обида, совсем небольшая и незначительная, относится только к тебе и твоему папаше. Ни больше ни меньше. Не приплетай сюда мое отношение к *моему* народу! Ни тебе, с первых минут расстилавшейся перед Тьёрдом, рассказывать, как любить Север. Поэтому, пока я не разозлилась окончательно, тебе лучше рассказать, что было в том послании.

— Надеешься меня запугать? – храбрится Намара, но все же трусливо делает шаг назад.

— И в мыслях не было. – Моя улыбка говорит об обратном.

— Ты здесь – никто! – Сестра заносит руку для удара, но я перехватываю ее запястье и без сожаления швыряю спиной на стену.

Намара ударяется, скулит, медленно сползая на пол.

Она никогда не умела держать удар. Странно, на что она рассчитывала, устраивая эту комедию. Я была бы глупее овцы, поверь хоть на мгновение, что Намара действительно думает о Севере.

— Тебя терпят только потому, что в тебя вцепился проклятый Потрошитель. – Через слезы и сопли, как маленькая, очень беспомощно огрызается она. – Сдохнет он – сдохнешь и ты. Я каждый день молюсь богам и предкам, чтобы какому-нибудь северному воину хватило удачи отхватить ему голову.

— Представь, я тоже.

Она хмурится, не понимая.

Ну и дьявол с ней. Не о том сейчас речь.

— Последний раз спрашиваю – что было в послании, Намара?

Она уже прижата к стене. отступить некуда. И напускная бравада окончательно сдает позиции.

Я прищуриваюсь и сжимаю пальцы в кулаки.

Сестра съеживается, прикрывает голову руками.

— Указание, где и когда будет ждать доверенный человек, - тонким голосом из-под пальцев признается она.

— Ждать кого? – наседаю я. Еще мгновение – и Намара сдаст всех.

Хоть меня почему-то очень пугает это возможное «всех».

— Замолчи! – выкрикивает кто-то из-за моей спины. – Заткнись, Намара!

В дверях, занимая собой весь проем, стоит Геарат. Его толстое лицо покрыто каплями пота. Видимо, очень торопился спасти родную кровиночку.

— Не тебе диктовать здесь свои условия, потаскуха! – его глаза, утопленные в складках жира, пылают неприкрытой ненавистью и смотрят прямо на меня.

Снова потаскуха? Придумали бы что-то еще.

— Наверное, тебе, - позволяю себе ироничную ухмылку.

Боги, совсем как Халларнский потрошитель.

В голове собственные слова звучат его голосом и с его интонацией.

— Ты забыла свое место, подстилка чужаков!

Я не успеваю ничего ответить, когда он скрещивает пальцы в уже знакомом мне знаке.

Тело пронзает жуткая боль.

Снова становится невыносимо тяжело дышать. Как будто кто-то протаскивает меня через узкое горлышко разбитой бутылки.

Сжимаю челюсти, чтобы не проронить ни звука.

Никто и никогда больше не насладится моей болью и страданием.

Тем более – вот эти...

— Думала, ты теперь всеильна? – оживляется Намара и даже, шатаясь, встает на ноги. – Сверни ей шею, отец. Сколько можно терпеть эту стерву? Тьёрд – мой! Поняла?! Это мне он должен был приносить брачные клятвы, со мной проводить ночи. Ты ничего не можешь ему дать! Каждому мужчине нужен наследник. Каждому! А ты просто... пустой мех из-под вина. Ни на что не годишься.

Я с трудом разбираю ее слова. Еще с большим трудом улавливаю их смысл. Но Намара разошлась и буквально пылает ядовитой злобой. Ей уже не страшно подойти вплотную и орать мне в лицо, а я, парализованная Геаратом, не в силах даже отвернуться.

— Ты слепая, Дэми. Ты правда ничего не замечаешь? Не видишь, что он делает с нашим домом? Думаешь, все эти стальные чудовища под нами – они только руду добывают? Как бы не так. Он принес сюда что-то. И оставил это там, в подвалах. – Топают ногой. – Поэтому тебя, дуру, туда и не пускают. Потрошитель плевать хотел на свою «женушку», хоть бы тебя там и завалило. У него секрет-и-и-и-к.

Намара улыбается так широко, что мне хочется плюнуть ей прямо в рот.

— Заканчивай, - немного нервно бросает Геарат.

В отличие от дочери, он не совсем одурел от вседозволенности. Знает, что будет, если Тьёрд узнает, как со мной обращались «любимые родственнички». Видимо, подаренная ему голова воняет сильнее.

— Мы убьем ее? Теперь мы обязаны ее убить.

— Нет, - улыбка отчима настолько отвратительна, что у меня холодеет спина. – Я лучше вырву ей язык. И переломаю руки и ноги.

Чувствую, как в горле растет давящее напряжение, как выгибаются руки и ноги. Из глаз брызжут злые слезы отчаяния, но справиться с ними не получается.

Мне не страшно умереть. Совсем нет. Я была готова к такому исходу с первого дня, как халларнцы заняли замок.

Мне противно, что я не могу умереть хотя бы достойно сопротивляясь. И что перед смертью эта парочка будет смотреть на меня с триумфом.

— Она хнычет, смотри. – Намара зачем-то корчит рожи, хоть я уже почти не могу различить черты ее лица. В моем гаснущем сознании она похожа на грязный плевок на снегу – такая же бесформенная и почему-то как будто скользкая. – Подстилке страшно, отец. Давай, сделай это!

Он подступает ближе, продолжая выкручивать пальцы с зловещих знаках.

— Я переломаю тебя так, что ты больше никогда не сможешь ни ходить, ни даже ползать. Не напишешь ни строчки. Будешь мешком со всяким отрезьем. А Тьёрду скажу, что ты сама сиганула со стены. Мы с Намарой пытались тебя отговорить, но куда уж...

— Доброй но...

Этот голос я ожидаю услышать меньше всего. Я даже его обладательницы не вижу - туша Геарата такая огромная, что он словно заполняет собой всю комнату, и из-за его плеча торчит лишь самый край макушки моей служанки.

Что она здесь делает в такой час?

Девчонка, приставленная ко мне Тьёрдом, резко выбрасывает вперед руку - и в лицо Геарату летит коричневатое облачко. В воздухе, и без того наполненном тяжелым запахом, тут же расцветает целый букет неизвестных мне ароматов - острых, пряных, затуманивающих разум.

Сила, сковывающая меня, мгновенно слабеет, и я со стоном падаю на колени.

Намара кричит, пытается напасть на служанку с кулаками.

Рожа Геарата мгновенно становится красной, он мотает головой, подслеповато щурится, шаря вокруг себя расставленными руками, как будто вдруг ослеп, и от шока не понимает, что творит.

Во мне слишком много злости, чтобы сидеть на полу и жалеть себя. Мне все так же больно. Очень больно. Но я нахожу силы поймать Намару за край подола. А когда сестра, дернувшись, поворачивается ко мне, собираясь что-то сказать, вскакиваю на ноги и со всей силы впечатываю ее затылок в стену.

Хруст ломающихся костей приятно радует слух.

Она тут же закатывает глаза и стекает на пол кучей тряпья.

Поворачиваюсь к Геарату. Отчим трет глаза кулаками, но, судя по всему, толку от этого немного. Я - плохая и жестокая. И сострадания во мне лишь на каплю больше, чем в нем самом ко мне мгновение назад.

Никакой внутренний голос не напоминает о жалости.

Ни один из богов не просит о милосердии.

Ничто не мешает сделать то, что собираюсь сделать.

Посмотреть, насколько крепкие у него яйца. И где у него засвербит, когда я что есть силы бью его коленом в пах.

Не промахиваюсь, само собой.

Первое мгновение кажется, что Геарат сейчас лопнет - настолько напряжено и раздуто его лицо. Отчим открывает рот, но не может проронить ни звука. Хочет, но не может закричать. Ему едва удастся сделать маленький вздох, а потом он валится сначала на колени, потом на бок.

И, обхватив пригоршнями причиндалы, громко и тонко скулит.

— Госпожа? - Служанка сидит на корточках возле Намары и, глядя на меня с неммым вопросом, тонким лезвием кинжала надавливает ей на горло. Достаточно сильно, чтобы вспороть кожу и пустить кровь. - Хозяин не осудит. Я видела, как все было.

— Нет, - качаю головой. Я чувствую дикую усталость. Ноги подкашиваются и в голове до сих пор туман. — Спасибо, Баса. Ты мне жизнь спасла.

В ответ она лишь коротко пожимает плечами.

Дожидаюсь, пока Намара придет в себя. Мне ее не жаль - окровавленную, сломленную, с покрасневшими от крови глазами и хлопьями слюны на губах.

— Слушай меня внимательно, - привлекаю ее внимание.

Сестра кривит губы и пытается зареветь еще сильнее, но я киваю на кинжал в руках служанки - и Намаре достаточно этого намека, чтобы заткнуться.

— Вы уберётесь прямо сегодня. Сейчас. Забирай своего папашу и выметайтесь из Красного шипа. Уходите как есть - ни минуты на сборы, если хотите выйти живыми, а не встретить рассвет на пиках замковой стены. Мне бы следовало вас убить, но я не сделаю этого, потому что, - нарочно подражаю гадкому голосу сестры, - «маленькая грязная шлюха» во мне говорит, что родственников убивать нельзя. Я с ней не согласна, но ее слова кажутся мне довольно убедительными. Если через несколько минут я увижу хоть одного из вас - мы с ней договоримся.

Намара ползком добирается до отчима, пытается помочь ему встать на ноги и скулит о том, что им нужна еда хотя бы на первое время.

— Пусть твой отец лучше вспомнит, как охотиться. Вы не получите и крошки хлеба, потому и что я не имею привычки подкармливать крыс.

Я делаю шаг в сторону, освобождая путь к двери.

— Надеюсь, снег станет вам хорошей могилой.

Глава сорок седьмая

Воины Тьёрда пинками выталкивают их сперва из замка, а потом – за стену, через откидной мост, который тут же поднимают, отрезая путь обратно. Я стою на стене и мне не холодно, даже когда резкие порывы ветра пробираются под кожу.

Намара и Геарат, медленными черными точками на снегу, пробираются в сторону леса.

Я отправила их на верную смерть.

До рассвета они не доживут – волки не упустят такой шанс.

Но во мне нет жалости. Лишь огромное удовлетворение от, наконец, свершившейся справедливости.

Когда возвращаюсь в замок, ко мне приводят тех двоих, которым Намара передала послание. Судя по хмурым избитым лицам бородачей, обошлись с ними жестко.

Но у них нет при себе никакого послания. Успели выбросить или спрятать. Теперь оно мне и не нужно. Достаточно взглянуть на них, угадать по-особенному заплетенные в бородах косицы, чтобы понять, откуда эти двое, и кто за ними стоит.

Зато северяне подтверждают слова Намары: халларнцы оттесняют мой народ все дальше, вглубь их земель. Туда, где не растет ничего, кроме льда. Они никого не щадят, не ведут переговоры и уже не предлагают сдаться в обмен на мир.

Жгут и убивают.

Огнем и сталью.

Молниеносными смертельными атаками, своим убийственным оружием, против которого мой народ совершенно бессилен.

«Я не хочу лишней крови...» - вспоминаю слова Тьёрда, которые теперь звучат как насмешка.

«Но Император не пощадит их...». «Эр просто вырежет всех...».

Давно пора бы запомнить, что Тьёрд – не тот человек, чьим словам стоит верить.

Но я поверила.

А он снова обманул.

Я знаю, что делать дальше, даже если это своенравно и опасно.

Намара сказала, что северяне придут за моей головой. Что уже идут. Будет это покушение или попытка заставить меня выйти добровольно – не так уж и важно. После науки, которую Тьёрд устроил с дядиной головой, атаковать в лоб не станет никто. Сейчас замок – неприступная крепость, укрепленная и утыканная халларнскими воинами. Разве что, нашлась бы какая-то сильная армия, но откуда такой взяться, если потрошитель позаботился о том, чтобы его территории была максимально чистыми, смиренными и покорными.

Скорее всего, Намара и Геарат обещали поддержку по эту сторону стены. Возможно, подсыпать отраву. Или где-то отпереть дверь. Или боги знают что еще, что облегчило бы доступ в Красный шип. С такими союзниками, проверить все можно было бы достаточно быстро.

Теперь союзников нет. Нет известных *мне* союзников. Но кто сказал, что прямо сейчас мне в затылок не дышит чья-то темная лошадь?

Оглядываюсь, зябко ёжась от неприятного холодка.

Невозможно не признать это, но мне неуютно, когда рядом нет Тьёрда. Как будто с меня сняли кожу и оставили голой перед строем солдат с обнаженными мечами: никто меня не защитит, никто не разгонит их хмурым взглядом.

Я мотаю головой, разгоняя неприятные мысли и пеняя себя за слабость. Я – северянка, во мне кроль первых правителей Севера, и не мне прятаться за спины!

Как бы там ни было, если попытаются убить меня или напасть на замок – теперь это будет провал. Плевок Тьёрду в лицо. И он никогда не простит, и не утрется.

Значит – новая кровь. Еще больше кровь ради крови.

Нужно хотя бы попытаться предотвратить бессмысленное кровопролитие. Не когда-то потом, а прямо сейчас, надеясь, что все это еще можно остановить. Что еще не поздно.

Я приказываю халларнам отвести пленников вниз и закрыть в камеру до возвращения Тьёрда. Если боги будут милостивы, я выпущу их раньше, чем он вернется.

Мне нужны два человека в сопровождение. Пара вымуштрованных халларнцев из тех, которых генерал назначил охранять замок внутри. Не скрываю, что собираюсь поехать в деревню северян и попытаться договориться. Мне нет дела, что себе думают эти чужаки. Моего мужа здесь нет, но защита замка лежит на моих плечах.

Но прежде, чем выехать, я должна спуститься вниз. Проверить, что Намара говорила весь тот ужас просто из злости. Что под Красным шипом нет ничего...

Хотя что-то подсказывает, что это был тот единственный раз, когда сестра не лгала.

Внизу вымуштрованная охрана халларнов. Но мне и не нужно пытаться уговорить их пропустить меня дальше. Красный шип - замок старый. И как в любом старом замке, в нем есть пути к отступлению или на случай осады. Когда-то отец заставлял меня запомнить их расположение. В детстве я никак не могла понять, что такого может случиться, чтобы нам пришлось убежать из родного дома. И я не была наивной девочкой с какого-нибудь жирного Юга, которая до самой свадьбы играет в куклы, я видела смерть, знала, что среди кланов Севера случаются распри - и тогда бородатые воины поворачивают мечи и топоры друг против друга. Но северяне никогда не бегут с поля боя, а северянки никогда не бросают своих мужчин. Я спросила отца, зачем же нам крысиные норы и лабиринты, и его ответ я запомнила на всю жизнь.

«Иногда, Дэми, Северу нужны дети, чтобы те отомстили за своих родителей».

Пришло воспользоваться его уроками.

Нам нужно сохранить наших детей, чтобы однажды среди них появился сильный могучий воин, который поднимет Север на войну и искоренит скверну.

Я понятия не имею, что найду внизу. И не тешу себя надеждой, что смогу спуститься достаточно далеко и меня никто не заметит. Но все равно стараюсь двигаться максимально тихо, прислушиваясь к каждому шороху, даже если некоторые из них как будто разносятся прямо у меня над головой.

Сперва спускаюсь на первый этаж, оттуда - в кладовые. Здесь, если одновременно и сильно потянуть за два держателя для факелов, можно активировать скрытый механизм.

Слышу знакомый стальной лязг - и часть стены слева от меня отходит в сторону.

Проскальзываю в щель. Здесь, на небольшой полке, запас факелов. Беру апару - один поджигаю сейчас, другой с собой, на всякий случай.

Пока спускаюсь, время от времени посматриваю, что творится в замковом подземелье - для этого в стенах есть специальные отверстия. Совсем небольшие, но с хорошим обзором.

Несколько халларнов-инженеров выбрали в качестве перевалочного пункта наш винный подвал. Отличный выбор. Кажется, они тут не скучают - вдоль стены вижу ряд пустых бутылок.

Иду дальше, еще ниже, пока обработанный камень вокруг меня не сменяется природным булыжником. Становится очень влажно - по стене за моей спиной бегут тонкие струйки воды. Но ниже прохода нет. Отсюда можно выйти либо к горной реке, далеко к северу от замка, либо ползком пробраться в небольшую пещеру. Даже не и не знаю, для чего она. Возможно, должна была стать каким-то промежуточным перевалочным пунктом или оружейной на случай, если придется очень быстро отступать.

Но сейчас от этой пещеры не осталось даже воспоминаний.

На ее месте - огромный конусообразный провал, кажется, до самого центра земли. По его внутренней поверхности идет винтовая дорога. Достаточно укрепленная, чтобы выдержать мой вес.

То, что я ищу - если оно существует - где-то там.

И хоть мне снова становится страшно, я ставлю ногу на первую ступень и начинаю долгий спуск.

Глава сорок восьмая

Чем ниже я спускаюсь, тем больше не по себе мне становится.

Для тревоги нет особый причин: никто не шипит, не валится мне на голову, не пытается напасть со спины. Единственное, что мне угрожает – оступиться и упасть головой вниз.

Только чем ниже спускаюсь, тем четче становится шум в голове, в котором – если только я не схожу с ума – появляются отдельные обрывки слов. На все том же непонятном мне языке.

Постепенно на дне провала начинает проявляться алое свечение. В нем нет ничего странного, все фонари халларнов святят именно так – это какая-то их особенная технология, что они не гаснут ни в стужу, ни в дождь.

Перевожу дыхание и продолжаю спуск.

Я – гордая дочь Севера, я не боюсь теней и шепота.

Когда достигаю дна и погружаюсь в алый густой туман, голос в моей голове уже не говорит – он кричит. Все так же неразборчиво, но уже почти оглушая.

Если я сойду с ума и потеряю дорогу наверх, никто не станет искать меня здесь. Я не оставила за собой хлебных крошек.

В густом слепящем тумане приходится двигаться почти наугад.

Только когда глаза немного привыкают к полумраку, замечаю несколько каменных столбов, в которых, словно драгоценные камни в породе, горят яркие красные кристаллы.

Похожи на глаза каких-то демонов.

Настолько... живые, что стараюсь не смотреть им «глаза в глаза».

Столбы установлены как будто по кругу, словно маленькая арена, в центре которой колышется бесформенный сгусток тумана.

Я не хочу знать, что прячется внутри него.

Но чувствую, что оно – живое.

Оно знает, что я здесь.

Оно осмотрит на меня.

И пытается говорить, как безуспешно пыталось все эти дни: шепотом, скрежетом, осколками слов, стонами и хрипами.

Оно замирает, даря мне глупую надежду на покой, а потом резко подается вперед, выпрыгивая из западни, словно идеальный хищник.

Я... уже видела это создание. Уже умоляла *это* отпустить меня, когда извивалась под его тяжелым, полным боли, взглядом. Уже слышала, как длинные черные когти скребут по камням, когда *это* пыталось вырваться из плена и добраться до людей в черном.

У *этого* нет постоянно формы: оно то туман, то зверь, то человек. Миллионы разных форм, некоторые из которых заставляют меня забыть браваду и закрывать глаза от страха.

Мои ночные кошмары не были кошмарами. Они были попытками вспомнить то, что со мной сделали в ту ночь.

Сделали с нами – мной и вот этим, пойманным и посаженным на цепь.

На полусогнутых ногах обхожу создание по дуге. Вот эти столы – гладкие, из стали, с кожаными ремнями для рук и ног. На одном лежала я, на другом Тьёрд. Он что-то постоянно говорил мне. Не помню слов. Помню его лицо – ему было так же больно, как и мне. Даже еще больнее, но он продолжал успокаивать меня.

Говорил, что все потом объяснит.

Что должен так со поступить.

Что все это было?

А я плакала и задавала вопрос, на который так и не услышала ответа: «Зачем?!»

Снова поворачиваюсь к созданию.

Тьёрд называл ее Темной. Она. Это... самка, женщина.

Сглатываю горький привкус во рту и уговаривая себя быть смелой до самого конца, делаю шаг к ней.

И тут же голос в моей голове стихает сначала до едва различимого шепота, а потом и вовсе исчезает.

Она узнала меня.

Она дождалась моего прихода.

Темная снова меняется – и в ее подобии переплетенных внутренностей я вижу что-то похожее на прозрачную сферу. Почти уверена, что она наощупь как стекло, хоть это невозможно – чтобы в живом создании жило что-то созданное человеком.

Темная стеклянная поверхность постепенно светлеет, чтобы я смогла рассмотреть то, что внутри.

Самое главное.

То ради чего я здесь.

Это... ребенок.

Мальчик.

Ему, должно быть, на вид ровно столько, сколько должно быть, чтобы с дня на день появиться на свет. Плавает в чем-то плотном и вязком.

Еще шаг. Уже почти вприсядку от слабости и бешено сжимающегося сердца.

Еще ближе.

Темная замирает, ее метаморфозы прекращаются и сейчас мы с ней на равных – друг напротив друга. Если бы она захотела – одним движением превратила бы меня в кровавое месиво. Но она лишь тяжело дышит всем своим телом и тихо, совсем как раненная волчица, скулит.

Протягиваю дрожащую руку и пальцами касаюсь прозрачной сферы.

Что-то ударяет в пальцы, прошивает насквозь, как стелой.

Зажмуриваюсь, отступая, а когда снова открываю глаза – ребенок смотрит прямо на меня. Смотрит и протягивает руку. Он... маленький, но он все понимает, знает, кто я и где он.

Здесь достаточно света, чтобы не ошибиться.

Это как будто маленькая копия Тьёрда. Но с глазами...

Всевышние, с глазами моего отца – такими же синими и упрямыми.

Я снова тянусь к нему – и мы касаемся ладонями через прозрачную преграду.

Это наш с ним ребёнок: мой и Халларнского потрошителя.

Осознание всего произошедшего настигает так внезапно, что лишь теперь, пройдя через жестокие ночные кошмары и даже оказавшись на грани помешательства, понимаю, что всегда знала правду. В ту ночь люди в черном каким-то образом взяли часть меня, взяли часть Тьёрда и поместили наши начала в создание из другого мира, о котором я знаю лишь то, что он – уродлив и безобразен.

«Каждому мужчине нужен наследник», - вспоминаю слова Намары.

Понимала ли моя сестра, насколько близка была к истине?

Туман опять сгущается, и Темная ревностно прячет свое сокровище.

Я отступаю. Я увидела и вспомнила все, что нужно.

И сейчас не знаю, что делать со всем этим знанием.

Мне нужно обратно, чтобы увидеть солнце, вдохнуть холодный предутренний воздух. Нужно снова ухватиться за что-то привычное, что-то из моей простой реальности, где дети у пустоцветов не рождаются дети, и где эти дети не растут, как в той сказке, не по дням, а по часам.

Потому что слезы, безудержно катящиеся по моему лицу, объяснить все это совершенно не могу. Я давно смирилась с тем, что никогда не стану хорошей женой достойному мужчине. Смирилась с тем, что никогда не смогу родить. И все это верно и по сию пору. Но этот ребенок, так похожий на Тьёрда - он и мой тоже.

Мой сын. Мой маленький северный воин.

Обратную дорогу прохожу сама не знаю, как. Словно вслепую, в полной темноте.

А потом, стоя на самой высокой башне Красного шипа, реву в полную силу.

Во всю глотку.

Мой сын.

Будь ты проклят, Тьёрд.

За то, что ты... создал это чудо.

Глава сорок девятая

Мы выезжаем на следующее утро. Даже не пытаюсь тайно улизнуть из замка. Говорю начальнику гарнизона, что должна съездить в деревню северян и поговорить с вождями.

Говорю о возможном нападении за Красный шип. Как, когда и какими силами – не знаю. Возможно, что стоящего в замке гарнизона не хватит, чтобы отбиться. Но, скорее всего, победа будет за чужаками.

А мне уже невыносимо терпеть ту резню, что творится вокруг.

Тьёрд сказал, что надо их остановить. Он не сдержал слово, но, может быть, я смогу убедить своих упрямых сородичей хотя бы... попытаться...

У всего этого есть лишь одно определение – предательство.

Мое.

Предательство своей крови, своего рождения и своей земли.

В обмен на выживание хотя бы тех немногих северян, что еще остались и сопротивляются из последних сил.

Я не хочу, чтобы мой сын – наполовину северянин – даже не знал своего народа. И не хочу вздрагивать каждый раз, когда в слова моих колыбельных песен будут вплетаться лязг оружия и предсмертные крики.

У халларнского командира мои слова вызывают настороженность и дополнительные расспросы, от которых, как могу, увиливаю, чтобы не стать невольной виновницей очередной кровавой бойни.

— Мы готовы отбить любую атаку, госпожа, - говорит тот, что сейчас за старшего.

— А я готова попытаться избежать бессмысленного кровопролития. – Надеюсь, мои слова хоть в чем-то его убедят. - Я не ушла тайно, хотя могла бы, если б захотела. Я обо всем рассказала. Я не прошу доверять мне, не прошу молчать перед вашим генералом. Тьёрд должен знать, что происходит в его доме. Но я прошу помочь мне. Меньшая кровь. Не только северян, но и у халларнцев.

Он, как настоящий военный, долго не думает – соглашается. Но обозначает свою позицию: северяне должны показать покорность. Вот такой вот компромисс.

Путь нам предстоит не близкий. Еще и с ночи зима как взбесилась: резко похолодало, снегом замело даже натоптанные лесные тропы – ни пройти, ни проехать.

Мы едем долго, проибираясь сквозь непогоду.

Когда солнце подбирается к полудню, находит красные следы на снегу и чуть дальше – пару тел. Когда спешиваюсь и подхожу ближе, сразу различаю в синюшном профиле знакомые черты – Намара. Снег вокруг нее сильно утопан, следов много, и все они – трехпалые, когтистые.

Волчья стая не упустила жирную добычу.

Сильнее всего досталось Геарату. Его, кажется, ели долго и со вкусом – толстый живот вспорот, остатки внутренностей разбросаны вокруг.

Судя по торчащим из-под снега веткам – они пытались разбить лагерь. Даже костер развели – темные пятна золы тут и там, поодаль валяется обугленная ветка.

Замковые жители. Забыли, что волки любят приходить к огню, потому что знают – где огонь – там человек, а где человек – там может быть волчья удача и пара дней сытой жизни.

Я, наверное, очень злой бессердечный человек, но не чувствую ни жалости, ни сожаления. Если бы мне снова представился выбор – позволить им остаться в замке или выгнать, я бы выгнала. У них был шанс, которым они не воспользовались. Что ж, дорогие родственники, я вас никогда не любила, как и вы меня. А кто из нас прав – рассудят предки, когда мы предстанем перед их высшим судом.

Только я нагоню вас немного позже, уж извините.

До нужной деревни добираемся далеко за полночь. Прошу халларнов остаться поодаль и не привлекать к себе внимания. Командир соглашается, но при условии, что я нацеплю на себя какое-то их дьявольское приспособление, через которое они будут слышать все, что говорю я, и все, что

говорят рядом со мной.

Соглашаюсь. Это честный обмен.

Не скрываюсь, направляя лошадь к воротам деревни. Это довольно крупное поселение, хотя до города, даже небольшого, ему очень далеко.

Меня замечают и останавливают: кто такая, с чем пожаловала?

Называюсь и говорю, что пришла с миром.

Я вижу лица стоящих дозором северян, вижу, как шевелятся их губы, когда клянут меня на чем свет стоит. Не обижаюсь и не осуждаю. Я заслужила, пожалуй.

Ворота все же открываются. Выдыхаю - и трогаю лошадь пятками, понукая ее следовать дальше размеренным шагом.

Мне очень страшно. Сердце бьется так сильно, что, кажется, слышно даже через несколько слоев теплой одежды. Но надо хоть бы казаться уверенной: со слабыми никто не договаривается, их плевками выпроваживают восвояси, предупреждая сперва отрастить причиндалы.

Я проезжаю почти через всю деревню и останавливаюсь на уже заполняющейся маленькой каменной площади. В ее центре - несколько суровых мужиков. Стоят, сложив руки на груди. Выглядят так, будто прямо сейчас готовы переломать мне все кости. Один как нарочно скалится, мол, все ты верно подумала, глупая баба.

— Хватило же стыда явиться, - говорит один. Он не назвал своего имени, и это плохой знак. Мертвецам имен не называют, чтобы не шепнули владыке темного царства, кого прибрать следующим. - Халларнская подстилка вместе с честью распрощалась и с разумом?

Конечно же, в свое время Геарат позаботился, чтобы слух о моем бесчестии прокатился по всей окрестности. И никого не интересует, что на самом деле Геарат всегда слыл лжецом. Раз отдалась Потрошителю - значит, достойна лишь плевка.

— Вряд ли тебя должна заботить моя честь, воин. Я не в жены пришла тебе напрашиваться.

Надо же, несколько смешков. Хороший признак. Хоть и обольщаться не стоит.

— Ты уже нашла себе мужа, насколько нам известно. Говорят, у него и прозвище есть. Потрошитель, вроде? - Бородач кривится, как будто ему язык прижгло.

— Я знаю, кто мой муж, северянин. И знаю, что ты не был бы таким острым на язык, стой он сейчас рядом. Потому что зачем язык умнику без головы?

Снова смешки.

У северян в почете сила и смелость. А раз мелкая баба не трусит перед вождем - значит, сила в ней есть.

— Зачем пожаловала... халларнка? - Вперед, оттесняя товарища, выступает второй. - Мы тут не рады чужакам: у костра не согреем, и в обратный путь харчей не дадим.

— Приехала предупредить, - не тяну с ответом. - Ваши люди живы и сейчас в темнице под стражей. У меня в плену. А Намару и Геарата можете найти чуть больше, чем в полудне пути отсюда. Если, конечно, волки не вернуться за остатками своего ужина.

— Что за нелегкая их в лес понесла? - спрашивает другой.

— Я - та нелегкая - Смотрю ему прямо в глаза, выдерживаю хмурый, налитый кровью взгляд. - И я не стану держать перед вами ответ. Отец учил отвечать добром на добро, а кровью - на кровью.

— Добрая месть - оно всегда правильно, - басит первый, тот, что из этой парочки кажется более разумным. - Но не когда враг топчет нашу землю, и распри нужно забыть ради общего дела. Так что...

— Отступитесь, - перебиваю его. - Отступитесь, что бы вы ни задумали. Вам нужны жизни обитателей Красного шипа? Они дадутся вам слишком высокой ценой. И еще большей ценой они станут для ваших жен и детей, потому что Потрошитель не простит тех, кто посягнул на его дом.

— Он так ценит свою ручную северную девку? - снова высовывается второй.

Я проглатываю очередное оскорбление. Знала, когда ехала, что встретят не хлебом и солью.

— Он ценит свою собственность: замок, то, что под замком, земли и слуг.

Было бы правильнее сказать «рабов», но эта правда делает наш тяжелый разговор еще «веселее».

— Ты отдала ему себя. - Второй все-таки прет вперед, и вдруг оказывается почти рядом со мной. Так близко, что невольно зажимаю в кулаке ту шутку на цепочке, которую дал халларнский командир. - Ты без боя отдала ему свой дом. Как ты собираешься смотреть в глаза предков?

— С предками у меня будет свой разговор, - пытаюсь выдержать спокойный тон. Не хватало еще, чтобы халларны решили, что меня тут режут и убивают, и прискакали с мечами наголо. - А пока я пришла к вам - без оружия, без армии, хоть могла бы. Халларнам только повод дай думать, что у них под носом вызрел заговор, и они не пощадят никого. Но я прошу к вам, и прошу добром - оступитесь. Не губите себя, подумайте о своих семьях. Сохраните силы, чтобы вырастить своих детей. Чтобы рассказать им сказки Северных просторов.

— Севера не будет, пока есть такие, как ты, - зло выплевывает первый. Кажется, я слишком поторопилась, решив, что с ним будет проще. - Халларны нападают на наши деревни, жгут и убивают. Вот такой у них «договор о мире». Что же это за мир такой, а? Что это за мир, я тебя спрашиваю, когда убивают наших детей, истребляют наш скот и дичь в лесу, обрекая нас на голодную смерть?

— Мир, где вы не умрете впустую, пытаюсь захватить то, что не несет никакой ценности. Красный шип - это просто камни. Но генерал отомстит за эти камни.

— Эта сучка просто боится за свой курятник! - слышится откуда-то сбоку.

— Вздернуть потаскуху! - теперь с противоположной стороны.

Живое кольцо сжимается вокруг нас.

— Руки с ногами ей долой!

— Сжечь, халларнскую подстилку!

Гул разрастается, призывы один другого страшнее, становятся все громче.

Один голос сменяется другим, потом третьим, пятым. Кажется, даже дети хотят моей крови.

Один из стоящих в центре поднимает сжатую в кулак руку - и гул постепенно стихает.

— Ты проведешь нас в Красный шип, женщина. - Говорит так, будто ему не отказывают, а тем более - худые никчемные бабы. - Мы сделаем, что должны, и уйдем. Ты будешь ублажать Потрошителя, делать все, что он пожелает, и задавать ему нужные вопросы. Мы скажем, о чем надо спрашивать. Ответы будешь пересылать нам.

Знаю, что дальше бессмысленно разговаривать.

Но ведь это - мой народ: упрямый, бестолковый, но... смелый и честный.

Я должна стоять за них до конца.

Хоть они и дурьи головы.

— Войдете в Красный шип - и некому будет пересылать ответы. - Качаю головой. - Уходите туда, где можно переждать зиму. Халларнам есть с кем воевать, они не станут преследовать вас в землях, где для них слишком холодно. Когда-нибудь... - Я искренне верю в то, что говорю, но глядя в лица обступивших меня людей, понимаю, что они не готовы слушать. Но все же. - Когда-нибудь придет время говорить с ними на равных. Но кто скажет те слова, если говорить будет некому?!

Двое в центре переглядываются.

Боги, вложите же в их пустые головы хоть ума.

— Мы отправим Потрошителю твою голову, - говорит второй, довольно скалясь. - Только сперва немного ее поджарим, чтобы в дороге не протухла...

Глава пятидесятая

Я поздно спохватываюсь – сзади наваливаются, грубо валят на землю. Заломленные за спину руки, в плечах взрываются острой болью. И снова гул одобрения со всех сторон – крики, ругань, какое-то дикарское улюлюканье. Пытаюсь что-то прокричать в ответ, но получаю пинок в живот и захожусь в кашле.

Куда-то волокут по снегу, не особо церемонясь, когда на пути попадают мусор и камни.

Плохой из меня получился переговорщик.

Мой теплый плащ срывает какая-то здоровенная баба, тут же накидывает его на себя.

Платье подо мной хоть и теплое, но не может защитить от ветра и тут же мокнет, прилипая к ногам холодным блином.

Пытаюсь вырваться, но в ответ получаю только еще пару тумаков. Кажется, кому-то доставляет большое удовольствие бить женщину, пусть даже и грязную халларнскую подстилку. В голове звенит, перед глазами все кружится. Выплюываю кровь в сторону и попадаю на сапог одного из волокущих меня северян. Его короткий удар в висок практически выбивает из меня дух.

— Смотри, не прибей, - слышу далекое ворчание. - Хочу, чтобы подергалась.

Меня ставят, словно куклу, заводят руки за голову. Ноги подгибаются, но упасть не дает какой-то грязный, воняющий падалью мужик: обхватывает рукой и припечатывает спиной к столбу.

Нас можно называть дикарями, можно называть даже животными, но мы не смердим, как мертвяки.

— Хороший будет ужин, - хрипит он прямо мне в лицо, грубо лапая за грудь. — Люблю такое.

Что? О чем он вообще?

Северянин поворачивается – и я даже дар речи теряю: на его шее вижу черный треугольник с пятью лучами.

Как у того взбесившегося старика, чья болезнь и смерть так и осталась для меня загадкой.

Таких совпадений не бывает.

Набираю в легкие побольше воздуха, чтобы закричать, но не успеваю, потому что мужик заталкивает кляп мне в рот.

— Не оскверняй наш слух своим грязным языком.

А теперь мне становится по-настоящему страшно.

Не знаю, куда подевались сопровождавшие меня халларны, но лучше бы им поторопиться, иначе спасти им будет уже некого. Я пытаюсь как-то высвободиться из веревок, вытолкнуть кляп языком, но это бессмысленно – в последний момент, смердящий падалью прихватывает меня очередным витком, намертво фиксируя мою голову у столба.

Боги, пусть это будет просто страшный сон.

Боги, пожалуйста...

Деревенские, как будто для них такие развлечения не в новинку, быстро стаскивают к моим ногам вязки с хворостом.

Кто-то передает бутылку с маслом. Кто-то обильно поливает им будущий костер.

Мне страшно! Мне ужасно страшно.

Я боюсь боли, боюсь даже подумать, что почувствую, когда ног коснется огонь и когда кожа загорится, как пергамент. Я видела, как люди сгорали заживо, когда халларны пришли в Красный шип, и сейчас отчетливо слышу их ужасны вопли.

Закрываю глаза, пытаюсь выровнять дыхание.

Я выдержу.

Выдержу!

Не доставлю им удовольствия видеть мою боль.

Но как обмануть себя?

Как успокоить собственное разрывающееся сердце?

Мамочки...

В детстве я слышала много историй о смелых героях, о том, как они преодолевают невероятные опасности, встречаются с непобедимыми врагами и всегда выходят победителями.

Мне всегда очень хотелось быть похожей на них. Я представляла, как буду смеяться врагам в лицо, как скажу что-то громкое и грозное, и как боги услышат свою дочь и придут ей на помощь.

А сейчас трясусь, как припадочная. Зубы цокают до боли в челюстях. И не хочется ни в кого плевать. Хочется просто жить.

Чтобы взять того мальчика на руки.

Чтобы жить: баловать его, причесывать, рассказать, каким смелым и сильным был его дед и какой нежной и ранимой была бабушка. Посадить его на лошадь. Смотреть, как он будет расти, как возьмет в еще слабую ручку деревянный меч, и как будет крепнуть вместе с ним, становясь сильным воином, который когда-нибудь вернет мир в Северные земли.

Мне бы стоило помолиться и попросить богов дать мне силы справиться со всем, что предстоит выдержать. Но боги глухи к моим мольбам уже давно, так что и пытаться не стоит.

Лучше уж собрать волю в кулак и широко улыбнуться, вспоминая, что в Красном шипе живет маленький человечек так сильно похожий на кровавого генерала непобедимой империи халларнов. В нем моя кровь и мое продолжение.

Теперь не так обидно умереть.

Хотя все равно страшно. Очень страшно.

— Позор северного народа, - слышу грубый голос и открываю глаза. - Пусть горит!

Северянин берет протянутый ему факел и с брезгливостью бросает в хворост у моих ног.

Мне очень хочется до крови закусить губу, чтобы хоть немного отогнать накатывающую панику. Надо просто потерпеть.

Немного потерпеть.

Скоро все закончится.

Огонь быстро разбегается на сухих дровах. Дыма почти нет, но пламя как-то очень быстро поднимается в половину моего роста. Еще немного - и поползет по ногам.

Когда порыв внезапно налетевшего ветра подхватывает несколько пылающих языков и бросает их мне в лицо, снова жмурюсь.

Глупость, но так страшно, что вспыхнут волосы.

Стальной скрежет где-то над головой.

Снова ветер в лицо, пламя жжет шею, заставляет громко закашляться.

Я слышу громкий испуганный крик.

Прикусываю губу, стыдясь того, что даже смерть не могу встретить достойно.

Но крик все равно не утихает.

Открываю глаза и задираю, насколько могу, голову вверх. Там, на фоне испачканных дымом звезд, кружит что-то темное и большое.

Воины бросаются врассыпную, забегают в дома и тут же выскакивая обратно, уже с оружием: кто с мечами, кто с вилами.

Несколько лучников делают первые выстрелы.

Но им ни за что не достать то, что в небе - слишком высоко.

А потом стальной лязг и скрежет накрывают с головой. В первые мгновения даже не понимаю, что происходит. Пламя, уже плотной стеной горящее вокруг меня, пригибается и местами его как будто что-то сметает с дымящихся веток. Меня обдаёт вспышкой углей и искр, но я только совсем немного прикрываю глаза, чтобы не пропустить появление того, кого здесь просто не могло быть.

Дракон, огромная стальная тварь, черным клинком пикирует с небес прямо к моим ногам. И на его спине, весь с ног до головы закованный в свой черный демонический доспех, сидит... Тьёрд.

Я знаю, что это он, потому что сквозь тонкую, как лезвие кинжала, щель в шлеме, ярко и зловеще полыхают два красных глаза.

Две стрелы бьют по его нагруднику, но отскакивают, не причинив вреда. Тьёрд бросает на меня взгляд, хватает притороченный к седлу двуручный меч и спрыгивает на землю.

И я, дура, реву от счастья. Реву от осознания того, что человек, для которого я много раз просила у богов смерти, пришел меня спасти. Идет прямо сквозь огонь, пинками расшвыривая пылающие ветки.

Не говорит вообще ничего, одним ударом меча разрубает веревки, и они и падают к моим ногам.

Я и сама чуть не заваливаюсь набок. Генерал подхватывает меня за талию, разворачивается, прикрывая собой.

С отчаянной яростью вырываю изо рта кляп, делаю несколько глотков воздуха – совсем небольших, но достаточных чтобы вспомнить, какая на вкус жизнь. Огонь от неудавшегося костра раскидан вокруг, но дыма от него очень много. Плотные клубы стелется по земле каким-то грязным злым туманом.

— Я думал, ты умнее, женщина, - слышу искаженный металлом голос из-под шлема.

— Я тоже так думала.

Ему не нужны ни мои признания, ни раскаяние.

Мы оба знаем, что в этом конфликте находимся на разных берегах, и у каждого своя правда, свой зов крови и приказы. Наверное, мы будем там, где стоим, до самого конца, и ничего уже не изменится. Но сейчас мне... тепло от того, что халларнец прилетел за мной. Что пришел забрать свою женщину, хоть мог пустить все на самотек и обрести свободу, даже не загребая жар руками. За него это сделали бы сами северяне, и никто бы не посмел упрекнуть халларнского Потрошителя, что смерть жены – его рук дело.

Пока я украдкой шмыгаю носом, стальной дракон водит бронированной головой – и из его пасти вырывает поток почти белого пламени, очерчивающий на земле широкую дугу, которая отрезает нас часть северян. Все еще прикрывая меня собой, Тьёрд ведет меня к своему монстру. Не церемонясь, почти как мешок забрасывает на спину этой громадине, сам запрыгивает сзади. Крепко прижимает меня к себе, почти лишает возможности дышать, и дракон, махая крыльями, разгоняет вокруг себя настоящие снежные смерчи.

Взмах, другой – и мы отрываемся от земли.

Только сейчас я начинаю понимать, почему северяне так неуклюже и неслаженно пытались нас остановить. Почти и не пытались.

Внизу что-то происходит.

Ворота деревни плотно заперты. Нет никаких следов халларнских воинов, которые бы пришли вслед за своим генералом и прошли по деревне убийственным вихрем.

Но северяне ведут бой.

Сами с собой.

Друг с другом, как одичавшие собаки, которые не поделили кость.

Мы еще не поднялись слишком высоко, и я успеваю различить в копошащейся грязной возне того воняющего гнилью старика. Только теперь он передвигается по-звериному, перебирая руками и ногами, словно собака. Его тощая спина выгнута, позвонки и большие зеленые пятна гнили торчат из дыр в одежде.

Его место в земле, а не среди живых.

Но он там такой не один: я только думаю, что их до десятка, но эти живые «мертвые» лезут, как паразиты, из всех щелей: из подвалов, из ям, из-под провалов под частоколом.

Их... сотни.

И это уже не северяне, хоть и выглядят, как мы.

Деревенские, как могут, пытаются отбиться, но их силы неравны. Против «мертвецов» здоровые вооруженные вилами воины падают, словно срубленные стебли. И «мертвецы» впиваются в них, как хищники в загнанную добычу.

— Мы должны вернуться! - кричу прямо в лицо Тьёрду, оборачиваясь столь резко, что едва не вываливаюсь из седла. - Пожалуйста, Тьёрд. Умоляю. Там что-то... не так. Не так, как должно быть. Спаси мой народ! Спаси тех, кого еще можно спасти!

— Вы убиваете друг друга, как это было всегда, - зло огрызается генерал. - Я не псать, чтобы мирить диких собак.

Я проглатываю обиду и унижение за свой народ и свою кровь, потому что - как никогда раньше - понимаю, что сейчас эти слова заслужены. Что я уже и правда не знаю этот Север, не понимаю, какой я крови: тех, что своими спинами из последних сил прикрывают стариков и детей, или тех, что озверели и потеряли человеческий облик.

Но...

Там книзу, прямо под нами: маленькая грязная девочка, босая, в одной сорочке прямо посреди всего этого кошмара. Прижимает к груди щенка и направляет палку в сторону медленно ползущего на нее «мертвеца».

— Тьёрд, умоляю. Если я... если я хоть что-то еще значу... Пожалуйста, спаси хотя бы тех, кого еще можно спасти.

Потом я расскажу ему обо всем: и о знаке на коже, и о том, что у старика из замка и этой армии дохляков, есть что-то общее.

Но сейчас...

Та девочка со щенком.

Я не хочу видеть, как она умрет.

Я слышу скрежет зубов из-под шлема, и потом - свист в ушах, когда стальная громадина резко лавирует вниз.

— Не выходи из-под его защиты, - приказывает Тьёрд. - Иначе, клянусь своими и твоими богами, достану тебя с того света и всыплю за непослушание. Больше не рассчитывай на мое терпение и сострадание... жена.

Мы приземляемся возле стены. Тьёрд стаскивает меня со своего чудовища и ставит между драконом и стеной.

— Все поняла? - смотри на меня двумя кровавыми огнями в прорези шлема.

Киваю так сильно, что чуть не отламывается голова.

На этот раз, Тьёрд не берет меч.

Тяжелой поступью идет в самое пекло с голыми руками.

И я уже знаю, что будет дальше.

Глава пятьдесят первая

Я вспоминаю о той несчастной летучей мыши, которую Тьёрд превратил в пепел в Красном шипе, когда решил преподать мне первый урок. Вспоминаю ровно в тот момент, когда на Потрошителя, из дыма и гари, вылетает полуголый северянин с окровавленным ртом и торчащей в бок стреле. Она его как будто совсем не заботит.

Словно бешеную собаку, которая не чувствует ничего, кроме неутолимой жажды.

Северянин что-то коротко вскрикивает и бросается на Тьёрда.

Я закрываю рот ладонью.

Но генерал просто ведет рукой в его сторону, чуть сжимает пальцы – и на моих глазах одержимый превращается в пепел, в пыль, которую тут же подхватывает ветер.

Тьёрд не позволяет ни одному одержимому даже приблизиться к себе – выщелкивает их, как на стрельбище в спокойную солнечную погоду, когда безветренно и стрелы всегда попадают в цель.

«Мертвецы» продолжают переть на него, но с каждым новым шагом вглубь деревни, Тьёрд оставляет после себя все новые и новые горы пепла. Будь одержимые хоть немного в своем разуме, они бы поняли, что этот противник им не по зубам, но они, полностью утратив человечность, подчиняются только одному инстинкту – убивать всех.

Те северяне, которые пытались отбиваться от «мертвецов», теперь поворачивают оружие в сторону Тьёрда. Видят, как он запросто сеет смерть и прах, пытаются сбиться в кучи и, защищаясь, нападают.

Тьёрд оглушает их, разбрасывает в разные стороны, словно тряпичных кукол, но чем дальше, тем ему сложнее воевать на два фронта.

Халларнскому Потрошителю все равно придется начать убивать всех без разбору, иначе, даже его, всесильного и «бессмертного», просто сметут числом.

Жизнь конечна даже у Правой руки Императора.

Я знаю, что пообещала.

Знаю, что снова ослушалась.

Знаю, что если мы сегодня выживем, Тьёрд сурово меня накажет.

И еще я знаю, что не могу стоять в стороне, пока мужчина, который пришел спасти меня и спасти этих запутавшихся в собственных страхах людей, будет умирать у меня на глазах.

Даже в моих самых смелых снах генерал никогда не становился на сторону моего народа. Я бы рассмеялась в лицо тому, кто сказал бы, что это возможно.

И вот сейчас – он делает это.

Наверняка зная, что цена может быть слишком высокой.

Я бегу к нему: в грязном мокром и липком от крови снегу. Падаю, споткнувшись о лежащего ничком селянина, встаю и снова падаю. Грязь густо налипает на мою одежду. Волосы испачканными сосульками прилипают к лицу.

Между нами всего десятков шагов, но мое сердце успевает умереть и воскреснуть, когда здоровенный северянин со всего размаху опускает ему на плечо секиру. Тьёрд немного заваливается на бок, но тут же распрямляется, хватая северянина за шиворот и сразмаху швыряет куда-то под сарай.

От удара мужик сползает бесчувственным кулем.

— У нас один враг! – кричу сразу всем вокруг, и становлюсь рядом со генералом.

Теперь все правильно.

Теперь я там, где должна быть жена, когда ее муж защищает дом – за его спиной, лицом к врагам, которые могут ударить ему в спину.

— Пожалуйста, остановитесь! – От громкого крика горло хрипнет почти сразу, но у меня не будет второго шанса повторить эти слова. – Пожалуйста, увидите, кто сейчас ваш враг!

— Проклятое халларнское поветрие, - выплевывает кто-то из северян. - Они пришли на наши земли, отравили ее своей мерзостью и теперь землю тошнит их мерзостью.

— А если грязные завоеватели здесь ни при чем? - яростно рычит Тьёрд. - Если я сейчас уйду - кому еще будет не насрать на ваших детей?!

Северяне молчат. Даже те, которые только что собирались проткнуть его первым, что подвернется под руку.

— Я не знаю, что происходит, - продолжает рычать Тьёрд, и мне на секунду кажется, что где-то там, за этой темной сталью и злостью, скрывается глубокая усталость.

Наверное, у него были тяжелые дни.

Но прямо сейчас я запрещаю себе думать о том, что именно он делал. Сейчас я просто жена своего генерала и должна закрывать его спину. И верить, что, может быть, боги вложат в его сердце хотя бы немного терпения и сострадания, а в головы северян - хоть каплю ума.

Но разговору суждено остаться без ответа, потому что короткую передышку затмевает долгий голодный хрип.

И «мертвецы» снова ползут на нас со всех щелей, пробиваясь внутрь деревни, словно давно готовились к нападению, и сейчас - тот самый день.

Я подбираю валяющийся в снегу окровавленный клинок и, вспоминая уроки отца, становлюсь так, чтобы в случае чего - защитить и себя, и спину Тьёрда. Даже если мне не хватит воинской сноровки и силы, со мной всегда моя смелость и отчаяние. Отец любил говорить, что желание жить способно помочь мальчишке победить здорового двухголового великана.

Тьёрд бросает на меня взгляд.

Готова поспорить, что под темной сталью играет ироничная снисходительная усмешка.

— Посмотрим, что ты запоешь, когда я не дам напирать тебе под зад, - огрызаюсь я.

Это, конечно, просто бравада.

Но мне нравится, когда за мгновение до того, как в нас врежутся мерзкие воюющие нелюди, генерал наклоняется ко мне и тихо, смягчаясь, отвечает:

— Пожалуй, в таком случае я запою оду моей маленькой храброй дикой кошке.

И мы все, заклятые враги, становимся против общей беды: северяне, халларнский Потрошитель и я, предательница и падшая девка без стыда и совести.

Иначе не выживет ни один из нас.

Когда все заканчивается, еще какое-то время стоим без движения.

Смотрим друг на друга и никто не решается вернуться к тому разговору. Да и смысла нет: генерал доказал, что не враг им. Хотя бы сегодня.

Маленькая девочка со щенком потихоньку пробивается сквозь толпу и, угрюмо, молча протягивает мне мой же меховой плащ. Уже порядком кем-то истоптанный, но еще достаточно целый, чтобы защитить меня от холода.

Девочка задерживается на минуту, подтягивает щенка повыше, чтобы удержать его одной рукой, и осторожно, украдкой, притрагивается к Тьёрду ладонью. Правда, тут же отскакивает и прячется, но после этого деревенские потихоньку опускают вилы и топоры, и махнув на нас рукой, разбредаются по домам.

— Уверена, что хочешь задержаться? - спрашивает Тьёрд, когда среди горы мертвецов остаемся только мы. - Есть у меня подозрение, что сейчас эти ребята проверят, на месте ли их добро, и снова вернуться к нам.

— Это правда, не ваша магия? - Я уже не знаю, во что и кому верить. И даже если он ответит, что халларны тут ни при чем, будет ли это правдой? Могу ли я снова ему поверить?

— Правда, - немного устало, но без заминки отвечает генерал. - Мы - воины, Дэми. Мы жестокие, мы не привыкли просить, а просто силой берем то, нам нужно. Но мы не сводим людей с ума и не

стравливаем их между собой. Хотя, должен признать, в такой тактике есть рациональное зерно.

— Ты сказал мне, что это северяне нарушили договор и нападают на ваши посты. А они, - тыкаю пальцем в сторону, не указывая ни на кого конкретно, но мы оба понимаем, что речь о простых людях, - говорят, что это халларны нападают первыми, вопреки договору о перемирии. Эти северяне не ввали, Тьёрд.

Генерал стаскивает шлем и темные волосы липнут к его бледному, как будто совсем обескровленному лицу. У него впали щеки. И темные круги под глазами.

Мне тоскливо - хоть вой.

Нам нужно домой.

Развести огонь в камине, выпить того сладкого халларнского вина и просто, может быть, впервые в жизни, поговорить обо всякой ерунде. Не огрызаясь друг на друга.

— Все очень сложно, Дэми, продолжает Тьёрд. - Что-то происходит на Севере. Какое-то движение, но я пока очень смутно его вижу и только пытаюсь понять. И если мое слово для тебя хоть что-то значит, то знай - халларны не рвали и не нарушали мирный договор. И, возможно, этого не делали и северяне.

— Тогда кто?

— За подобные разговоры я сам отправлял людей под меч. Есть вещи, о которых я не имею права говорить. И ты лучше больше не спрашивай.

Я понимаю. Он и так рассказал достаточно.

Нас, северян и халларнов, просто стравливают друг против друга.

Какая-то третья сторона. В каких-то своих интересах.

— Твоя помощь ничего не значит, Потрошитель, - нарушает наш разговор вернувшийся угрюмый северянин. - Но... спасибо.

— Я забираю свою жену, северянин. Надеюсь, никто не встанет у нас на пути.

— Я прослежу, - обещает тот. - Мы по-прежнему враги, Потрошитель. И если мы встретимся снова, я постараюсь тебя убить. Но в честном бою, а не в спину, как трус.

— Взаимно, - почти миролюбиво улыбается Тьёрд.

Мы не прощаемся, даже не обмениваемся намеками на уважительные кивки, просто разворачиваемся и уходим к ждущему нас стальному чудищу.

Нас могли бы и не отпустить.

И если бы хоть одна стрела полетела в нашу сторону, никакие мои слова и уговоры не остановили бы гнев Тьёрда.

Но северянин держит слово - никто не пытается нас остановить.

Хоть, правды ради, за нашими спинами люди выдыхают с облегчением.

Всего за каких-то полчаса деревня из обжитого насиженного места превратилась в кровавое пепелище. Мертвых не пересчитать. Многие лежат лицами вниз, и сейчас уже почти невозможно понять, кто это: обычные люди или одержимые?

Все так зыбко и неясно, что у меня путаются мысли. Так что как-то слишком поздно вдруг доходит, что практически обвилась вокруг руки генерала и крепко-крепко прижимаюсь к нему боком.

А он разглядывает меня сверху вниз с удивленной, но довольной улыбкой.

— Спасибо, что пришел за мной, - шепчу одними губами. - Мне было очень страшно.

Зачем отрицать очевидное?

— Тебя совсем нельзя оставить одну, жена. Отлучишься на день-другой, вернешься - а в доме полный бедлам.

Вроде и отчитывает, но как-то не так, как раньше.

Внимательно изучает мое лицо.

Почему-то хочется, чтобы дотронулся. Прямо сейчас, пусть даже и руки у него в крови, а у меня гряз на щеках. Просто протянул ладонь, погладил по щеке. А я бы потерлась об нее, как кошка.

«Спасибо за чудо, Потрошитель...»

Снова застревают в горле.

— Тебя не было гораздо дольше двух дней, - говорю вместо благодарности.

— Женщина, на моих плечах большая ответственность. Империя сама себя не защитит.

Быстро, пока не выдала себя, закрываю рот ладонью и хихикаю, как маленькая. Жестокий кровавый генерал, знаменитый Потрошитель, оправдывается перед своей маленькой трусливой женой. Чудеса.

Тьёрд все равно все замечает, вопросительно приподнимает бровь.

— Что это ты там себе думаешь? - хмурится, когда не тороплюсь с ответом.

Отрицательно мотаю головой и закусываю губу.

«Ничего, совсем ничего...»

Мне очень хочется расспросить его о чудовище под Красным шипом, хочется сказать, что я все вспомнила и что знаю про ребенка. Знаю про нашего сына.

Но не спрашиваю. Потому что сейчас не время.

Сейчас мне бы просто прижаться к нему и выдохнуть, поняв, что теперь я действительно в безопасности.

Я знаю, что Тьёрд обманывал меня, что недоговаривал, но больше не могу на него злиться.

Возможно, что-то изменилось. Возможно это просто остатки страха и благодарность за чудесное спасение. Возможно что угодно, но я лучше побуду той самой пропащей женщиной, и не буду больше слепо бросаться на него с кулаками.

Когда вернемся в замок - заболтаю его до смерти. Пусть рассказывает, каким был, когда впервые сел в седло. Как учился держать меч. Как его тошнило, когда впервые напился до беспамятства.

Я хочу «увидеть» моего Тьёрда. Даже если наше шаткое перемирие продлится всего пару дней.

Мы поднимаемся в небо - и Тьёрд направляет дракона в сторону замка.

— Меня сопровождали два твоих человека, - говорю ему. - Не наказывай их, пожалуйста. Я знаю, что ты не одобряешь моего решения, но они последовали за своей госпожой, потому что у них не было выбора.

— Мы обязательно поговорим о твоих решениях, Кошка. А что касается твоего эскорта - они уже наказаны. Попытались отбить тебя, когда все началось. Я видел тела за воротами.

Будет ложью сказать, что эти люди что-то для меня значили и что мне их жаль. И все же на душе скребут кошки - они погибли, потому что пытались защитить меня. Даже если у них и не было другого выбора - если бы вернулись в замок без меня, Тьёрд бы все равно не оставил их в живых.

Странные сегодня день. И путанные странные мысли в моей голове.

Когда ты по одну сторону конфликта - все кажется ясным и понятным. Есть белое - это ты и твой народ, а есть черное - это они, чужестранцы. А когда оказываешься на территории врага, оказывается, что у них своя правда и своя цель. И с той стороны тоже люди, со своими мечтами и своей, пусть и не понятной, но правдой.

Я вздыхаю и украдкой, чуть подавшись назад, уютно жмусь спиной к груди своего грозного, но очень уставшего мужа.

Глава пятьдесят вторая: Тьёрд

Я не врал Кошке, когда говорил, что ситуация на линии соприкосновения северян и халларнов – очень сложная и нервная. Хотя лично у меня в арсенале для вот таких вещей есть пара словечек покрепче, но не ругаться же при жене, когда она, кажется, чуть ли не спит у меня на груди, и даже не боится, что может упасть на любом неосторожном выраже.

Даже не в постоянных набегах со стороны северян. Дело в странных донесениях, которые в последнее время все чаще доходящих до моих ушей.

Как будто среди халларнов появились те, кто перешел на сторону северян.

Предатели и отступники были и будут всегда, в любой армии, при любых командирах. И чем сложнее в данный момент военная обстановка, тем сложнее людям удержаться от того, чтобы нарушить клятву. Армия Эра выигрывает на всех фронтах, и пара сотен трусов не изменят финал войны. Но люди, выбирающие сторону, должны понимать, какое будущее их там ждет. Должны понимать, что там, куда они уходят, завтра может остаться только пепел и дым.

Не так много среди халларнов этаких залетных романтиков.

А еще меньше тех, кто всерьез думает, что сможет отсидеться в глухомани, пока одна сторона режет другую как скот.

Переходить на сторону северян – чистое самоубийство.

Но получается, что там, где счет предателям должен идти на единицы, их почему-то сотни.

И, переходя на сторону врага, халларны берут не только свое оружие и броню, но и вещи куда серьезнее и опаснее. Которые, если ими правильно воспользоваться, могут проредить армию Императора.

Но и тогда победа все равно останется за нами.

Тогда зачем все это? Ради чего?

Я правда собирался побыть вдали от дома совсем недолго: все-таки, у меня молодая жена и «секрет» в подвале, который, хоть и находится в абсолютной безопасности – защитой своей «матери» - все равно должен быть под моим присмотром. Я так и сказал Эру, когда император вызвал меня к себе. Он посмеялся, сказал, что не задержит, а когда я прибыл, сказал, что кое-что случилось.

Кое-что, требующее моего внимания.

Поэтому я, как проклятый, шерстил все границы «перемирия», пытаюсь найти хоть что-то, что поможет понять, почему воины императорской армии – закаленные в битвах головорезы, лишенные сострадания и страха, вдруг превратились в бестолковых баранов, обрекающих себя на смерть.

Я нашел много сожженных дотла северных деревень. Осмотрел их, раскопал пару могил и понял, что хоть халларны не имели к этому никакого отношения, все выглядит именно так, словно это – дело рук Императора, его армии и меня, халларнского Потрошителя.

И все было очень... аккуратно, почти без огрехов.

Не просто пара случайных совпадений. От деревни к деревне, от костра к костру я видел четко прослеживаемую попытку свалить все на нас. Если бы не одно «но» - я видел трупы с обглоданными конечностями. Не отрубленными, не сожженными, а именно обглоданными. И при этом – никаких следов дикого зверья.

То есть, с одной стороны кто-то нападает на северян, провоцируя их нападать в ответ на тех, кого они считают виновниками всех этих погромов – на нас. Кто-то не случайно нападает именно сейчас, когда Эр, собрав волю в кулак, кое-как пошел на уступки и согласился остановить кровопролитие, если северяне не будут нарушать границу наших территорий. Пусть и отвоеванных железом и террором.

С другой стороны – эти странные твари, слишком сильные и слишком неубиваемые. Идеальные бойцы. Их нападение не выглядело как хаотичный набег голодного зверья. Они лезли прицельно внутрь. Они знали, на кого нападают. И они жрали тех, кого убивали.

Я мысленно прикрываю глаза, запрещая себе думать об отдыхе.

Мне понадобились почти все силы, чтобы вычистить деревню.

Если бы северяне не отпустили нас с миром – мне бы не хватило сил отбиться. Максимум – прихватить на тот свет десяток-другой, прежде чем сойду сам.

И с третьей – предатели, которых как след простыл.

До сегодняшней бойни я еще сомневался, что все это – дело рук какой-то невидимой стороны. Эдаких серых кардиналов, которые, не вступая в конфликт открыто, умело манипулируют его участниками, заставляя их поступать так, чтобы в конечном итоге победителем были не северяне и не халларны, а они – невидимые генералы. Но теперь у меня нет никаких сомнений, что третья сила все-таки есть и, кажется, именно она собирает вокруг себя приличную боевую силу. Зачем? Допускаю самое мрачное предположение – чтобы завершить то, от чего отказался император – без остатка выпотрошить Северные земли и забрать из его недр драгоценные ресурсы.

Я успеваю заметить вспышку внизу и машинально увожу дракона в сторону. Сильнее обхватываю Дэми за талию – и мы закладываем крутой вираж, уходя от стремительного огненного снаряда, прицельно летящего прямо в нашу сторону.

Какого...?!

Еще пара вспышек – слева, справа. Повсюду.

Мне знакомы эти вспышки. Это как раз и есть то «оружие», которое предатели успели утащить с собой. Но, честно говоря, я не рассчитал, что так много. Тут лупит целая армия, десятка два – не меньше.

Орудия явно установлены так, чтобы максимально перекрыть траекторию нашего полета и не оставить места для маневров.

— Что это?! – кричит Дэми, но я игнорирую ее вопрос.

Еще один вираж, потом резкое падение и не менее резкий, почти вертикальный взлет. Это тяжело с непривычки, но у меня огромный опыт, а вот Дэми приходится трудно. Краем глаза вижу, как она широко раскрывает рот, пытаюсь вздохнуть, но сильные порывы ветра не дают этого сделать.

«Потерпи, Кошка, потерпи...»

Еще пару раз мне дьявольски везет избежать попадания, но, в конце концов, удача поворачивается ко мне самой своей поганой стороной.

Я не справляюсь.

Удар приходится в район подбрюшья – нас вмиг переворачивает и закручивает в штопор. Если бы не специальные фиксаторы – обоих бы вышибло из седла.

Я пытаюсь сохранить хоть какое-то подобие управления, но повреждения слишком серьезные – дракон хаотично машет стальными руками и уже ни выровняться, ни удержать высоту.

Что есть сил натягиваю поводья, хоть как-то пытаюсь замедлить падение. Его не избежать, но если врежемся в землю «на всем скаку» – нас просто разнесет в клочья.

Второе попадание отрывает дракону крыло и поджигает правый бок. Коптящее черным пламя клочьями вырывается из отверстия и стекает по чешуйчатому боку. Но именно это попадание, как ни странно, помогает мне хоть как-то контролировать полет.

Жаль, слишком поздно.

Верхушки деревьев настолько близко, что мы едва их не задеваем.

Еще одна, уже почти безнадежная попытка замедлиться.

И она почти срывается, вот только дракона порядочно трясет. И прежде, чем я успеваю догадаться, что за этим последует, внутри стальной туши что-то с грохотом взрывается.

Нас подбрасывает.

Обоих сразу вышибает из седла.

У меня есть всего мгновение, чтобы принять решение. И это решение на удивление простое и понятное. У меня даже нет альтернативы.

Даже странно, что силы сидящей во мне твари я впервые в жизни использую не для убийства и утрашения, а чтобы спасти жизнь. Пусть и всего одну.

Мы летим вниз, но моя собственная тьма вырывается вперед, стелется под нас, словно подушка. Конечно, удар все равно будет слишком сильным и один из нас его вряд ли переживет, но на мне по крайней мере есть доспехи.

Собираю последние силы, переворачиваюсь в воздухе, придерживая Дэми на себе.

Попытаться стоит.

В последнее мгновение успеваю заглянуть в ее огромные глаза – перепуганные настолько, что хочется выть от бессилия. Мужчина должен уметь защитить свою женщину. Даже если эта женщина считает его своим самым главным в мире врагом.

— Все будет хорошо, - говорю ей, но ветер забирает мои слова.

А потом мы врезаемся в лесную чащу.

Это почти не больно. Только сознание на мгновение все же отключается.

Но прихожу в себя – мы лежим на прогалине у самого края обрыва. Еще с десятков метров – и рухнули бы прямо туда. Только там уже в месиво оба, без вариантов.

Хорошо, что тьма все же немного притормозила падение.

Хорошо, что мне удалось упасть на спину и принять удар на себя.

Плохо, что я уже почти не могу дышать, и боль в центре груди частыми беспощадными ударами растекается по венам. Проклятье, я почти не чувствую ног.

Веки Дэми вздрагивают, и моя жена сперва медленно, а потом торопливо, часто моргая, открывает глаза.

— Что это было? – спрашивает очень хрипло, закашливаясь кровью в ладонь, которую разглядывает с удивлением маленькой девочки.

Очень плохо – ей досталось сильнее, чем я надеялся.

— Нас сбили. – Проглатываю стон боли. – Халларны.

— Что? Зачем?

Хочу отрицательно мотнуть головой, но даже эта слабая попытка отзывается во всем теле такой болью, что на какое-то время я теряю слух и зрение.

Темно и холодно.

Может, Тень уже забрала меня?

— Тьёрд! Тьёрд!

Голос Кошки возвращает меня обратно. Правда, ее черты расплываются, и как бы я ни старался – уже не могу толком рассмотреть ее лицо.

— Все хорошо, - не уверен, что мой голос звучит достаточно убедительно.

— Ты весь... - Хочется сказать «в крови», но произносит это лишь губами.

Поджимает дрожащие губы. Сглатывает, мотает головой. Внутри нее какая-то безмолвная борьба.

— Тебе нужно полежать, хорошо? – Кому она это говорит: мне или чтобы успокоить себя? – А потом мы потихоньку встанем и пойдем.

— Куда? – Хочу иронично улыбнуться, но снова кашляю.

— Ты забыл, Потрошитель, что это – мои земли, и мои снега. Я приведу нас домой.

Решительно дергает и отрывает рукав платья, промокает им мое лицо.

Хорошо, что я в броне. Под ней, наверняка выгляжу, как кусок отбивного мяса.

Даже моя живучесть порой дает сбой.

Потому что, хоть для всех я и бессмертный Потрошитель, на самом деле мне уже давно пора маршировать на тот свет.

Я чувствую себя перерубленным надвое.

— Подожди, - останавливаю голосом мою северянку, потому что даже руку поднять уже не в силах. - Я... Знаешь, уже набегался от смерти. А тут такой вид, что грех не...

— Замолчи! - кричит Дэми.

Сжимает руки в кулаки, замахивается и только в последний момент сдерживает удар.

Она плачет?

Проклятье, я так не вовремя слепну, что вижу только как Кошка со всей силы трет глаза кулаками, и грязные разводы на ее лице меняют форму.

И правда плачет.

Ей, что, жалко меня?

— Послушай. - Набираю в грудь воздух. - Тебе надо уходить. Прямо сейчас. Они так просто нас не оставят.

— Да кто они? Что происходит?!

— Я не знаю. Правда не знаю. - Еще один вдох, еще один спрятанный от нее глухой стон. Это наши фокусы. У северян таких нет, это я знаю точно.

— Ты чем-то провинился перед императором? - на лету схватывает она.

И я в который раз хвалю себя за то, что выбрал в жены именно ее.

Позволяю себе легкую усмешку.

— Дэми, мы с императором, как братья.

— Тогда...

Она резко оборачивается. И я уже знаю, что услышу.

— Кто-то идет. - Дэми хватается меня за руки, пытается как-то подлезть под плечо, поднять меня.

— Прекрати, - рычу и хочу оттолкнуть, но руки не слушаются.

— Там люди, Тьёрд. Нужно уходить.

Снова пытается поднять меня, но весь мой доспех весит половину веса здорового коня. Дэми я не по силам.

Я знаю, что там люди и знаю, что они пришли проверить, выжили ли мы. И добить, если вдруг да.

— Уходи! - Пересиливая боль, отталкиваю ее руку. - Ты должна выжить. Прошу. Они пришли за мной, ты им не нужна.

Это ложь. Ее попытаются убить, иначе зачем тогда вся эта скрытость, если появится живой свидетель и сможет пересказать все Императору? Но по крайней мере, я задержу их на минуту или две, если повезет. А моя северянка - дочь этих земель, она сама это сказала.

Она у меня сильная.

Она выживет.

— Нет, халларнец, - упрямо мотает головой. - Никуда я не пойду.

В ее глазах такая тоска и боль, что лучше вырвать себе сердце, чем все это видеть.

Только я все смотрю. Не могу не смотреть.

Моя дикая Кошка не смотрит на меня, как на убийцу.

Не смотрит, как на разорившее ее дом чудовище.

Она смотрит на меня, как... на мужа?

Или это у меня уже горячка?

— Ты не можешь умереть, халларнец, - еще сильнее упрямится она. - Ты - бессмертный генерал. Мы встанем и...

— Нет, Дэми. Я не бессмертный и никогда им не был. - Есть только один способ заставить ее уйти. Дать северянке то, чего она всегда так сильно хотела. - У меня на боку нож. Если не потерялся. Это будет немного неприятно и грязно, но тебе придется меня прикончить. - Улыбаюсь, чтобы приободрить ее. - Обещаю, не являться в дурных снах.

Ее взгляд смещается к моему бедру.

Медлит.

Шаги еще ближе - мы оба слышим осторожный хруст веток.

Дэми тянется и вытаскивает из ножен большой нож. Жаль, нет меча. Для нее так было бы легче.

Медлит, шмыгая носом. Перекладывает из одной дрожащей руки в другую.

Нужно спешить, пока еще не слишком поздно.

Хоть перед смертью мне бы хотелось еще хоть бы раз увидеть тот ее взгляд.

Как на мужа.

— Я твой враг, Дэми, - жестко, выжигая всю мягкость, рублю я. Пусть вспомнит, кто перед ней. Пусть сделает то, что нужно и бежит. - Это я разорил твою страну. Я убивал твой народ. И меня не мучит совесть. Боги услышали твои молитвы. Отомсти, ну?!

— Боги, муж, - Дэми проводит рукой по лицу, и ее слезы мгновенно высыхают, а паника растворяется, как и не было. - Боги пусть поцелуют меня в зад, если им угодно.

Моя северянка похожа на человека, который на что-то решился и уже ничего не боится и ни на что не надеется.

— Нет! - Злости хватает только чтобы сжать в ладони горсть снега. - Проклятье, упрямая женщина!

Дэми поднимается. Подобнее перехватывает кинжал, но ее рука спокойно висит вдоль тела. Я не вижу этого, но уверен, что Кошка собирается встретить халларнов злой улыбкой.

— Что б ты знал, муж, - оглядывается на меня, - северная женщина, если нужно, будет защищать своего мужчину с оружием в руках. И никуда не отступится.

Глава пятьдесят третья

Я не боюсь вида крови – и могла бы не дрогнувшей рукой перерезать горло человеку, который принес моему народу столько горя.

Думала, что могла бы.

Даже видела это во сне.

Но когда боги дают мне шанс, когда Тьёрд сам запрокидывает голову и просит нанести последний удар, я понимаю, что не могу этого сделать.

Не хочу.

Не буду.

И не позволю кому-то другому причинить ему вред, потому что он – мой муж. И он столько раз доказал это, что у меня до боли в плече сжимается сердце, стоит вспомнить, что за моей спиной он – тиран и деспот, медленно и неумолимо умирает.

А я совсем ничем не могу ему помочь. Разве что... не позволить этим тварям, которые лезут в нашу сторону через чащу, наслаждаться быстрой бескровной победой.

То, что я чувствую в эту минуту – очень болезненное, как свежая рана, с которой снова и снова сдирают кожу и не дают зажить. Эти странные чувство внутри меня, кровоточат и болят. Заставляют вспоминать те дни, когда я случайно ловила на себе взгляд этого чужестранца и в нем не было ни отвращения, ни ненависти. Только любопытство. Иногда желание.

И сегодня. В деревне. Когда мы оба заглянули в лицо смерти и остались живы – он смотрел на меня с нежностью.

Боги, за что вы так со мной?!

Тьёрд зудит у меня под кожей, у меня в голове, у меня в сердце. Его надо вышвырнуть оттуда – и все вновь станет, как прежде. И даже если не станет. Как можно одновременно ненавидеть человека и чувствовать себя в безопасности только когда рядом с ним? Как можно желать ему смерти и быть зависимой от его взгляда или от редкой улыбки?

Потрошитель каким-то образом отравил меня и теперь убивает изнутри.

А я не хочу и не могу избавляться от всего этого. Потому что уже не знаю, как буду без него.

Кем я буду без него? Такой же целой? Такой же сильной?

Впереди слышится хруст веток под теперь уже торопливым шагом, и я вовремя вспоминаю, что теперь уже вряд ли стоит задумываться о будущем.

Потому что спустя несколько минут его просто не станет. И не станет нас с Тьёрдом.

Халларнов очень много. Возможно, около сотни или даже больше. Они приближаются, передвигаясь на двух ногах, но все равно то и дело припадают к земле как медведи. Они еще слишком далеко, чтобы я могла как следует их рассмотреть, но готова поклясться – на шее каждого есть то проклятое клеймо.

Нас кто-то стравливает, пытается сломать и без того очень хрупкий мир.

На Севере нет такой силы. Мой народ воюет в лоб и даже заговоры строит топорно – дядина головушка с плеч, тому доказательство. Некогда дарованные нам богами силы, уже давно иссякли. Теперь они появляются лишь изредка, и в основном в руках людей, которые не могут использовать их ни во имя большого блага, ни для еще большего вреда. Геарат владел такой силой – и тратил ее только лишь на то, чтобы стегать непослушную падчерицу. Ни на что другое он просто не был способен.

Халларны – другое дело. Я собственными глазами видела мощь в руках Заклинателя костей. А он в Империи такой не один. Даже если один из самых сильных.

Но теперь я верю Тьёрду, когда он говорил, что его люди не имеют к этому отношения.

Жаль, что верю слишком поздно. И жаль, что уже нет времени сказать, как я была не права, и как был не прав он сам. И что для наших народов, возможно, есть маленький шанс на примирение? Тот тоненький хрупкий мостик, по которому друг другу навстречу все это время шли мы – гордая

северянка и императорский потрошитель.

Жаль, что придется остановиться.

Жаль, что наш сын...

Я смахиваю стынущие на щеках слезы. Потому что даже у боли есть предел, даже она - конечна. И чтобы смело посмотреть в глаза врагам. Нужно оставить позади страх и боль.

Смерть - это просто бесконечный сон.

Что может быть страшного во сне? А боль... Она будет кратковременной и почти привычной. Но парочку тварей я все-таки заберу с собой, чтобы прокладывали мне дорогу к небесным чертогам.

Я перехватываю кинжал двумя руками.

Второй раз за день чувствую себя той маленькой девочкой, которой отец когда-то в шутку пророчил славную участь великой воительницы. Надеюсь, хотя бы сейчас он смотрит на меня и гордится, что его единственное дитя не подбирает юбки и не вымаливает жизнь на коленях.

Но...

Что-то происходит за моей спиной. Я не то чтобы слышу - скорее, чувствую. Как будто земля вздыбилась выросла огромная гора, заслонившая меня от солнца и ветра.

Оборачиваюсь.

Тело моего Тьёрда словно истощается, становится полупрозрачным. Спины выгнута тугой, как от невыносимой боли.

В пылающих глазах уже нет ни капли разума.

Что-то рвется из него так сильно и жаростно, что рвет стальные доспехи, словно пергамент.

Черные пластины лопаются, падают в снег, как какие-то тряпки.

И там, за рваными листами нагрудника, бьется то самое - темное и безумное. Та ужасная тварь, чья аура заставляет меня невольно пригнать колени. Но все же - смотрю ей в глаза, когда выбирается наружу, прокладывая путь хищными черными когтями.

Боги, почему же я раньше не видела?

Создание под Красным шипом и тварь внутри Тьёрда...

Они - одинаковые. Такие же бесформенные, но все же отдаленно похожие на человека. Такие же огромные, беспощадные, распространяющие вокруг себя ауру ужаса и страха, от которого, кажется, вот-вот просто остановится сердце.

— Пригнись... - читаю по обескровленным губам Тьёрда, прежде чем он окончательно теряет человеческий облик.

И тут же падаю на землю.

Над головой с глухим хлопком что-то разворачивается.

Я слышу далекий злой вой.

Стон. Рычание. Как будто даже злой хохот.

Тень вспарывает землю прямо голыми руками. Или это уже не руки, а мечи?

Сгустки черного тумана падают с ее пальцев прямо в снег, прожигая землю глубоко внутрь.

Сначала тень просто шагает вперед, паря над землей, но оставляя глубокие тяжелые следы. А потом, замерев на мгновение, рывком устремляется вперед.

Темным зловещим ужасом врезается в тварей, которые пришли за мной и Тьёрдом.

Это не сражение. И не поединок.

Это бойня, потому что против бесплотной смертоносной твари не может выстоять никто. Она просто рвет плоть на куски, вспарывает тварей, как тонкую ткань. Легко ломает кости. А потом она снова с руками-кинками, и рубит, кружась в адском подобии танца, оставляя после себя лишь груды

изломанных изувеченных тел.

Я не знаю, кто бы выжил после подобного.

Я не знаю, существовала ли на Севере хоть когда-нибудь армия, способная выстоять против *этого*.

И я не знаю, что это - злая голодная неуправляемая тень или... до сих пор мой Тьёрд.

Когда в живых не остается никого, кроме меня, Тень останавливается, медленно, как будто даже брезгливо стряхивает с когтей кровь и поворачивается ко мне. Все так же не касаясь земли, приближается, зависает надо мной.

Я едва дышу от страха, который против моей воли просачивается под кожу, вгрызается в кости и чуть не силой выкручивает ноги, чтобы бежала без оглядки.

Но я стою. И даже смотрю Тени прямо в ее безглазое лишенное человеческих черт лицо.

Она без труда читает меня. Проникает в душу, как только что проникала в человеческую плоть. Ломает все мои внутренние стены и читает, как открытую книгу.

Мне приходится выбрать весь остаток душевных сил, чтобы не отвернуться, когда бесформенный ужас тянется к моему лицу и, еле касаясь щеки, проводит по ней пальцем, оставляя на коже болезненный кровавый след.

— Я тебе не враг, - говорю даже не словами - образами, возникающими в моей голове. - Я на твоей стороне.

Тень дрожит, по ее телу пробегают волны жестоких судорог. Скалится, взмахивает когтями - и те проходят в считанных сантиметрах от моего лица. Порыв ветра хлещет наотмашь, напоминая, что если бы тварь хотела меня убить - она бы только что без труда нарезала мое лицо ровными ломтями.

Но Тень медлит.

Пятится. Ее словно что-то ломает изнутри, как будто хочет подчинить. Она сопротивляется, размахивает руками и даже наотмашь бьет меня по запястью, вспарывая кожу до крови.

Но, в конце концов, в этой схватке с невидимым демоном внутри себя, Тень терпит поражение. Она втягивает плечи и голову, рычит и падает на снег, разбрызгивая вокруг себя черную отраву собственной плоти.

А потом, под этой обезличенной маской, снова появляются знакомые черты.

Это больше не беспощадный кровожадный монстра, а мой генерал.

Только белый, как снег.

И едва живой.

Все стихает вокруг нас.

Никаких звуков, никакого движения. Даже ветер запутался в верхушках деревьев.

Есть лишь одно существо, тихо скулящее и падающее на колени. Оно ползком подбирается к измученному телу, подтягивает его к себе на колени и громко скулит, заливаясь слезами и молитвами ко всем богам сразу, чтобы пощадили того, кто необходим больше жизни.

Это я - это существо.

Это я - жена Халларнского Потрошителя, покоренная им без единого взмаха меча.

Женщина, вдруг осознавшая, что ее сердце давно принадлежит ему - этому угрюмому человеку.

— Кел'исс будет в Красном шипе через несколько дней, - почти одними губами шепчет Тьёрд.

В его глазах едва теплится жизнь. Мне даже кажется, что он уже... одной ногой где-то очень далеко от меня.

Хватаю его за руку, прижимаю ее к себе.

— Все будет хорошо, - пытаюсь улыбаться сквозь проклятушие слезы. Да что за день сегодня за такой?! Кажется, так много я не плакала с самого детства.

— Кошка, послушай... - Он сглатывает, но кровь все равно сочится по синеющим губам. - Кел'исс будет проездом. Расскажи ему все, что здесь произошло. Он поймет...

— Вот сам ему и расскажешь, муж! - кричу я, пытаюсь подтянуть слишком тяжелое тело, прикрыть его обрывками плаща. - Я тебя отсюда вынесу хоть бы на своем горбу, понятно тебе?!

— Красный шип - твой, - продолжает Тьёрд, как будто уже и не слышит, что я говорю. - Никто не посмеется принудить тебя к замужеству. Выбери человека, который будет тебя достоин, Кошка. Ты... должна жить.

На мгновение его взгляд становится пронзительным и глубоким, и мой генерал даже поворачивает голову, чтобы получше меня видеть.

Он даже как будто улыбается, но на губах только кровь и мои слезы.

— Под замком, на самом дне... — его снова скручивает кровавый кашель.

— Я видела. - Пытаюсь опередить его, не позволить впустую растратить последние силы. - Видела Темную. Видела... нашего сына, Тьёрд. Он на тебя похож, представляешь, а глаза... - Я уже почти ничего не вижу за пеленой слез и громко всхлипываю каждый раз, когда холодное дыхание Тьёрда вдруг перестает обжигать мою ладонь. - Я все вспомнила, муж.

— Прости, что заставил тебя пройти через все это, жена.

— Каждый мужчина хочет оставить после себя наследника, - повторяю его слова. И совсем невпопад. - Не умирай. Пожалуйста. Кто-то... должен... научить его держать в руках меч.

Теперь он правда улыбается - широко, открыто, пусть и в уголках глаза появляются глубокие морщины.

— У нашего сына есть мать, которая знает, как держать меч. Я знал, кого брал...

— Я слабая. И трусливая, - перебиваю скороговоркой. - Я просто северянка, которая не слушает мужа и все время попадает в неприятности, и еще...

Его лицо расплывается за новым потоком моих слез.

Я яростно вытираю их тыльной стороной ладони, пытаюсь приподнять Тьёрда, как-то встать на ноги, но когда снова вижу его лицо...

Глаза Тьёрда больше не светятся.

— Тьёрд? - Я знаю, что это уже бессмысленно, но все равно легонько трясую его за плечо.

Как будто мой генерал просто устал после долгой дороги, прилег отдохнуть и забылся слишком крепким сном.

Его щеки такие бледные и холодные, что я закрываю их ладонями, чтобы немного согреть.

На губах тонкая полоска крови. И, кажется, он даже сейчас мне улыбается.

— Я тебя ненавижу, Потрошитель, - плачу и слезы горячими каплями стекают по его лицу. - Ненавижу, потому что... потому что...

Я долго сижу над его телом.

Оплакиваю его.

Оплакиваю себя.

Оплакиваю нашу судьбу.

Проклинаю всех богов, которые развели нас по разные стороны глупой и никому не нужной войны, а потом позволили вызреть в нас чему-то теплomu. Стать... ближе друг другу. Стать, вопреки всему, мужу и женой.

Мы все эти месяцы шли друг к другу по одному острию ножа и, в конце концов, обязаны были столкнуться. И чтобы кто-то пошел дальше - второй должен был упасть.

— Я не хочу без тебя, слышишь? - Пальцы коченеют прямо на его щеках. - Не хочу идти дальше одна.

Я не хочу тот мир, где рядом не будет его хриплого голоса: «С тобой одни беды, Кошка...»

Сколько времени проходит, когда я начинаю чувствовать лед в венах? Много.

На длинных темных ресницах моего генерала лежит иней.

Он просто... спит.

Я должна думать об этом, иначе мне не хватит сил вернуть его в замок.

Не хватит сил даже просто встать.

В отдалении замечая несколько сбившихся в кучу лошадей халларнов. Животные перепуганы, но все равно ищут утешение и уверенность в близости к человеку. Мне нужны все силы, чтобы погрузить Тьёрда верхом. Животные чувствуют смерть – боятся ее, и беспокойно выбивают копытами куски грязного бурого от пролитой крови снега.

У меня даже мысли нет, чтобы оставить моего халларна здесь.

Я едва ли осознаю, что делаю. Просто позволяю телу совершать привычную ему действия, шевелить руками и ногами, как марионетка, которая вдруг обрела способность повторять за хозяином даже когда он не дергает за ниточки.

Я буду плакать по Тьёрду до конца своих дней.

Я не могла полюбить этого человека. Но жизнь без него опустела.

Мне будто вырвали сердце, а на его место запихнули холодный камень.

Мне тяжело. Очень тяжело.

Но я должна вернуть воина в его дом – как это положено у северян.

Чтобы он обрел покой.

Когда веду лошадь под уздцы, взгляд натывается на пару искромсанных тел. У каждого на шее знакомое клеймо, у всех лица забрызганы белой пеной, а в глазах тех, кто не сомкнул веки, по-прежнему пульсирует алый отсвет. Впрочем, постепенно гаснет и он.

Глава пятьдесят четвертая

Мне не хватает сил предать его огню, как северяне поступают со своими павшими воинами.

Тьёрд... он и правда как будто спит.

Когда его тело несут на сложенный из веток огромны погребальный костер, я не могу поднести факел.

Я, гордая дочь Севера, никогда не верившая в сказки, отказываюсь принять очевидное. Не могу отпустить моего генерала в тот мир, куда его призвали жестокосердные боги.

Я, желавшая ему смерти и просившая об этом богов, теперь проклиная их за жестокость.

И, в конце концов, прошу отнести тело мужа в склеп, в каменный гроб.

Я плачу над ним каждый день. Плачу и все еще на что-то надеюсь: вскидываюсь на каждый шорох, каждый сквозняк, в котором мне слышит знакомый голос.

Любимый голос.

Мне кажется, что где-то там, очень глубоко под замком, вместе со мной плачет и наш сын.

И ради него, и ради себя я дождусь приезда Заклинателя костей. Однажды он уже вернул Императору его верного генерала. Пусть теперь вернет жене ее мужа.

Кел'исс действительно пребывает в Красный шип спустя несколько дней. И не один, а в сопровождении нескольких больших драконов, на спине каждого из которых помещается по десятку халларнов.

Он уже все знает, но со мной разговаривать не торопится. На все мои попытки заговорить просто отворачивается, делает вид, что меня не существует. Подлавливаю его, когда заклинатель быстрым шагом пересекает большой зал, намереваясь в который раз проигнорировать мои попытки узнать хоть что-то.

— Тьёрд просил меня рассказать о его смерти, - говорю громко - и мне плевать, если нас кто-то услышит. Просил рассказать о тех халларнах, что ... что виновны в...

Я проглатываю новую порцию слез.

До сих пор отказываюсь верить.

До сих пор еще на что-то надеюсь. Тьёрд уже однажды вернулся из мертвых, и... может быть, он...

Заклинатель костей останавливается у самых дверей, уже потянув одну из них на себя. Легким милостивым кивком дает мне право говорить.

— Появилась третья сторона? Кто-то, кто использует и северян и халларнов в качестве мяса, чтобы вновь развязать войну? Я видела и тех, и других. Видела, как эти... существа сходят с ума. Мой муж... ушел из-за них.

Лучше так, лучше думать, что он «ушел» и до конца своих дней просидеть у окна, дожидаясь его возвращения. Так легче. Так сердце хотя бы на что-то может надеяться.

Кел'исс отпускает дверь, но продолжает отмалчиваться.

— Я знаю о Темной под Красным шипом, - уже прямо в его бледное надменное лицо, выдаю я. - Знаю, зачем Тьёрд принес ее в наш мир. И я помню ту ночь. Я видела нашего с Тьёрдом ребенка.

— Ты же понимаешь, что мне проще тебя убить, чем пытаться что-то объяснить? - предупреждает Кел'исс - и я слышу невероятную усталость в его голосе. - Ты не из нашего мира, Дэми. То, что Тьёрд взял тебя в жены, ровным счетом ничего не меняет. Есть вещи, которые ты просто не сможешь понять. А еще есть вещи, которые я не должен тебе рассказывать, если только ты не готова заплатить за них цену собственной жизни.

— Ты не убьешь меня.

— Почему? - Он впервые проявляет хоть какой-то интерес к нашему разговору.

— Хотя бы потому, что я - мать ребенка Тьёрда. Мать его сына.

— Он слишком сильно хотел вернуть миру лучшую копию себя, - после очень длинной и тяжелой

паузы, наконец, говорит Кел'исс. – Хотя я предупреждал его, что это большой риск. Даже Тень не в состоянии вечно поддерживать жизнь в том, кто уже однажды умер.

Я хватаю его за рукав. Получаю взамен недобрый взгляд, но мне уже все равно. Пусть хоть проклянет всеми своими халларнскими погаными словами.

— Поговори со мной, заклинатель! За что отдал жизнь мой муж?! Я имею право знать. Или, клянусь, тебе придется меня убить. Но я все равно вернусь с того света и стану твоим личным призраком, сожру тебя голодным воем по ночам, и не помогут тебе никакие обереги.

Мне кажется, он улыбается почти с одобрением. Как будто все это время

— Идем, прогуляемся.

Мы уходим далеко за пределы замковой территории, но Заклинатель не очень торопится нарушать молчание.

Как будто решается на что-то.

А, решившись, принимает все последствия.

— Все начало примерно полгода назад, - начинает Кел'исс, привлекая мое внимание жесткой усмешкой, не очень подходящей этой обстановке. Словно он впервые в жизни смеется над самим собой. - Тень, из которой мы черпаем силы для нашей армии, не очень любит делиться ими добровольно и ничего не получать взамен. Она, как и северяне, дает сдачи, когда берут без спроса то, что она не хочет давать. Только вместо того, чтобы прогонять чужаков со своей территории, отправляет шпионов прямо нам в тыл. В этот мир. Сюда, где не существует ничего и никого, кто бы мог ей противостоять.

Я невольно вспоминаю последние минуты жизни Тьёрда. И существо, в которое он превратился, которое все это время жило в нем. Я правда не знаю, кто или что могло бы остановить его, потому что невозможно ранить то, у чего нет физического тела, и невозможно убить саму смерть.

— Сначала я не придавал особо значения этим ее выходкам, - продолжает Заклинатель. Его манера говорить тяжелая и не всегда понятная, но я не решаюсь перебить. Это - мир моего генерала. Я должна его понять. - Шло время, Тень становилась все сильнее. Влезала в наш мир уже не только руками, но и ногами. Возможно, северянка, тебе мои слова кажутся безумием, но представь, что речь идет о реке, которую пришлось перекрыть дамбой, чтобы она каждую весну не смывала ваши поселения до самых южных границ. А теперь представь, что у реки есть воля. И она сопротивляется грубому вторжению в ее мирное русло. Что делает река, когда ей тесно за дамбой?

— Она ее ломает, - произношу без заминки.

Тень хочет проникнуть в наш мир?

Невольно вздрагиваю как от ледяного ветра, и Кел'исс понимающе кивает, продолжая свой рассказ.

— Я не настолько всемогущ, чтобы видеть и понимать, где именно тень решила прорвать выстроенную нами, халларнами, плотину, поэтому пришлось исколесить весь Север вдоль и поперек. Пришлось выставлять метки и опорные точки, проводить вычисления и экспериментировать с различными проекциями. В конце концов, мне нужно было получить направление к источнику. И я его нашел.

Он снова замолкает. И теперь, задумчивый и отчасти отрешенный, Кел'исс кажется не могущественным заклинателем, а самым обычным человеком, на лице которого пролегли глубокие морщины усталости. Когда он в прошлый раз посещал Красный шип - этих морщин у него не было. Теперь я понимаю, почему Тьёрд подшучивал и говорил, что его другу не одна сотня лет. Только теперь я понимаю, что это - чистая правда. Все они живы и молоды только благодаря Тени.

— Ты уже знаешь о Темной, - Заклинатель быстро смотрит в мою сторону. - Тьёрд действительно принес ее из другого мира. Это - самые могущественные создания, северянка. Представь самую огромную силу, которую только знаешь, помножь ее на десять - и это будет лишь толика того, на что способны Темные. К сожалению, их сила слишком деструктивна, что использовать ее в мирных целях. Эксперимент Тьёрда - единственное исключение. Он использовать Темную, как инкубатор. Разумно, хоть и рискованно, и я предупреждал его о последствиях. И, северянка, возможно тебе станет немного легче от моих слов, но даже если бы ты смогла родить наследников самостоятельно, ты бы все равно не родила Тьёрду сына. Ни одна смертная женщина не в состоянии выносить семя человека, возрожденного Тенью. Но, к сожалению, оставшись здесь, Темная стала маяком для таких же, как и она сама. Просто... Тьёрд невольно зажег свечу в окне. В этом нет его вины. Этого никто не мог знать. Даже я.

Это звучит так, словно он считает себя самым умным человеком среди всех смертных. И, возможно, бессмертных тоже.

— Те отметки на одержимых - треугольники, лучи, - Кел'исс делает неопределенный взмах рукой. - Так выглядит портал в Тень. Равносторонний треугольник оказался наиболее приемлемой формой для равнонасыщенной концентрации энергии в одной точке, чтобы мы могли ходить в Тень, брать то, что нам нужно, и возвращаться до того, как тьма высосет из нас жизнь.

— Неужели вы только так и живете? Все время что-то ворую, отбирая то, что вам не принадлежит?

Заклинатель костей наклоняется, берет пригоршню снега и держит ее в кулаке, пока по пальцам не начинает течь немного мутная жижа.

— Видишь, северянка? Как будто бы что-то есть, а на самом деле - нет ничего. Вот в таком мире мы живем: на камнях и в пустоте, где ничего не растет, где ничего не выживает. И мы бы тоже не выжили, если бы не начали отбирать у смерти право на каждый вдох. А потом, когда научились делать это достаточно хорошо, начали отбирать у других то, что нужно нам самим. Мы - такие. Потому что у нас нет дома, за который стоило бы воевать. Потому что в нашем мире только кости и камни.

Я не хочу понимать, о чем он говорит.

Потому что не хочу понимать их.

Или, может быть...

«Север большой, халларнец, и он прекрасный, как и его народ, который всегда помогал тем, кто просил о помощи... Зачем вы пришли к нам с мечами, халларнец, если могли прийти с миром и разделить наш огонь и наш хлеб? Зачем эта проклятая война отобрала у меня моего генерала? Во имя чего?!»

Я знаю, что мне не хватит сил произнести это вслух.

Но тогда, в деревне, один халларнский генерал и один северный воин уже доказали, что могут сражаться плечом к плечу, а не друг против друга.

— В тех одержимых существах не было разума, северянка, как и в любом темном создании, - слышу еще более уставший голос Заклинателя. - Но они, в некоторой степени, были такими же, как и Тьёрд.

— Что это значит? - напрягаюсь я. Мой генерал не был безумным. Никогда.

— Я могу только предполагать, Дэми. Тьёрд - первый и пока единственный в своем роде, кто сумел контролировать Темную. Она поддерживала в нем жизнь, она давала ему способности, которых нет у обычного человека, но она же и убивала его. Он с самого начала был обречен. То, что вернуло его к жизни, стало же его смертельным проклятием. Мы не знали, получится ли, но Тьёрд уже был мертв, а Император не желал и слышать о том, чтобы лишиться своего верного друга. Я до сих пор не верю, что у нас получилось, но, можно сказать, вот этими вот руками я воскресил ушедшего на тот свет. - Он разглядывает свои влажные от снега руки, брезгливо вытирает их о край туники. И продолжает: - Самым сложным для Тьёрда научиться контролировать Тьму внутри себя. Нам даже пришлось изолировать его в первые месяцы, потому что он не мог подчинить себя и... В общем, тебе лучше не знать, сколько мучительных и бессмысленных смертей он тогда принес. Сейчас я понимаю, что кроме него больше никто бы не справился. Никогда. Даже среди халларнов нет и больше никогда не будет человека, с такой же сильной волей.

Я до крови прикусываю нижнюю губу, пряча слезы

Я ведь столько раз видела, как он страдает. Как подавляет боль, пытаюсь улыбаться. Я видела... и была слепой.

Мы молчим и смотрим на плывущие над лесом облака.

Мне нужно время, чтобы переварить услышанное. Осознать себя.

Принять то, что было очевидно уже давно.

Мне нужно сделать этот шаг. Возможно, если бы было больше времени и больше знаний, я была бы более осмотрительна?

Мысленно качаю головой: нет, не была бы.

Потому, собрав волю в кулак, задаю тот единственный и самый важный сейчас вопрос, который вертится на языке и отравляет неопределенностью.

— Что происходит с Темными, если они умирают здесь? - Прямо, глядя Заклинателю в глаза.

— Тебя так интересует вся эта метафизика? - Он сперва удивленно приподнимает бровь, потом, будто поняв, почему вдруг дикую северянку занесло в их «края», поясняет: - Для Темных это не смерть, а лишь избавление от оков, которыми они прикованы к нашему миру. Избавившись от того, что их держит, Темные возвращаются домой, в Тень.

— А человек? - Сглатываю, почему-то уже чувствуя, что я не зря не решалась похоронить надежду, а вместе с ней - и моего генерала. - Человек, которому служила Темная? Что с ним?

— Она забирает его с собой. Его эмоциональную и личностную матрицу... - Заклинатель смотрит на меня, вспоминает, с кем разговаривает и, скривившись от недовольства, что придётся перейти на речь простых смертных, поясняет: - Назовем это душой. Что та задумала, женщина? Ты похоронила Тьёрда? Покажи мне его могилу.

Отрицательно мотаю головой и даже не пытаюсь скрыть лихорадочный румянец надежды.

— Я пойду за ним! - Не даю ему и рта раскрыть. - Я смогу его вернуть. Открой для меня портал, халларнец.

— Где тело Тьёрда? - как будто не слышит Кел'исс.

— Ты уже помогал ему, Заклинатель. Тьёрд... - сглатываю, потому что в душе все равно пусто и темно, стоит вспомнить те последние минуты, когда жизнь еще теплилась в газах моего генерала. - Муж сказал, что ты будешь в замке. Я хотела убедиться, что еще не все потеряно и есть шанс.

— ты обезумела от горя, женщина? - Кел'исс мотает головой, и отходит от меня, словно мое безумие заразно, и он не хочет заболеть. - Тьёрд был мне другом, но он мертв! Моих умений не хватит, чтобы вернуть его еще раз. Я не всемогущ, северянка. Даже если... мне, порой, кажется, что я держу бога за руку.

— Тогда позволь мне пойти за ним в Тень! - Я порывисто цепляюсь за клинатель за грудки. - Что стоит моя жизнь? Ничего - я падшая девка и грязная предательница для своих, я бессловесная дикарка для халларнов. Обо мне никто не будет плакать!

— У тебя есть сын, - говорит он твердо и буквально отрывает от себя мои руки. - Тьёрд хотел бы, чтобы именно ты его воспитала. Думаешь, он для того отдал последние крохи своей жизни, чтобы его сына воспитывала какая-то бестолковая безродная девка?

— Мы воспитаем его вместе, если на это есть хоть крошечный шанс.

— Нет, безумная, и отойди от меня! - Кел'исс злится, но это лишь еще больше убеждает меня, что я на верном пути.

— Позволь мне хотя бы попытаться! - уже ору прямо ему в лицо. - Я не смогу жить, зная, что могла - и ничего не сделала! Понимаешь? Я... Он мой муж. Он мой мужчина, а я - его женщина. И здесь, на Севере, мы упрямые и глупые, но все равно стоим на смерть за тех, кого... любим.

Последние слова произношу на выдохе.

С надрывом и дребезжащим от непролитых слез голосом.

Не нарочно - так получилось, но именно это заставляет Заклинателя раздумать. Он внимательно изучает мое лицо. Готова поспорить, что в какой-то момент чувствую, как его взгляд просачивается мне в глаза, заглядывает в сердце. Читает меня, как открытую книгу.

— Ты слышала меня, женщина? - хмурясь, наконец спрашивает Кел'исс. - Я сказал, что большая часть людей, ушедших в Тень, не возвращаются.

— Значит, тебе больше не придется выслушивать мое нытье.

— Ты безумна.

— Возможно.

— Портал далеко отсюда, Дэми. У меня нет времени доставить тебя к нему. Но...

— Но...? - Я едва держусь, чтобы снова не вцепиться в его рукав. - Я готова пойти босой по снегу, если нужно. По огню, по чему прикажешь.

— Возможно, - Кел'исс поглаживает гладкий, без намека на щетину, подбородок. Возможно, существует еще один. Новый. Все мои расчеты указывают на него. Он здесь, на Севере.

— Тогда отвези меня туда! Заклинатель, что бы ты делал, если бы человек, которому ты хотел сказать так много... вдруг просто ушел? Ты бы правда сидел и ничего не делал? Не использовал бы даже один-единственный смертельный шанс?

Кел'исс молчит так долго, что я уже отчаиваюсь получить ответ.

Но в конце концов вздыхает:

— Отдай последние распоряжения, женщина. Скорее всего, ты больше не вернешься в Красный шип. Мы отправимся завтра на рассвете.

Глава пятьдесят пятая

Я не знаю, как халларны умудряются ориентироваться, даже когда их драконы летят в темноте и плотных, как грязь облаках. Я не вижу вообще ничего, только то, что изредка под нами проплывают смутные очертания горных пиков. Но отсюда, с высоты птичьего полета, я их почти не узнаю.

Мы можем быть в любой части Севера – я так погрузилась в свои мысли, что давно потеряла хотя бы примерный маршрут.

Когда начинаем спускаться, вижу внизу отсвечивающую бликами гладь озера в виде головы медведя. А вот это место мне знакомо. Мы забрались далеко на запад, в земли теперь уже почти полностью уничтоженного клана Медведя. На берегу этого озера когда-то стояло несколько охотничьих деревень, хотя основное поселение располагалось восточнее, в лесах. Эти места халларны снесли одними из первых: прошлись здесь огнем и мечом, уничтожили все, что было способно оказывать сопротивление.

И сейчас здесь ни единой живой души: ни намека на хотя бы частично отстроенные дома, ни тонкой нитки дыма из очага. Кажется, даже вековые льды живее, чем эти выжженные места.

Но заклинатель, судя по всему, держит путь именно сюда.

Я пытаюсь выцепить взглядом что-то необычное, что-то напоминающее взглядом портал, о котором рассказывал Заклинатель. Он даже руками показывал – что-то вроде треугольника, хоть называл это «пирамидой».

Сначала вообще ничего не вижу, но вскоре замечаю движение алых точек. Очень похожих на те, которые тогда врезались огнем в нас с Тьёрдом. Только эти поднимаются из-за соседней гряды, разворачиваются и, оставляя за собой длинный черных хвост дыма, стремительно несутся прямо на нас.

Замечают их и халларны. Драконы вмиг теряют строй клином, распадаются на отдельные цели и начинают маневрировать, поднимаясь выше или, напротив, пикируя вниз. Теперь я уже готова к чему-то подобному, а почти не боюсь, хотя тошнота все равно кувыркается в горле после каждого выража. Хорошо, что в последние дни я почти ничего не ем.

Одного дракона огненный шар сбивает почти сразу – пламя охватывает стального зверя, и, кажется, я даже слышу его протяжный крик, когда монстр теряет управление и устремляется к земле. Я не знаю, почему не прыгают халларны – огонь на драконе такой сильный, что в его языках почти не видно людей. Или у них нет того спасительного заклятия, которое использовал Тьёрд? Что он тогда вообще делал?

Я ничего о нем не знаю.

Боги, а ведь он был моим мужем.

Спустя несколько мгновений, подбитый дракон врезается в каменный столб, и клубы черно дыма поднимаются над местом падения огромной каменной шапкой.

Еще одного дракона мы теряем, когда переваливаем за горную гряду – и к нам устремляется новая порция огненных сгустков. Теперь уже виден их источник – какие-то длинные трубки на колесах, возле которых суетятся люди. Такие трубки я видела лишь однажды, да и то издали. Халларны называют их вроде «пушки». Такие, но поменьше, они притащили с собой, когда штурмовали Красный шип.

Они разрушают все, до чего добираются эти красные шары.

Но даже у смертоносного оружия есть изъяны: ему нужно время, чтобы набраться силы для нового залпа.

И именно в этот промежуток, прямо сейчас, в дело вступают драконы.

Громадные не живые стальные чудища камнями падают к пушкам, раскрывают пасти и поливают их слепящим белым пламенем. Я зажмуриваюсь, но все равно успеваю заметить, как в потоках этого пламени буквально за мгновение перестают существовать люди.

Зрелище одновременно ужасное и завораживающее.

Драконы парят над пепелищем, выжидая, пока белое пламя уляжется (а горит оно совсем недолго), и начинают спускаться, выставив перед собой когтистые лапы.

— Не торопись, - Кел'исс придерживает меня за плечо. - Сначала бригада зачистки, потом мы.

Халларны спрыгивают с драконов, когда те еще даже не коснулись земли, и тут же разбегаются в разные стороны, первым делом проверяя противников возле пушек. Вернее то, что от них осталось. Живых среди них нет.

— Туда, к пещере, - отдает приказ заклинатель - и халларны устремляются к темному провалу в горе.

Мы идем следом.

К тому времени, когда добираемся до входа в пещеру, внутри уже все закончено.

Тут и там вижу неподвижные тела. Это точно не северяне, но и на халларнов они не похожи. Форма совсем другая: на черную кольчужную броню наброшены какие-то длинные свободные туники без всяких знаков отличия.

— Пленный, господин, - рапортует заклинателю кто-то из воинов.

Он так бесшумно «вырастает» перед нами, что я чуть не шарахаюсь Кел'иссу за спину.

— Очень хорошо, - мрачно усмехается Заклинатель. - Выставить охрану по периметру, обо всех происшествиях сообщать лично мне.

— Да, господин.

Одежда единственного пленного мне знакома слишком хорошо. Вернее, пленной. Это женщина. Это жрица Скорбных дев - тех самых служительниц Трехглавого бога, которым я была предназначена в жертву. И, кажется, за мной приходила именно она. Как ее зовут?

— Алигара? - усмехается Кел'исс, точно специально помогая мне вспомнить. - Очень неожиданная встреча. Тебе редко удастся меня удивить, но сегодня я под впечатлением.

Точно - Алигара! Старшая жрица.

Правда, теперь она выглядит совсем не так гордо и высокомерно, как тогда, в Красном шипе.

Где твой обсидиановый медальон жрица? Где твоя спесь?

— Отдыхаешь здесь после праведных трудов на благо Империи? - не скрывает насмешки заклинатель. - Уютно здесь у тебя. Правда, далековато от храма Трехглавого.

Жрица сплевывает на пол сгусток крови. Ее глаза пылают такой ненавистью, что я даже отступаю в сторону, чтобы ненароком не попасть под ее испепеляющий взгляд.

Неужели третья сторона - это Скорбные девы? Но почему? Или Кел'исс ошибся - и мы по недоразумению атаковали тайный храм Трехглавого? Когда халларны только пришли в наши земли, они всюду их строили, чтобы убить веру в северных богов. А мы их разрушали. А они снова строили.

Но Заклинатель чувствует себя очень уверенно и совсем не похож на человека, который допускает возможность ошибки или очень странного совпадения. Он ненадолго уходит вглубь пещеры, а затем из темноты до нас доносится его голос:

— Тащите сюда эту лысую суку!

Порядком побитую жрицу подхватывают под руки и тащат прочь. Ее ноги под тяжёлым балахоном, в изорванных сапогах, скребут по каменистому полу. И мне приятно видеть ее мучения. Приятно ощущать, что та, кто готова была отправить меня на алтарь, теперь попала в ситуацию, из которой едва ли выберется живой.

Пусть перебьют друг друга, пусть перегрызутся, как голодные крысы в узкой норе. Север от этого только выиграет.

Я тоже иду за ними.

Метров через сто, у огромного провала, над которым горят несколько факелов, вижу то, что уже видела много раз - каменные треугольник высотой в два человеческих роста. Совсем как отметины на телах одержимых северян и халларнов. Только над каменными треугольниками нет лучей.

— Как, Алигара? - голос заклинателя сочится яростью. - Откуда тебе досталась эта технология?

— Ты думаешь, во всей империи только у таких как ты есть доступ к запретным наукам? - кривится

жрица, что-то шипит на непонятном мне языке и один из халларнов с силой сдавливает ей плечо. Она вскрикивает и припадает на одно колено. Шипеть и дальше ей явно уже не хочется. – Вы с Императором решили, что Тень принадлежит только вам? Что можете контролировать ее силу и ни с кем не делиться? Мир не стоит на месте, Кел'исс. И те тысячи жертв, которые открыли первый Великий Треугольник, для открытия следующего оказались не нужны. Как и твои «особенные таланты».

Она рассеянно смеется, но в горле что-то булькает, и минута триумфа превращается в противный скрежет.

— Ты действительно так глупа? – Заклинатель сжимает кулаки до натянутой чуть не до боли кожи на костяшках. – Ты правда думаешь, что самое сложное – открыть Треугольник? Эру следовало послушать меня, когда я еще месяц назад предлагал выпустить тебе кишки.

— Эр слишком тщеславен, – скалитесь Алигара. – И он за это поплатится. И ни ты, ни дохлый генерал ему уже не поможете.

— Для тебя это просто игрушки, да?! – Кел'исс так резко хватает ее за подбородок, что жрица истошно вопит. Впрочем, тут же переходит на хрип, потому что он, словно ничего не весящую тряпку, запросто отрывает ее от земли всего одной рукой. – Ты просто жалкое существо с амбициями. Тупое и ошалевшее от жадности. Даже не соизволившее понять, что самое сложное – удержать Треугольник стабильным, а не открыть его. Кровь ничего не стоит, Алигара, как и все жертвы. Решает сила. Решаю я.

Жрица дергано сучит ногами в воздухе и стремительно синееет.

Кел'исс брезгливо разжимает пальцы и дает ей свалиться кулем к его ногам.

Она все еще пытается сохранить лицо, и даже огрызается, но ее жизнь стоит не больше грязи на подошвах любого из нас. И жрица это понимает. И боится.

— Любой шаг стоит рисков, – зыряка на Заклинателя снизу-вверх, говорит она. – Тебе ли не знать. А эти дикие земли просто созданы для того, чтобы ими рискнуть. Земли, зверье и безмозглые легкоуправляемые человечки.

Человечки?

Камень рядом с моей ногой кажется идеальным инструментом, чтобы всадить его острый край в лысую башку жрицы.

— Ты рискнула всеми нами! – мгновенно выходит из себя Кел'исс. Некоторое время топчет ее ненавидящим взглядом, а потом продолжает, уже спокойнее: – Зачем? Тебе было мало власти? Мало жертвоприношений ради жертвоприношений?

— Власти? – Она противно хихикает. – Где ты видишь власть, Заклинатель? Эту кость, эту подачку, что бросил нам Император? Мы что-то значим только для диких ублюдков, которым в голову вбивается ересь с Трехглавым. На деле мы никто. И когда на тебя смотрят, как на кучу конского дерьма, это немного расстраивает. Заставляет переосмыслить... многое.

— Здесь еще одна пещера, господин, – снова без предупреждения выступает из темноты халларн.

— Что там? – не отрывая взгляда от жрицы, спрашивает Кел'исс.

Он медлит, но потом говорит:

— Тебе лучше посмотреть самому, господин.

По губам жрицы пробегает самодовольная ухмылка.

Триумфальная.

Злая, бездушная. Безумная.

Но именно с ней Алигара и произносит свою последнюю «невнятную речь».

Захлебываясь собственной кровью, когда Кел'исс почти неуловимым движением, достает из складок своего одеяния тонкий, как жало, кинжал, и разом, по самую рукоять, втыкает его в горло бывшей Старшей жрицы.

Алигара рассеянно скребет по горлу вокруг рукояти.

Удивленно хлопает глазами.

Она правда думала, что с такими, как Кел'исс, можно просто пошутить - и остаться живой?

Тогда жрица в самом деле была просто безумна.

Какое-то время она так и стоит на коленях, держась за горло стынувшими пальцами, а потом заваливается набок. Кажется, напоследок пытается что-то сказать, но слов за кровавым фонтаном из ее горла уже не разобрать.

Соседняя пещера поражает даже Заклинателя Костей. Я так и вовсе не в силах и слова произнести. Да и рядовые халларны выглядят так, будто бога увидели во плоти собственного Трехглавого.

Пещера огромная, я даже не вижу ее границ, хотя тут и там в ней висят небольшие сгустки бездымного пламени, дающие достаточно света. Здесь есть шесть колонн, образованных из наростов под потолком пещеры. Они настолько массивны, что чтобы охватить хотя бы одну, понадобится несколько человек. Колонны образуют что-то похожее на неправильный круг, в центре которого зеркальными гранями переливается кристалл таких размеров, каких я в жизни не видела. И от него к колоннам тянутся едва различимые туманные дорожки.

Я задираю голову и сглатываю колючий холод. На колоннах, окруженные коконами из тумана, висят Темные. Пять штук. Шестая колонная пока пуста.

Кел'исс что-то говорит на непонятном мне языке. Что-то очень отрывистое, гортанное, злое. Кажется, ругается.

Заклинатель медленно идет между колоннами, задерживает взгляд на кристалле.

— Это безумие, - говорит тихо, себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. - Ретрансляция Темной энергии. Скольких вы заразили, Алигара?

Жаль, что ответ на его вопрос уже не получит. Хотя, он заклинателю не особенно и нужен.

— Одного дракона доставить сюда, в эту пещеру, - оборачивается он к халларнам. - Оставить его там, - указывает на пустую темноту. - И храни вас боги что-то задеть.

— Да, господин.

— Ты все еще хочешь идти в Тень? - поворачивается ко мне.

— Да.

— Все намного хуже, чем я думал, северянка. Но я дам тебе возможность найти Тьёрда. И хоть я не верю в твои силы... - Заклинатель снимает с шеи тяжелый медальон с красным камнем-глазом в центре. - Надень это. Он поможет тебе в Тени. По нему же я вытащу тебе обратно. Потеряешь - останешься в Тени навсегда. Все, идем. У нас мало времени. И... ничему там не удивляйся. И зови Тьёрда. Все время зови. Возможно, он услышит.

Глава пятьдесят шестая

Я стою абсолютно голая перед мертвым каменным треугольником. Если бы в другое время и в другом месте Кел'исс приказал мне раздеться, я бы воткнула кинжал ему в глаз. Или перегрызла ему горло, если бы под рукой не было никакого оружия.

Но сейчас подчиняюсь беспрекословно. Это ради Тьёрда. Всего лишь снять тряпки, в обмен на его жизнь. Я бы разрешила вскрыть себе грудную клетку и вынуть сердце, если бы это помогло.

Заклинатель садится перед треугольником на колени и начинает не то заклинание, не то песнь – с едва различимых звуков, до, постепенно, громогласного завывания бури под черным сводом пещеры. Я и подумать не могла, что такие звуки могут вырываться из человеческого горла.

И когда его голос резко обрывается на уже почти демоническом рыке, над треугольником сгущаются алые лучи.

А когда все внутреннее пространство треугольника заполняется алым мерцанием, я без страха делаю шаг внутрь его. Острые камни впиваются в ступни, но я не обращаю внимания на боль. Только с остервенением сжимаю в ладонях висящий на шее медальон – это мой ключ к дороге обратно.

Это мой ключ к поискам Тьёрда

Непонятная сила раздирает меня на кусочки, разбрасывает так далеко по бесконечности, что, кажется, уже и не собрать. Я словно одновременно нахожусь в десятках, сотнях, тысячах мест. Вижу, слышу, чувствую. А потом стремительно несусь к одной единственной точке, в которую падаю с такой скоростью, что за мной пролегает раскаленный след.

Как комета, которая когда-то целый месяц висела на северном небе.

Ударяюсь с такой силой, что вокруг поднимаются волны земли, огня и дыма. Волна взметается до самых небес, а потом опадает без следа. И в центре этой ямы – я.

Мысленно ощупываю собственное тело, пытаюсь сосредоточиться на ощущениях. Кажется, что должна разбиться в клочья, разлететься на кровавые ошметки. Но жива и даже могу двигаться.

Поднимаюсь и осматриваюсь.

Прямо надо мной, в вихрях черных смерчей, проплывает целая скала. Еще выше, далеко в небесах, очертания сразу нескольких лун. Они то гаснут, то снова загораются, и я от страха провожу руками по плечам. Кажется, что многоглазое божество этого места присматривается ко мне, решая, позволить мне жить или превратить в прах.

Тень подавляет.

Она проникает внутрь и лишает воли. Нашептывает, что нужно бежать со всех ног, пока стражи этого места не обратили на меня внимания.

Жутко кружится голова.

Я судорожно сжимаю в руке медальон – и на моей почти прозрачной белой коже выступают капли крови. Это немного отрезвляет, возвращает в реальность и напоминает. Зачем я здесь. Ради кого пришла туда, где не рады живым.

Отталкиваюсь от края и отползаю, чтобы какое-то время просто лежать на спине и дышать. Здесь даже это невероятно трудно, как будто воздух – раскаленная вязкая болотная вода со вкусом пепла. И все равно его надо проталкивать сквозь легкие, чтобы позволить своему телу – живому и чуждому этому месту – стать частью Тени.

Слиться с ней.

Откуда я все это знаю?

Возможно, это просто мое больное воображение, но кажется, будто кто-то бережно, маленькими порциями, чтобы я не сошла с ума, вкладывает все это в мою голову. Учит. Показывает, как правильно. Чтобы у меня были шансы выйти отсюда. Вместе с моим Потрошителем.

Когда понемногу успокаиваюсь и окончательно прихожу в себя, начинаю что-то чувствовать. Это сложно объяснить словами, но когда верчу головой, то как будто чувствую, куда надо идти.

— Тьёрд! – кричу во всю силу задушенных легких.

Кричу громко и пронзительно.

Подхваченный эхом, крик разлетается в разные стороны.

Палящая в воздухе скала над моей головой, обрушивается вниз валом угловатых камней.

Я закрываю голову руками, но только через несколько мгновений понимаю, что не слышно ни звука. Каменные осколки падают на землю медленно, как перья.

Медальон вибрирует и буквально тянет меня за собой.

Идти приходится медленно, до самого края, потому что каждый шаг – словно по осколкам, по огню и льду.

За краем нет ничего – только пустота. Вот только воздух здесь какой-то странный – он ощущается очень плотной невидимой преградой, дрожит и перетекает. В нем, как в испорченном зеркале, бродят какие-то тени. Оглядываюсь – позади ничего. Но стоит отойти на шаг – дрожь исчезает. Шаг вперед – и воздух снова оживает.

Я не помню, спрашивала ли Кел'исса, что случается с теми, кто не вернулся из Тени. Они умирают или вынуждены бродить здесь вечно?

Меня неожиданно скручивает болезненным сухим кашлем, я как будто выхаркиваю из себя песок. Провожу по губам ладонью – там кровь.

Я не продержусь здесь долго, это и так понятно.

Надо решаться. Надо идти дальше.

Мне очень страшно. Сейчас кажется, что на костре не чувствовала и десятой доли того, что чувствую сейчас. Сама Тень как будто шепчет: «Ты уже мертва, чужачка, тебя уже нет в мире живых, и ты останешься здесь...»

К демонам страх.

Тьёрд – здесь. Он видит и чувствует меня.

Он не должен стыдиться своей жены.

Я делаю глубокий вдох и ступаю за край.

Душа уходит в пятки, а сердце, кажется, даже перестает биться, но под стопой – невидимая твердая поверхность.

Еще шаг – и снова удачно.

Я стою над пропастью, в пустоте. Наверное, так себя чувствует муха в меду – еще не мертва, но уже и не жива. В огромной вязкой невесомости, из которой на вырваться.

Только я, в отличие от мухи, могу идти дальше.

— Тьёрд! – Горячий воздух обжигает горло. – Тьёрд!

Дальше, дальше! Ускоряясь с каждым шагом.

Мне больно. Очень больно. От меня словно отрезают тонкие ломти, один за другим.

Я истощаюсь.

Становлюсь ничем с каждым новым шагом.

Кашель теперь почти не прекращается, и крови на губах больше. Кажется, я дышу ею: вдыхаю и выдыхаю.

— Тьёрд!

Я бегу над пропастью – несусь, уже даже не замечая, куда ставлю ноги.

Что толку смотреть под ноги, если там все равно ничего нет?

Быстрее, быстрее! Я хорошо чувствую, как песочные часы моей жизни, отмерянной на несколько десятков лет вперед, стремительно опустошаются.

— Тьёрд! Где ты?!

Медальон тянет меня к нему. Знаю, что где-то в хмуром черно-алом мареве, в котором то и дело сверкают черные молнии, бродит его неприкаянная душа.

— Тьёрд!

В какой-то момент осознаю, что бегу уже по выжженной пустыне, покрытой толстым слоем белого пепла. Это пепел от растертых в пыль костей, что остались от непобедимых армий, столкнувшихся в этом месте многие тысячи лет назад. Я просто знаю это. Потому что это место и вся его история, проникают в меня с каждым вдохом.

— Где ты?! - Раскаленный воздух сушит непролитые слезы, оставляет лишь едкую соль на веках.

Мой крик уносится за спину. А я, пытаюсь идти дальше, просто остаюсь на месте. Это выше моих сил. Это стена, которую не преодолеть.

— Тьёрд! Вернись ко мне!

Кашляю, задыхаюсь.

Мне плевать на кровь, плевать на забитые легкие.

— Я пришла за тобой!

Уже не кричу - сиплю, шепчу, едва шевелю губами. В глотке открытая кровоточащая рана.

Пепел такой жесткий, что когда его ветер собирает его в воронку вокруг меня, я чувствую, как медленно обгорает кожа.

— Тьёрд... - едва слышным стоном.

Шаг. Преодолеваю себя, преодолеваю стихию.

— Где ты?

Еще шаг. Ноги подкашиваются, у меня больше нет сил даже на то, чтобы открыть глаза.

— Вернись ко мне, пожалуйста...

Падение. Меня отбрасывает назад и еще какое-то время мотает по сторонам, как сорванный лист. Только чудом успеваю зацепиться за какой-то уступ.

Я больше не могу дышать. Больше не могу кричать. Я ненавижу и проклинаю себя за то, что оказалась слишком слаба для этого места.

Но впереди, за пепельной бурей, что-то отзывается. Это не крик, не слова, это даже не звук. Какой-то образ? Смутный и расплывчатый, но я пытаюсь удержать его в голове.

Кажется, это высокая фигура?

Она стоит спиной, охваченная пламенем.

Я снова и снова кричу, но слишком поздно понимаю, что просто беззвучно открываю рот.

Тот образ...

Он немного склоняет голову, как будто прислушивается.

Я делаю последнее усилие, вкладываю все отчаяние, и боль, и любовь, которые привели меня в это место.

— Вернись ко мне! - куда-то туда, сквозь непроходимый вихрь пепла.

Тяжесть опускается мне на плечи могильной плитой.

Я продолжаю бороться, пытаюсь освободиться от непосильной ноши, кричу, разрывая глотку в ничто и...

... прихожу в себя на каменном полу в пещере.

Тело словно объято пламенем.

— Спокойно... - с явным трудом удерживает меня Заклинатель. - Ты вернулась.

— Я слышала его! Это был Тьёрд! - пытаюсь прокричать ему в лицо. - Отпусти меня! Верни туда немедленно!

Он выглядит очень бледным, как будто потерял много крови. И тоже тяжело дышит.

Но ему хватает сил держать мое запястье крепко прижатым к полу. На мне словно стальной наруч арестантской цепи.

— Я и так дал тебе слишком много времени, северянка. Ты не выдержишь больше. Никто не выдержит.

— Верни меня! - ору сама не своя от обиды и отчаяния. - Я могу... Я... знаю, он там, понимаешь?! Мой Тьёрд там!

Хватка на моей запястье ослабевает.

А Кел'исс внезапно просто прижимает меня к себе, чтобы медленно успокаивающе баюкать, как неразумное дитя.

— Прости. - Ему тоже тяжело - голос выдает с головой. Он не подавал виду, но тоже верил, что одной глупой упрямой северянке удастся вернуть обезглавленной армии ее генерала. - Слишком поздно, северянка. Портал слишком ненадежен. Они слишком грубо взломали барьер между нашими мирами.

— И что теперь? - Я прикрываюсь руками, только теперь осознав, что абсолютно голая в объятиях чужого мужчины.

Кел'исс выпускает меня, отходит и протягивает мою одежду.

Его на мгновение ведет в сторону, но Заклинатель быстро берет себя в руки. Лишь мазнув ладонью по лицу, стряхивает на пол тяжелые капли крови.

Отворачивается, и теперь говорит со мной лишь так - спиной.

— Теперь ты уйдешь, северянка. Вы все уйдете. Я уничтожу кристалл. Без него новых одержимых не будет. Но, боюсь, те, кого отметила Тень, обычными людьми уже не станут. Прости, но теперь это - твоя война.

Я лишь слышу, как он усмехается. Горько и словно прощаясь.

— Мы уйдем? А ты? - Я быстро одеваюсь.

— Я останусь. - Кел'исс сбрасывает под ноги свою красивую тунику и медленно закатывает рукава. Я лишь теперь замечая, как ужасно высохли его руки, как грубо проступили почти почерневшие вены. - Мы - людоеды и кровопийцы, северянка. И я среди прочих в числе первых. Но даже я не настолько бездушная тварь, чтобы молча стоять и смотреть, как тень проглотит этот мир. Твоя война - там, - кивок вперед, моя - здесь. Эр узнает о предательстве - моешь не сомневаться. Он вырежет скверну, или я не знаю человека, которого горл называть своим другом, а уж после - Императором. А тебе нужно вернуться. К сыну.

Я проглатываю непрошенные слезы.

Так должно быть? Я оплакиваю мужа, которому желала смерти, а теперь горюю о человеке, который принес столько бед моей земле?

— Младенцу нужно еще несколько дней, чтобы набраться сил, продолжает Заклинатель, разминая пальцы. - Потом Темная отдаст его сама. Расскажи сыну об отце, когда он вырастит. Расскажи всю правду.

Меня буквально насильно вытаскивают из пещеры. Я все еще умоляю Кел'исса вернуть меня в Тень. Но он даже не оборачивается в мою сторону. Там, в пещеру с Темными, халларны загнали одного из своих монстров. Они что-то говорили о детонации топливных элементов и цепной реакции, которая обрушит свод и освободит энергию кристалла. И у нас совсем немного времени, чтобы оказаться как можно дальше отсюда, когда это случится.

Я не поминаю большинства слов, которыми обмениваются халларны, но, кажется, могу уловить хотя бы их общий смысл. После обрушения пещеры и уничтожения портала на какое-то время между нашим миром и Тенью откроется разрыв. Совсем небольшой, но если его не сдержать и не перекрыть, то Тень ворвется в мой мир.

Поэтому Кел'исс остался там.

Чтобы принять удар и закрыть всех нас... собой.

Я не знаю, что он делает, но, когда наши драконы поднимаются в небо, в горах раздается первый взрыв. Он кажется очень тихим и далеким, но вскоре сотрясается вся горная гряда. Ее будто подбрасывает снизу. Земля расползается быстро увеличивающимися трещинами и проваливается в никуда целыми каменными пластами. Горные пики, лесистые склоны – все превращается мешанину из огня, пыли и камня. И гром от этого безумия, поднимаясь до самых небес, нагоняет нас, чтобы толкает в спины горячим потоком воздуха, вслед за которым мне чудится отдаленной вой боли и разочарования.

О Заклинателях Костей говорят разное. И многое из этого – только шепотом. Ими пугают маленьких детей, их проклинаят. Их называют кровожадными, бездушными, вырожденками...

И вот сейчас один из этих вырожденков жертвует собой, чтобы спасти... кого? Северян? Халларнов?

Я видела Тень.

Я видела ее безумие и ярость.

Если подобное прорвется сюда – миру не выжить.

Кел'исс остался, чтобы дать нам еще один шанс.

Глава пятьдесят седьмая

О том, что в Красном шипе не все в порядке, становится ясно еще до того, как сам замок всплывает на горизонте. Я вижу несколько столбов дыма, пачкающих горизонт черными нитями.

Насколько все серьезно? Просто поджег? Или...?

Когда подлетаем ближе, я замечаю под стенами замка огромное халларнское войско. И не просто войско – в сущности, я бы не особенно удивилась, захоти Император покарать меня за гибель его лучшего генерала. Под стенами Красного шипа – и халларны с их стальными монстрами, и северяне. И даже несмотря на пережитое и помутившийся рассудок, я готова поклясться на чем угодно, что на шее каждого есть метка в виде треугольника и пяти исходящих из него лучей.

Это все-таки месть, но не от Императора.

Мы закладываем над головами осаждающих несколько виражей, но халларны не готовы стрелять по своим, хотя все происходящее внизу заставляет их тревожно перекрикиваться.

Поэтому просто приземляемся во дворе замка. Нас тут же окружают со всех сторон. Начальник гарнизона сосредоточен и, как мне кажется, сильно озадачен. Оно и понятно – тот союз, невольные приверженцы которого готовятся штурмовать стены, вряд ли мог ему привидеться даже в кошмарном сне.

— Кел'исс мертв, - говорит халларн - офицер, судя по его знакам отличия.

В двух словах рассказывает, что случилось у озера Медведя, о предательстве Скорбных дев и о том, что проклятые метки все равно не потеряли прежней силы, а значит их обладатели будут по-прежнему подчиняться тем, до кого еще не скоро дотянется карающая рука Императора.

— Замок не выстоит, - говорит начальник гарнизона. - Два дня, максимум, три. Дольше нам не продержаться.

— Уходите, - говорю я.

За обсуждением насущных проблем они совсем забыли о глупой северянке, которая позволила себе дерзость не скрыться с глаз «настоящих хозяев Севера», а продолжает стоять тут.

— Не тебе отдавать здесь приказы, женщина, - зло бросает начальник гарнизона. - Я держу ответ только перед своим командиром и Императором.

— Твой командир мертв! - Мне уже плевать, что грублю и ору в лицо человеку, который может запросто размозжить мне голову одним ударом кулака. - Его тело уже несколько дней лежит в холодной, обложенное льдом. Думаешь, он поднимется, чтобы наказать тебя?

Лицо начальника гарнизона багровеет, он шагает ко мне и заносит руку для удара. Напрягаюсь всем телом, но продолжаю упрямо смотреть ему в глаза.

Пусть бьет, я больше не боюсь.

Но удара нет. На самом излете закованную в сталь перчатку перехватывает другая, в точности такая же, но принадлежащая офицеру Кел'исса.

— У меня есть последнее распоряжение имперского Заклинателя Костей, - говорит он и оборачивается к одному из халларнов. Ему протягивают туго свернутый пергамент с внушительной сургучной печатью. - Он написал это незадолго до собственной гибели.

Начальник гарнизона подчеркнуто медленно берет пергамент, разворачивает и читает. Не знаю, что там написано, но халларну прочитанное явно не нравится. Он выразительно играет скулами, а затем – о Боги! – поворачивается ко мне и встает на одно колено, склоняя в покорности голову.

— Приказывайте, госпожа, - уже с почтением и уважением. - Мы можем эвакуировать всех людей, если на то будет твоя воля.

— Что там, в послании?

— Приказ, заверенный императором, в соответствии с которым именно вам следует подчиняться всем халларнским войскам, находящимся в расположении Красного шипа.

Что вообще происходит?

— Кел'исс предупредил, что мятежники могут организовать атаку на замок, госпожа. В этом

послании он пишет, что в рядах защитников может возникнуть неразбериха из-за потери командира. Не буду скрывать, - он лишь на мгновение поднимает голову, оценивая меня еще раз, и снова склоняется в поклоне, - твоя кандидатура на роль лидера мне не нравится. Но на войне солдаты должны исполнять приказы. В особенности те, за которые уплачено кровью.

— Мне нужна помощь, - я до сих пор растеряна, но времени на долгие размышления все равно нет. Приходится ориентироваться на ходу. - Одна я не справлюсь.

— Приказывай, госпожа.

Я очень хорошо знаю состояние Красного шипа, знаю его сильные и слабые места, знаю расположение всех потайных ходов, количество запасов еды в амбарах и хранилищах. Но я совершенно не разбираюсь в военном деле.

Поэтому с благодарностью принимаю помощь врага. Наверное, бывает время, когда распри и конфликты приходится отодвинуть в сторону, и попытаться хотя бы ненадолго о них забыть.

Наверное, сейчас именно такой момент.

Наверное.

Я не знаю.

Но еще раз предлагаю халларнам уходить. Они ничем не обязаны Красному шипу. Залежи синалума под ним действительно богаты, но за ними всегда можно прийти позже, с подкреплением. Незачем умирать прямо сейчас, ни за что.

Мне отвечают сдержанным: «Мы остаемся, госпожа».

Не знаю, похожа ли моя улыбка на улыбку искренней благодарности, но надеюсь, что так.

Сейчас я способна лишь на это.

По моему приказу во дворе замка собирают всех его обитателей. Им тоже не стоит умирать за камни, которые стали для них пусть уютной, но тюрьмой. Не за что умирать за женщину-предательницу, проклятую богами и людьми.

Я предлагаю им уходить и спасти своих детей и свои жизни.

И вижу в ответ смятение. Они - просто крестьяне и работники, не воины. Они хотят жить так же сильно, как этого хочет маленькая испуганная женщина во мне.

— Правда, что на нас идут и халларны, и северяне? - выходит вперед широкоплечий мужик.

— Да, - говорю и выдерживаю паузу, чтобы улегся испуганный рокот над их головами. - Не обязательно верить мне на слово - можно подняться на стену и увидеть все собственными глазами.

— Правду говорят, что все они того... захворали?

— Да. - И снова рокот в ответ. - Очень сильно и, к сожалению, необратимо. Они больше не северяне и не пришлые чужаки. Они... повинуются новому невидимому и очень опасному командиру.

— Но управляют ими халларны? - недовольно обводя взглядом чужаков за моей спиной, переспрашивает северянин.

— Да. Кто-то из отступников в их рядах.

— И все эти господа на стенах и драконах тоже собираются убивать своих?

— Там нет чужих и своих, северянин. Но если ты именно так ставишь вопрос, то мой ответ - да.

— Дивное будет зрелище, - усмехается кто-то в толпе.

— Поэтому я даже не призываю вас встать рядом со мной. Напротив, предлагаю уйти, потому что эти враги... Они никого не пощадят.

— А ты, госпожа? - вперед выступает тот самый бородач, который первым столкнулся с одержимыми. Сейчас выглядит уже вполне поправившимся и как будто даже раздавшимся в плечах.

— Я остаюсь.

— Север большой, госпожа. Иногда надо выжить, чтобы потом отомстить. Ты сама так учила.

— Какой из меня мститель? – Пытаюсь улыбнуться, но мои силы, наконец, иссякли. Их не хватит даже на самое маленькое притворство. – Я теперь чужая для собственного народа. Чужая для захватчиков. И даже если бы у меня был выбор, переселиться в столицу или остаться здесь – это все равно не выбор. Потому что Красный шип – мой единственный дом. Ни на Севере, ни на краю мира, мне нет места. Но мне есть за что и за кого бороться. И все это находится здесь, внутри этих стен.

Я знаю, что должна воодушевить этих людей, взбодрить и вселить в них надежду на лучшее. Но еще я знаю, что лучшее для них – уйти, пока еще есть время.

Как я могу сказать им, что ни за что в жизни не оставлю глубоко под Красным шипом собственного сына, покоящегося в утробе темной? Как могу сказать, что не в силах уйти от тела Тьёрна? Что до последнего буду надеяться на его возвращение, даже если стены замка рухнут мне на голову?

Я не могу и не хочу использовать этих людей для собственного выживания. Пусть во мне не осталось чести, никогда не было гордости и смелости, но...

Я всегда любила свою землю и свой народ.

— Нам дадут оружие? – спрашивает бородач, лихо приосаниваясь, словно собирается с девками на танцы.

— Да, но...

— Тогда приказывай, госпожа, - не дает закончить. – Только, госпожа, надеюсь, после славной потехи, нам дадут поганого халларнского пойла. В жизни не пил такого дурного вина. Охота распробовать еще.

Глава пятьдесят восьмая

У нас две основных проблемы.

Точнее, даже три. Просто первая – основная, и, если решаться другие – эта тоже сойдет на нет.

Проблема общая: чтобы выжить, нам нужно максимально тянуть время. Самостоятельно осаду не снять. Халларны уже отправили воронов, но когда еще придет эта помощь? И придет ли вообще, когда, кажется, весь Север кипит и взрывается от все новых кровавых столкновений?

Вторая проблема – у наших врагов есть те халларнские машины, их которых выстреливает разрушительная огненная мощь. Одного «нашего» дракона эта адская машина уже сбила. Стальные монстры слишком неповоротливы. Им нужно успеть набрать высоту и скорость, чтобы эффективно атаковать с высоты, но халларнская машина, установленная где-то у леса, отлично справляется с их удержанием. Кроме того, командир докладывает, что в сторону замка движется еще одна группа одержимых. И у них с собой еще три пушки. И это уже по-настоящему большая беда, потому что тогда огненным градом покроют и стены замка, а всех нас просто похоронят под его обломками.

И проблема последняя: из-за раскопок под замком замок очень сильно пострадал, особенно в тех местах, где оползли плохо укрепленные стены. Я до сих пор не знаю, сколько разрытых каналов затопили водой, сколько зарыли обратно, но наверняка есть тоннели, через которые можно пробраться в замок под землей. И наши враги обязательно этим воспользуются.

— Если они доставят к стенам еще пушки, нам не устоять, - говорит начальник гарнизона.

— Известно, где они сейчас? - спрашиваю я.

— Вот здесь, - тычет пальцем в карту. Прямо в речку Тину в районе ее самого узкого места. Весной она разливается так, что форсировать ее можно только вплавь. О том, чтобы перебросить через нее тяжелых монстров, речи не идет вообще. Но сейчас снег в горах еще и не начинал таять, потому у одержимых есть все шансы пройти ее вброд. - Готовятся к переправе.

— Можно попробовать их перехватить, - говорит халларнский офицер, поддержавший меня по нашему прилету. — Десяток хорошо вооруженных воинов справится.

— Вы не успеете, не зная троп, - машу головой. - Допустим, даже незаметно покинете замок. Дальше только одна дорога, но она дает большой крюк. Можно пройти через болота, вот здесь, - показываю на карте, - но уже сейчас там разлив.

— Нужен проводник, - соглашается офицер.

— Местный, - уточняет второй.

— Вы готовы идти с северянами? - в лоб спрашиваю я. - Готовы доверить это моему народу? Мы знаем эти края лучше вас, мы быстрее и незаметнее.

По лицам обоих понятно, что идея им не по душе. Гордых воинов задевает, что дикари могут в чем-то их превосходить. И, согласившись со мной, они, будут вынуждены доверить свои жизни тем, на чью землю пришли с огнем и мечом. Тем, кто проклинал их каждый свой вздох. И кто каждый день молил богов дать в руки меч и силу, чтобы убить каждого чужака

— Ты доверяешь им? - спрашивает офицер.

— Ровно настолько же, как и вам.

— Это будет непростое испытание для всех нас, госпожа. - Он криво усмехается.

— Мои отец и... муж, - проглатываю отчаяние, - учили меня, что на войне никогда не бывает просто.

— твоя правда, госпожа. Прикажи позвать человека, который будет говорить от имени твоего народа. Нам нужно будут детали.

Когда в зале появляется бородач, уже вооруженный тяжелым топором, на некоторое время повисает напряженная пауза. Тишина такая, что слышно потрескивание горящих факелов и шелест нехороших мыслях в каждой голове.

— Госпожа, - склоняет голову северянин. При этом его глаза пристально следят за халларнами.

— Проходи. И помни - ты всегда можешь отказаться.

Он, конечно же, не отказывается.

Что ж, теперь наши жизни зависят от стольких странных союзов, что даже дожить до следующего утра будет делом непростым и даже немного интересным.

Десять самых крепких и опытных северян отправляются в путь уже через пару часов.

Провожая их подземным ходом, но, когда возвращаюсь, меня накрывает гулом где-то над головой. Замок словно делает глубокий вдох, и я невольно замираю, опасаясь – и не зря – что на выдохе эти стены просто рухнут, как неуклюжий детский замок из снега. Успеваю пробежать три лестничных пролета вверх, прежде чем меня настигает странное шуршание. Оно становится громче и громче, и волна жара чуть не сбивает меня с ног. Воздух накаляется до такой степени, что становится нечем дышать. Инстинктивно вжимаюсь спиной в стену – и с ужасом замечаю, как сквозь проплешины в каменной кладке просачиваются раскаленные струйки оплавленной породы. Невозможно поверить, чтобы твердый камень может вдруг стать жижей, но именно это происходит прямо у меня на глазах.

Кажется, я понимаю, что произошло – халларны разместили двух драконов возле раскопа, чтобы хотя бы ненадолго сдержать попытки врага воспользоваться этой лазейкой. И теперь стальные чудовища громко и грозно огрызаются в ответ огнем. Один дракон уже перелетел через стену, но второму, похоже, так не повезло.

Новый удар настигает меня так неожиданно, что едва не оступаюсь на узких ступенях.

Но на этот раз голова едва не взрывается от отчаянного вопля Темной.

Она зовет меня снова и снова, умоляет, как смертельно раненное животное.

Я чувствую ее боль и ее страх, словно они – мои собственные.

Только боится она не за свою жизнь.

Я забываю обо всем, оставляю позади собственный страх и несусь обратно вниз.

Только бы успеть!

Самая жаркая волна улеглась. Но камни все еще очень горячие. Несколько раз обжигаюсь, случайно коснувшись стены рукой. Но все эти ожоги кажутся ничем, когда выбираюсь к спуску на самое дно конусообразного провала. Здесь всюду – ярко-алое зарево, словно перед сумерками. Это синалум, который тут и там виден в стенах и под ногами – он течет прямо из стен, превращаясь в почти полноводную реку.

И я снова бегу. Темная зовет настолько пронзительно, что у меня разом болят и сердце, и душа.

Ниже, ниже. Оступаясь и поскользываясь, падая и вставая. Здесь уже не так светло, но из-под потолка падают тяжелые капли расплавленной породы. Несколько из них заставляют меня вскрикнуть, когда прожигают одежду и оставляют ожоги на коже. Но я слишком тороплюсь, чтобы тратить время на боль – просто стряхиваю на землю то, что еще не въелось в плоть, и бегу дальше.

На самом дне все так же клубится туман, в котором изменяется и перетекает из формы в форму нечто из другого мира. Добираюсь до Темной, когда собственная голова переполняется образами далеких и непонятных мне разрушений. Я словно вдруг вспоминаю гибель целых миров и цивилизаций. И каждый раз это горы мертвых тел, реки крови, выжженные пустоши и метания обезумевших стихий. Только раз перед моим мысленным взглядом возникает образ тихого зеленого мира, где среди густых лесов и плодородных равнин я с большим трудом различаю останки былой цивилизации. Здесь давно нет людей, их память хранится только в нелепых скелетах высоких зданий. Здесь все прошло тихо и быстро, мгновенно. Ужаснее всего.

— Перестань, - хриплю, вступая в туман и трясую головой, чтобы избавиться от непрошенных образов. - Прекрати!

— Каждый раз одно и то же. - Я не знаю, как она говорит, не знаю ее языка, но понимаю каждое слово. - Во всех мирах. Во все времена. Всегда только война.

— Вы уничтожили собственный мир, - говорю, уверенная в собственной правоте. - Я видела поле боя, видела то, что осталось от таких, как ты.

— Наша злоба была слишком сильной. - Она даже как будто вздыхает. - Она не исчезла вместе с нашими телами. Мы не уничтожали свой мир, глупая человечка, мы обратили его против себя. Мы проиграли. И ярость поражения сделала нас безумными.

— Ты не кажешься сумасшедшей.

Она как будто смотрит внутрь меня.

Возможно, это лишь мое воспаленное воображение, но меня словно пробуют на вкус.

— Вы что-то изменили. - Теперь я уверена, что это вздох, но в нем облегчение, как будто с плеч сняли непосильную ношу. - Ты и Он.

Темная не дает задать рвущийся из груди вопрос.

Она вбирает в себя алый туман и мгновенно превращается в почти точную, но гигантскую копию меня. Темная стоит на четвереньках, но даже так мне приходится задирать голову, чтобы смотреть в ее немигающие глаза. Теперь в них нет ни безумия, ни злобы.

Только невероятно глубокая тоска.

— Береги нашего сына, маленькая человечка.

Когтистой рукой она с силой полосует себя по внушительному животу.

Вопль боли отбрасывает меня назад. Я на время словно проваливаюсь в пустоту - глухну и слепну.

Красные камни, расположенные вокруг Темной, лопаются один за другим, и даже когда прикрываюсь руками, меня все равно поливает опасным градом осколков.

— Возьми его...

Моих окровавленных рук касается что-то теплое и влажное.

Инстинктивно прижимаю дар к груди. Крепко. Сливаюсь с ним сразу и накрепко.

— Мы больше не чувствуем боли, маленькая человечка. Благодарю.

Как я выбираюсь наружу? Не помню и не хочу вспоминать.

Но когда кто-то пытается забрать из моих рук маленькое тельце, громко шиплю, как защищающая собственного детеныша дикая кошка.

Мне нет дела до всех этих удивленных взглядов.

Это наш ребенок. Мой и Тьёрда.

Это наш сын.

Глава пятьдесят девятая: Тьёрд

Я открываю глаза и не могу понять, где нахожусь и что происходит. На задворках сознания еще свежи образы бесконечного сражения. Не моего сражения, но частью которого я почему-то невольно стал. Как будто я очень долго воевал под знаменами чужих армий в сотнях тысячах миров. Не по своей воле, но по зову тьмы в моей крови.

Кругом темно и очень холодно – чувствую лед даже в костях. Впервые в жизни невольно хочется обхватить себя руками и крепче растерять окоченевшие плечи.

Лишь постепенно приходит ощущение собственных рук и ног, получается вертеть головой, приподняться. Кажется, лежу на деревянном столе. Перекатываюсь набок, ощупываю ногами пол.

Я не голый, но и не в той одежде, в которой... умер?

Я умер.

Неприятно жжет в груди, когда понимаю, что я действительно перестал дышать. Не выключился, как это случилось, когда Тьма во мне сжирала слишком сил, а окончательно шагнул за грань, потому что ради спасения своей жены дал выпить себя без остатка. Досуха.

Это случилось там, на утесе с отличным видом.

Тогда что происходит сейчас?

Откуда-то из-за стен доносятся знакомые и будоражащие кровь звуки – лязг металла, далекие взрывы, предсмертные крики и победный рык, рев пламени драконов. Я чувствую запах гари, кажется, всем телом, а не только ноздрями.

Это точно битва.

Тьма призвала меня на еще одну войну?

Мне еще очень трудно ходить, но сидеть и выжидать не могу. Шарю вокруг. Здесь ничего нет, кроме больших кусков льда.

Моя дикая северная кошка не похоронила меня? Ждала... чего?

Натыкаюсь на дверь, но та, похоже, заперта снаружи. Не знаю, зачем запирать мертвеца, вряд ли чтобы не сбежал. Или меня хотели похитить?

Сжимаю в кулак стальную руку и бью в дверь. Та с грохотом слетает с петель, падет у противоположной стены.

Кажется, для мертвеца я весьма неплохо себя чувствую.

Это точно Красный шип, узнает его коридоры. Но что происходит снаружи?

Быстрее с каждым шагом. Увереннее с каждым шагом. Да я таким сильным себя никогда не чувствовал. Кажется, что готов горы свернуть.

Впереди маячит светлое мятно – и звуки битву становятся громче.

Выскакиваю на каменную галерею. Влево и вправо от нее – лестницы вниз, во двор. И во дворе идет отчаянная рубка. Халларны и северяне стоят спиной к спине в самом центре, а на них со всех сторон насаждают одержимые – кто с оружием, кто так, довольствуясь собственными зубами и кулаками. Северян-защитников гораздо больше халларнов, и их лица мне не знакомы. Откуда они?

У защитников замка нет никаких шансов. Они дорого продают свои жизни, но численный перевес на стороне противника. И большой перевес.

Одним прыжком перемахиваю через парапет и приземляюсь во дворе. Я меня нет оружия, но оно мне и не нужно. Во мне что-то изменилось, и изменилось сильно. Я больше не чувствую давления постоянной злобы, не вижу кровавых образов, не слышу шепота, призывающего убивать. Есть только какая-то уверенность, что все будет хорошо.

На меня обращают внимание и атакуют. Слаженно, не мешая друг другу, с разных сторон. Отбрасываю всех легким взмахом руки. Жаль, что от метки их уже не избавить, но легкую и быструю смерть я подарить им могу.

Дальше, к своим людям.

Надо видеть выражения их лиц – смесь благоговейного ужаса и едва сдерживаемого триумфа.

Мы методично зачищаем двор, затем поднимаемся на стену, одну за одной сбрасываем стоящие там лестницы. Вдали, в небе, точно чего-то опасаясь, кружатся два дракона.

— Все вопросы потом, - обрубаю сразу, когда натиск осаждающих становится немного слабее. - Что здесь происходит? Где моя жена?

— Госпожа в крыле для прислуги, выхаживает раненых.

Меня быстро вводят в курс дела. У нас явные проблемы. Та пара драконов - не наша, выжидают удобного момента, чтобы атаковать. Но побаиваются, потому что у нас есть пушки. Правда, их боезапас почти на исходе.

— Откуда пушки?

— Трофеи. - Говорит бритый на лысо северянин. - Отбили на Тине. Ты меня не знаешь, генерал, не смотри с таким подозрением. Мы делаем огромную ошибку, помогая вам, но появление среди нас одержимых временно сместило нашу ненависть. Мы сначала убьем их, потом вернемся к вам.

— Благодарю.

И мне совершенно несложно склонить перед ним голову. Не знаю, смог бы я на их месте поступиться принципами и правом мести, чтобы в одной битве объединиться с ненавистным врагом.

— Разве ты не должен быть мертв? - интересуется северянин.

— Я и был мертв. Но вы тут без меня плохо справлялись. Боги расстроились и послали меня показать вам, за какое место надо держать топор.

Северянин глухо смеется - и на стены начинается новая атака.

Позже, отбив очередную волну, мы можем немного передохнуть. Но я спешу прочь, спешу увидеть Дэми.

Сейчас даже кажется, что когда все закончится, я - тот еще безбожник - поблагодарю богов за то, что дали мне сдохнуть. Дали перейти за грань именно тогда и именно так - глядя на то, как моя маленькая, но отчаянно храбрая дикая кошка смотрит на меня без злобы и ненависти.

До сих пор помню ее полные слез глаза.

Ее тихий голос.

Как глотала слезы и просила меня - ее врага на всю жизнь - не умирать.

Я проглатываю едкий дым и, перебираясь через каменный обвал, быстро иду дальше.

В крыле для прислуги жарко, натоплено и людно. Здесь собрались женщины, дети, старики, а еще раненые - много раненых. И снова очень много северян. Сколько же сотен их пришло? Как будто со всей округи.

Кто-то наверняка узнает меня, потому что над головами раздается сдавленный стон, и я замечаю пару рук, осеняющих себя какими-то знаками. Наверняка защищаются от призраков. Хотя, судя по происходящему, лучше бы им перестать бояться покойников и начать переживать за происходящее снаружи.

И смешно, и грустно, но весь мой воинский опыт подсказывает, что у нас не так много шансом дожить до утра.

Свою жену я вижу почти сразу. Стоит возле деревянной бадьи и моет руки. Ее платье, ее передник, даже лицо и волосы - все забрызгано кровью, испачкано сажей.

Она такая... очень хрупкая.

Почему раньше не замечал?

Понимал, что сильная и смелая, и что всегда упрямо смотрит в глаза, но как-то не видел за всем этим маленькую хрупкую женщину, которая тащит на своих плечах больше, чем может вынести любой здоровый мужик.

Тащит - и не ноет.

Потому что сильная.

Потому что не привыкла ломаться.

Мне руки ломит где-то в локтях – так хочется сгрести ее в охапку, прижать к себе и напомнить, что мы с ней – одно целое.

Что ее голос вывел меня из Тени.

Что это ее я слышал, когда блуждал неприкаянным призраком в царстве смерти, и ждал, когда кто-то сожрет мою душу.

Ее голос.

Демоны все задери!

Я успеваю сделать только шаг.

И Дэми оглядывается назад.

Порывисто, резко, как будто кто-то шепнул ей на ухо, что призрак вернулся с того света.

Наши взгляды пересекаются.

Я вижу, как меняется ее лицо.

Усталость, тяготы минувших дней, недосып, боль за чужие жизни, невыплаканные слезы – все слетает с нее, словно тонкие пергаментные маски. Слой за слоем, вместе со слезами, которые катятся по ее измученному, испачканному сажей, изуродованному парой шрамов лицу.

Руки безвольно повисают вдоль тела.

Нижняя губа дрожит, рот открывается – но я не слышу ни звука.

Моя дикая кошка.

— Тьёрд? – едва слышно, шепотом. – Тьёрд?

В глотке предательски першит, потому что в том, как она произносит мое имя, столько нежности, что под ней можно сдохнуть, как под обвалом в горах.

— Ты... вернулся.

Она закрывает рот обеими руками.

Мотаает головой, изо всех сил жмурится и когда открывает глаза – они уже красные от слез.

— Привет, жена, - глухо, едва узнавая собственный голос. – Ты тут без меня, гляжу, совсем не справляешься.

— Я ненавижу тебя, Потрошитель!

— А я, знаешь, кажется готов выстелить свою проклятую душу к твоим ногам.

Она плачет, кусает губы и еле-еле, на исходе сил, протягивает руки.

Я, наплевав на все разделяющие нас принципы и цели, на наше тяжелое прошлое, налетаю на нее как таран.

Сковываю обеими руками.

Приколачиваю к себе объятиями – намертво, на веки вечные.

У нее так бешено колотится ее сердце.

— Я знала! – Дикая кошка скребет ногтями по моей рубашке на плечах. - Я знала, что ты вернешься. Я знала, знала... Я никому не позволила... Я... ждала тебя...

— Я слышал тебя. Там, в Тени.

— Правда? – Она смотрит на меня и плачет еще сильнее. Как будто только сейчас, именно в эту секунду, она – вся на ладони, голая передо мной, настоящая.

Моя каждой своей мыслью.

Чуть ослабляю объятия и позволяю себе насладиться глубиной ее заплаканных глаз.

— Разве северные женщины должны быть такими плаксами? - Мне до смерти хочется ее поцеловать, но я же тогда просто подохну от вкуса этих искусанных желанных губ.

— Северные женщины должны быть живыми. - Шмыгает носом. - Как и их мужчины.

Мне хочется сказать ей так много, но у нас совсем нет времени.

Те, кто остался за стеной, не станут ждать, пока мы наговоримся.

— Наш сын?

Я знаю, что моя дикая кошка никому не позволила бы к нему притронуться. А если бы что-то помешало ей защитить нашего мальчишку... Вряд ли бы я нашел ее среди живых. Потому что моя северянка даже в смерти прижимала бы сына к груди, чтобы оберегать его даже в самых темных уголках мертвых земель.

Ее губы трогает теплая улыбка.

— Он в безопасности, муж.

Что еще нужно знать мужчине, чтобы в одиночку выйти против целого мира? Только то, что его женщина и его ребенок в безопасности.

Но я, к счастью, уже не один.

— Много погибло? - обвожу взглядом ряды раненых. Сегодняшний день для многих стал последним. А многие из тех, что еще дышат, отойдут в иной мир еще до захода солнца.

Я видел достаточно ран, чтобы понимать, какие из них не залатать и не вымолить у богов.

— Много умрет от ран, - как будто читает мои мысли Дэми. - У нас даже перевязочного материала почти не осталось. Снадобий нет. И... я немного... боюсь, что Красный шип не выстоит.

Какой-то внутренний порыв заставляет взять ее за руки.

Вот так просто - сжать ее дрожащие и перепачканные кровью ладони в своих пальцах.

С нажимом.

Громче любых слов.

«Теперь все будет хорошо, жена».

Я говорю это взглядом, но она кивает.

Не знаю, что нас теперь связывает - возможно, печать Тени осталась в душе каждого - но уверен, что до конца дней мы будем чувствовать друг друга даже через моря и океаны.

— А теперь, жена, разреши мне заняться тем, что я умею делать лучше всего.

Моим кровавым ремеслом.

Вот уж не думал, что наступит день, когда императорский Потрошитель применит его о благо.

Выпускаю свою жену из объятий и шагаю к ближайшему лежащему на полу раненому. Это северянин - и у него рассечен живот. Рана сильно воспалилась, бедняга уже одной ногой стоит на пороге обители предков.

Нет, воин, твоя битва еще не закончилась.

Протягиваю над ним стальную руку - и вокруг той появляется белое свечение. Поворачиваю руку ладонью вверх, медленно сжимаю пальцы. И за то время, что моя рука превращается в кулак - рана северянина затягивается до состояния едва различимого рубца. Проходит несколько мгновений - и мужчина открывает глаза. Смотрит на меня с недоверием и непониманием, а затем ощупывает собственный живот.

— Не время отлеживать зад, воин. - протягиваю ему руку, за которую тот хватается и в один рывок встает на ноги. - Твой меч мне все еще нужен.

Не жду, пока он окончательно придется в себя - иду к следующему. От него дальше - и так, пока не обхожу все крыло.

В голове порядком шумит, но зато за моей спиной уже какая-никакая, а приличная группа воинов. Некоторых из них я буквально вытащил с того света.

Всю свою жизнь я только то и делал, что убивал. После смерти, когда Кел'исс поднял меня с Темной в груди, число смертей на моих руках увеличилось еще сильнее. И я не надеюсь заслужить у богов прощение за каждую отнятую жизнь. Я не изменился, я по-прежнему служу Империи. Но дарить жизнь, видеть, как человек возвращается из-за порога небытия, - невероятно.

Это стоило того, чтобы умереть второй раз.

— Оставайся здесь, - говорю, обращаясь к Дэми. Та уже примеряет к руке легкий меч, чтобы идти с нами. Да и другие женщины от нее не отстают.

— Место северной женщины рядом со своим мужем, - упрямится она, но я все-таки отнимаю у нее оружие.

- Я вернусь, кошка.

— Пообещай мне, - требует она. И еще настойчивее: - Поклянись, Потрошитель, что никакая сила, ни добрая, ни злая, не отнимет мужа у жены и отца у сына! Поклянись всеми своими проклятыми богами, или я поклянусь, что вытащу тебя с того света еще раз, и собственными руками...

Я притягиваю ее за грудки.

Быстро и сильно, так что с размаху врезаемся друг в друга губами.

Мне ее поцелуй - как воздух.

Как молодое крепкое и дурное вино, от которого кружится голова.

Как игла в сердце, без которой уже не жить и не дышать.

Дэми обвивает мою шею руками, целует так жадно, что даже сейчас, в пылу битвы, когда на наши головы вот-вот может обрушиться новая напасть, мне хочется послать все к бесам и потащить ее в постель.

— Поклянись, Тьёрд, - уже слабым и дрожащим от страха голосом. - Я не переживу потерять тебя снова. Я... очень...

— И я люблю тебя, Дэми, - опережаю ее.

Как гора с плеч.

Как будто прошел через огонь - и закалился в нем, словно в горниле.

— Обещаю, что вернусь к тебе, - произношу свою клятву. - И сделаю все, чтобы вернулись все, кто пойдет со мной.

Глава шестидесятая: Тьёрд

— Дракон! Дракон! - несется с улицы.

— Всем быть здесь! - рявкаю так, что на голову едва не летят камни.

Выбегаю во двор, оттуда на стену.

Стальная машина как раз заходит на курс атаки.

— Нам больше нечем стрелять, - говорит стоящий рядом халларн. — Но второго сбили.

— В укрытие. Все!

— В укрытие!.. - несется по стене. И люди исчезают, прячутся под каменные навесы. Впрочем, проку от тех немного, если дракон выпустит по замку струю пламени.

Жду.

И снова не уверен в собственных способностях. Всего лишь ощущения, всего лишь легкий шепот в голове. Но пока все это меня не подводило. Хочется надеяться, что странно переродившаяся Темная в моей груди лучше меня знает, какой силой мы с ней теперь обладаем.

Дракон зависает в наивысшей точке, а затем камнем падает на замок. Он один может уничтожить всех его обитателей.

Ближе.

Еще ближе.

Момент истины, за которым все может закончиться. С момента своего первого воскрешения я знал, что Темная меня убивает. Моя окончательная смерть - лишь вопрос времени. Позже, во времена, когда влияние Темной на мой разум становилось сильнее, когда я с огромным трудом удерживался на границе сознания, не позволяя твари превратить меня в безумного убийцу, я начал понимать, что перестал бояться смерти. И даже как будто буду рад ее приходу.

Сейчас все иначе.

Я хочу жить.

И жажда моей жизни сильна настолько...

Я выбрасываю перед собой руку, раскрытой ладонью по направлению к дракону. Нет, он не собирается поливать Красный шип пламенем, он идет на таран.

Я закрываю и открываю глаза - и мир вокруг вспыхивает прозрачным куполом. Не знаю, видит ли его пилот дракона, но отвернуть он уже не успеет. Да он и не пытается.

Контакт.

Грохот взрыва невероятен. Огненная вспышка бьет по глазам, почти выжигает сетчатку. А потом изломанная изуродованная машина падает вниз - туда, где, задрав головы к небесам, замерли одержимые.

— К оружию! - кричу во всю глотку. - Мы идем за стены!

Мы - халларны.

Мы - северяне.

И мы - едины. Пусть на совсем коротком этапе бесконечной войны, но мы идем вместе, разим вместе и выживаем тоже вместе.

Поле боя - наша стихия.

Кто-то из северян затягивает древнюю песнь битвы. Я уже много раз слышал ее в заснеженных лесах, горах, на берегах рек и озер. С этой песнью на устах северные воины без страха шли на смерть, подставляясь под сокрушительные удары легендарной имперской пехоты или артиллерии. Мы слишком разные и вряд ли когда-то пойдем друг друга. Но мы можем сражаться вместе. Даже если завтра нам придется снова повернуть клинки друг против друга.

Вокруг меня появляется белое сияние. Оно ширится, расплзается, пока не захватывает всех, кого я

пожелаю. Каждый воин, на которого я обращаю мощь Темной, начинает тоже светиться. И это свечение – часть моей собственной силы, переданной другим.

Нас гораздо меньше, но теперь сила и скорость на нашей стороне. Больше никаких пушек, никаких драконов. Только сталь и плоть.

Битва заканчивает почти в сумерках. Но песнь битвы не превращается в песнь победы. Наверное, каждый, кто теперь стоит на поле боя и видит количество мертвецов на нем, чувствует какую-то внутреннюю опустошенность. Каждый из нас убивал не врага – мы убивали друзей. И радости этого быть не может.

Мы сделали грязную работу. Но это не та работа, которая достойна баллад и сказаний. О ней нельзя забывать, но и нельзя превозносить. Это просто этап.

Я вижу лица выживших северян, вижу лица уцелевших халларнов. Они уже в дне завтрашнем, уже думают о возвращении прежнего противника.

А пока у нас еще много работы. Грязной работы.

Нам надо похоронить всех наших убитых.

Эпилог: Тьёрд

— Как ты вернулся? – спрашивает Дэми, поводя пальцем по моей груди.

Там, под тонкой кожей, больше не живет безобразная черная тварь.

Теперь там нет ничего необычного... почти ничего, кроме пульсирующего белого свечения, бьющегося в такт моему собственному сердцу.

Мы лежим в постели, на белых, но порядком измятых простынях, на которых совсем недавно вели себя очень громко.

И следы нашего разврата до сих пор хранят алые от стыда щеки моей жены.

— Не знаю точно, - отвечаю честно. - Тени изменились. Я слышал тебя, но не мог ответить. Бежал, но не смог догнать. Ты исчезла.

— Мне показалось, что ты ответил на мой крик. - Дэми тяжело вздыхает и изо всех сил прижимается к моему плечу. Теперь спит только так - плотно прижавшись ко мне, всегда держа в руке мою руку. - Прости, что я не дождалась.

— Я думал, схожу с ума. Это было слишком нереально, чтобы моя дикая северная кошка пошла в пекло за моей душой.

Она шурится, явно ожидая услышать нечто такое, что очень хочет услышать. И всеми силами меня к этому подталкивает.

— Я умирал там без тебя, - говорю абсолютно искренне.

Мне нечего скрывать и нечего стыдиться. Эта женщина так глубоко пробралась в мою сущность, что даже в безумстве чужого мира я думал только о ней. И, возможно, только поэтому не сошел с ума.

Она улыбается и вскакивает с постели за миг до того, как из колыбели раздается громкий настойчивый плач нашего сына.

Я встаю следом, подхожу к ней, еще немного неуверенно заглядывая через плечо.

Наш сын.

Растет, как в сказках, по часам.

— Ему нужно дать имя, - говорит Дэми, перекладывая мальчишку мне на руки.

Я оторопело смотрю на этот шевелящийся сверток, и чувствую себя полным простофилей.

Видели бы меня Кел'исс и Эр - со смеху бы животы надорвали. Злой беспощадный и бессердечный генерал, гроза Империи, Потрошитель - и дрожит, держа в руках собственного сына.

Кел'исс...

— Я тоже об этом думала, - тихо говорит жена. - Заклинатель костей... Он был достойным человеком.

Когда-нибудь я привыкну, что мы можем читать друг друга без слов.

— Келл, - говорю сыну, и он на мгновение замирает, причмокивая губами, словно пробует имя на вкус. - Он был бы горд до усрачки, что кто-то получил его чертово имя.

— Тебе обязательно улетать? – спрашивает Дэми, ласковой змейкой обвиваясь вокруг моего локтя. - Я не буду знать покоя ни в одну из ночей, которую ты проведешь не в моей постели.

Я и сам боюсь оставлять ее одну. Но оставить придется.

— Я все еще халларнский генерал, Дэми. Правая рука Императора.

Она молчит, явно давая мне возможность продолжить самому. Мы не разговаривали на тему наших народов. Пока кругом много работы - причин хвататься лишней раз за меч куда как меньше. А работы все еще много.

Без помощи северян Красный шип не устоял бы. Люди, посланные Дэми перехватить пушки противника, в лесу наткнулись на своих - небольшой отряд, выдвинувшийся узнать, что творится в

районе замка. Не знаю, как долго и о чем они говорили, но северяне не только не преградили путь своим собратьям из Красного шипа, но, не жалея лошадей, разлетелись по окрестным деревням. За одни сутки поднялось несколько сотен северных воинов. Поднялись, чтобы помочь той, кого они же сами недавно чуть не сожгли, но которая показала им отметины на шеях их обезумевших товарищей.

Они ни о чем не просили, не ставили условий. Они пришли драться за женщину, к которой испытывали странную благодарность. Мне сложно понять, что именно толкнуло их на риск умереть здесь и сейчас, а не отсидеться в стороне, чтобы потом прийти и добить выживших. Извращенное чувство справедливости? Кто их, дикарей, знает. Надеюсь, когда-нибудь я смогу понять их мотивы. Потому что теперь у Севера есть шанс, какого не было ни у одной другой завоеванной империей провинции.

— Ты была права, иногда надо выждать, чтобы потом поднять голову и нанести ответный удар. Твой народ доказал, что его удар направлен не обезумевшим от горя слепцом, но разумным воином. Я никогда не смогу сказать, как благодарен Северу за то, что он уберег тебя для меня, за то, что уберег халларнов от нас же самих. Но я попробую уговорить Эра дать Северу... послабления. Он должен мне - и не сможет отказать. Халларны уйдут с твоих земель.

— А синалум? Вы же пришли ради него.

— Ну, - подмигиваю, чтобы немного развеять подступающую к глотке тоску разлуки. - Торговлю еще никто не отменял. Надеюсь, мы сможем договориться.

Я чувствую, как она вздрагивает всем телом.

Как ее слезы скатываются по моему плечу.

Я не ошибся в этой женщине.

Мне нужна была мать для моего ребенка, но в ней я нашел куда больше - в ней я нашел покой для своей истерзанной души.

Возможно, у нас есть будущее.

Возможно, оно есть у нас всех.

Конец